

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»**

На правах рукописи

Роговнева Юлия Васильевна

**КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
НЕФИКЦИОНАЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНО-
ОПИСАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ**

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических
наук

Научный руководитель

д.ф.н. доцент Сидорова Марина Юрьевна

Москва – 2015

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ЛИНГВИСТИКЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА	16
РАЗДЕЛ 1. КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТЕКСТА	16
1.1. Основные положения коммуникативно-функциональной грамматики Г.А. Золотовой, используемые и проверяемые в данной работе	22
1.2. Четырехступенчатая схема анализа текста	30
1.3. Понятие коммуникативного регистра в коммуникативно-функциональной грамматике Г.А. Золотовой	38
1.4. Оппозиция репродуктивности / информативности	45
1.5. Рематические доминанты и фрагменты текста	54
РАЗДЕЛ 2. НЕХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕПРОДУКТИВНО-ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА	62
2.1. Языковые и когнитивные различия между фикциональными и нефикциональными текстами	62
2.2. Наблюдение как основа репродуктивно-описательного регистра	70
Выводы по главе 1 «Коммуникативно-функциональный подход в лингвистике»	75
ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ	

ТЕКСТОВ-ОПИСАНИЙ, СОЗДАННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ НАБЛЮДЕНИЯ	78
РАЗДЕЛ 1. ОПИСАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ	80
РАЗДЕЛ 2. КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕКСТОВ – ОПИСАНИЙ ЧЕЛОВЕКА	88
2.1. Типовые значения в репродуктивных текстах-описаниях человека.	90
2.2. Коммуникативные регистры в репродуктивных текстах- описаниях человека.	101
2.3. Рематические доминанты в репродуктивных текстах- описаниях человека.	111
РАЗДЕЛ 3. КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕКСТОВ – ОПИСАНИЙ МЕСТА.	114
3.1. Типовые значения в репродуктивных текстах-описаниях места.	115
3.2. Коммуникативные регистры в репродуктивных текстах- описаниях места.	124
3.3. Рематические доминанты в репродуктивных текстах- описаниях места.	129
РАЗДЕЛ 4. КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕКСТОВ – ОПИСАНИЙ ПРЕДМЕТА.	132
4.1. Типовые значения в репродуктивных текстах-описаниях места.	133
4.2. Коммуникативные регистры в репродуктивных текстах- описаниях предмета.	141
4.3. Рематические доминанты в репродуктивных текстах- описаниях предмета.	144

РАЗДЕЛ 5. ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ В НЕХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕКСТАХ, СОЗДАНЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ НАБЛЮДЕНИЯ.	146
Выводы по главе 2 «Коммуникативно-функциональный анализ нехудожественных репродуктивных текстов-описаний, созданных в результате наблюдения»	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	173
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.	184
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	200

ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика, стремясь одновременно к углублению и к практической ориентации знания о языке, активно обращается, с одной стороны, к экспериментальным исследованиям речевой деятельности, с другой – к коммуникативно-грамматическому анализу текстов, позволяющему выявить и обобщить закономерности их устройства и соотнести «языковые факты с явлениями действительности и с характером соответствующих мыслительных процессов, вместе с тем уточняя их системную мотивированность» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 470].

Данная диссертация выполнена в русле функционально-коммуникативной грамматики, разработанной Г.А. Золотовой и получившей развитие в многочисленных трудах ее учеников. Однако подавляющее большинство этих исследований, а в первую очередь сама концепция коммуникативной грамматики русского языка, создавались на материале текстов художественных, с привлечением публицистических. А художественная литература, будучи высшей формой существования национального языка, обладает при этом рядом свойств, связанных со спецификой моделирования действительности в ней. Если репродуктивный регистр в художественном тексте неоднократно становился предметом внимания исследователей, то нехудожественные репродуктивные тексты, в которых не моделируется, а воспроизводится наблюдаемая говорящим действительность, оставались практически за пределами внимания. Однако изучение этих текстов необходимо для проверки коммуникативно-функциональной теории и для ее дальнейшего развития в теоретическом и прикладном аспектах.

В [Сидорова, Роговнева 2015] обоснованы три задачи, которые должны быть решены для заполнения этой лакуны:

1) изучение репродуктивного текста, создаваемого по заданию «Опишите X», где X – предъявляемый наблюдаемый стимул, причем в задании делаются эксплицитные уточнения типа «Описывайте только то, что видите, слышите, ощущаете, то, что доступно в данный момент вашим органам чувств», или «Опишите, что вы видите на фотографии/картинке», или «Опишите по памяти...»;

2) изучение репродуктивного текста, служащего комментарием к видеоряду, например, закадрового текста в научно-популярных фильмах о животных, космосе и т.п.;

3) изучение репродуктивных текстов, создаваемых коммуникантами в условиях разного соотношения коммуникативной и денотативной ситуации.

Настоящая диссертация вносит вклад в решение первой и частично третьей задачи.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, необходимостью проверки и развития положений коммуникативно-функциональной грамматики Г.А. Золотовой на текстовом материале, принципиально отличающемся от того материала, на котором эта концепция была создана, с помощью экспериментальных методов. В то же время изучение способов созданияговорящим текста репродуктивного регистра в нефикциональной коммуникативной ситуации является новым шагом в разработке актуальной в мировой лингвистике научной проблемы «thinking for speaking» (см., например, [Slobin 1987; Slobin 1996; Slobin 2000], [Stutterheim et al. 2012], [Stutterheim 2003], [Treffers-Daller 2012], [Athanasopoulos, Bylund 2013]).

Цели исследования:

1. Выявить языковые особенности репродуктивно-описательных текстов, основанных на непосредственном наблюдении, на примере описаний предмета,

места и человека и предложить методику их изучения, соответствующую коммуникативной специфике этих текстов.

2. На основе анализа этих текстов протестировать эффективность и универсальность коммуникативно-функциональных инструментов текстового анализа.

Для достижения этих целей нами были поставлены и решены следующие **задачи:**

1. Разработать систему экспериментов, связанных с описанием действительности на основе непосредственного наблюдения; при разработке этой системы учесть различные коммуникативные ситуации для позиции говорящего и различные денотативные ситуации (описание лица, предмета, локуса);

2. Проанализировать полученные в ходе экспериментов тексты по четырехступенчатой схеме анализа текста Г.А. Золотовой с использованием основных исследовательских инструментов коммуникативно-функциональной грамматики;

3. Оценить работоспособность и продуктивность четырехступенчатой схемы анализа и основных исследовательских инструментов коммуникативно-функциональной грамматики для их применения к репродуктивным текстам, созданным на основе непосредственного наблюдения;

4. Уточнить и доработать некоторые понятия коммуникативно-функционального подхода для их применения к текстам, созданным на основе непосредственного наблюдения;

5. Изучить языковые особенности нефикциональных текстов репродуктивного регистра (в сопоставлении их с текстами фикциональными) и определить, как проявляется эта специфика на разных ступенях анализа текста;

6. Разработать комплексную методику анализа текстов с учетом их функциональной специфики, объединяющую коммуникативно-функциональные и когнитивно-экспериментальные методы.

Объект исследования — нехудожественные (нефикциональные) репродуктивно-описательные тексты, созданные на основе непосредственного наблюдения. Под «**текстами, созданными на основе непосредственного наблюдения**», понимаются тексты, описывающие действительность либо непосредственно находящуюся перед говорящим (в том числе в виде фотографического или другого изображения), либо действительность, которая была доступна его наблюдению ранее и описывается по памяти.

Предмет исследования — языковые средства, образующие эти тексты, их композиция.

Материал исследования — нехудожественные репродуктивно-описательные тексты, полученные в результате 8 экспериментов, проведенных со студентами МГУ имени М.В. Ломоносова (филологический и механико-математический, факультеты) и Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина (филологический факультет). Во всех экспериментах студентам предлагалось описать какой-либо объект, задание при этом формулировалось разными способами, однако в любом случае от респондентов требовалось создание текста в репродуктивном регистре (подробнее об экспериментах см. раздел 1 глава 2). При формировании базы текстов учитывались следующие критерии.

1. Денотативная ситуация:

а) описание человека;

б) описание места;

в) описание предмета.

2. Коммуникативная ситуация.

а) Положение говорящего по отношению к описываемому:

- говорящий находится непосредственно в хронотопе описываемого (описание соседа по парте, фотографии, которую говорящий видит перед собой, своей сумки или телефона);

- говорящий не находится непосредственно в хронотопе описываемого – описание «по памяти» (описание станции метро или входа в учебный корпус).

б) Степень знакомства говорящего с объектом описания:

- описание объекта, потенциально незнакомого говорящему или мало известного ему (описание фотографий актрисы Марлен Дитрих и певицы Мадонны);

- описание объекта, который говорящий хорошо знает (описание соседа по парте, станции метро или входа в учебный корпус, своей сумки или телефона).

Всего в ходе исследования было проанализировано 358 текстов, из которых 130 текстов – описание человека; 138 текстов – описание места, 90 текстов – описание предмета.

Теоретическим и методологическим основанием для исследования послужила функционально-коммуникативная теория Г.А. Золотовой, в рамках которой предложена четырехуровневая схема анализа текста, а также такие продуктивные инструменты лингвистического анализа, как система коммуникативных регистров, субъектная перспектива текста и система текстовых функций предикатов [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998]. Кроме того, большое значение для исследования имеют положения чешского функционализма (Пражского лингвистического кружка), в частности идеи об актуальном членении (функциональной перспективе) предложения [Mathesius 1939], [ПЛК 1967], [Daneš 1966], [Firbas 1982].

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые представлено приложение основных положений функционально-коммуникативного подхода к анализу нехудожественных текстов, что позволило получить новые данные об их устройстве и разработать методику их анализа.

Теоретическая значимость исследования заключается в научном подтверждении универсальности принципов коммуникативно-функционального подхода, разработке понятийного аппарата коммуникативно-функциональной грамматики (в первую очередь системы коммуникативных регистров); в формировании новой классификации репродуктивно-описательных текстов. Все это служит шагом по направлению к созданию всеобъемлющей классификации текстов объединяющей регистровые характеристики с типологией коммуникативных ситуаций. Кроме того, полученные в исследовании выводы демонстрируют соответствие положений коммуникативно-функциональной грамматики и психолингвистики ([Выготский 1999], [Ахутина 2012]), что позволяет рассматривать коммуникативно-функциональную грамматику и психолингвистику как два подхода с разных сторон (первый – от языкового материала, второй – от языковой деятельности) к объяснению языковых фактов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в университетских курсах «Современный русский язык. Синтаксис», «Грамматика и текст», а также в школьном курсе русского языка, при изучении и преподавании русского как иностранного. Кроме того, полученные результаты имеют значение для корпусной лингвистики (образуя базу для создания регистрово взвешенного национального корпуса русского языка) и компьютерной лингвистики, в тех ее междисциплинарных задачах, которые связаны с автоматической обработкой и описанием изображений (см., например, [Сидорова, Гостев 2015]).

На защиту выносятся следующие положения.

1. Объединение коммуникативно-грамматических и когнитивно-экспериментальных методов позволяет сформировать классификацию репродуктивно-описательных текстов, созданных на основе непосредственного наблюдения, учитывающую следующие параметры коммуникативной ситуации:

1) пространственно-временное положение говорящего по отношению к описываемому объекту (прямое наблюдение или описание «по памяти»);

2) степень знакомства говорящего с описываемым объектом.

2. От типа коммуникативной ситуации, в которой производится репродуктивно-описательный текст, зависят:

а) количество в тексте информативных включений (их больше при описании объекта, который знаком говорящему, и при описании объекта по памяти);

б) тип информативных включений (предположение – если говорящий не знаком с объектом, который он описывает, и знание – если говорящий знаком с объектом);

в) количество в тексте оценочных признаков (их больше при описании знакомого говорящему объекта).

3. Характер и количество информативных включений свидетельствуют о закономерном взаимодействии сенсорного и ментального способов восприятия действительности при создании репродуктивного текста, основанного на непосредственном наблюдении. Доля и характер информативных включений зависят от знакомства / незнания говорящего с описываемым объектом и от пространственно-временного положения говорящего по отношению к описываемому объекту (непосредственное наблюдение, описание фотографии

или описание «по памяти»). Анализировать сочетание и взаимодействие этих двух типов восприятия можно с учетом регистровой принадлежности текста, коммуникативной ситуации и коммуникативной задачи, стоящей перед говорящим.

4. Информативные включения в репродуктивно-описательные тексты, созданные на основе непосредственного наблюдения, бывают 6 типов: 1) оценочные признаки; 2) информативные признаки; 3) элементы знания; 4) элементы опыта и многократного наблюдения; 5) элементы предположения; 6) умозаключение, вывод. Распределение этих типов по текстам зависит от коммуникативной ситуации, в которой находится говорящий (пространственное-временное положение говорящего и его знакомство / незнакомство с объектом описания).

5. Оценочные признаки регулярно появляются в тех текстах, авторы которых знакомы с описываемым объектом и, соответственно, имеют к нему оценочное отношение. Соответственно, наличие оценочных признаков в исследуемых текстах также зависит от коммуникативной ситуации.

6. Проведенные эксперименты и их результаты подтвердили, что система коммуникативных регистров – это не просто совокупность языковых средств для обозначения предметов действительности, но и существующие в сознании говорящего способы восприятия этой действительности, для каждого из которых существует определенный набор, репертуар языковых средств. Анализируя языковые средства в тексте, исследователь может приблизиться к авторскому способу восприятия действительности, составляющему важный компонент стратегии автора. Таким образом, регистровая характеристика – это характеристика не только текста, но и прежде всего мысли говорящего – той призмы, через которую он преломляет мир, «упаковывая» его в текст. Такой подход к пониманию регистра позволяет соотнести понятия регистра в

коммуникативно-функциональном подходе и системно-функциональной грамматике (М.А.К. Холлидей и последователи).

7. Анализ репродуктивных текстов-описаний человека, места и предмета показал, что четырехступенчатая схема анализа применима не только к художественным текстам, но и к текстам, созданным на основе непосредственного наблюдения действительности. Однако для более полного анализа необходимо учитывать не только предикативные единицы – модели предложения, но и синтаксемы, которые участвуют в построении конструкций (как компоненты модели или же распространители этой модели), поскольку не только в модели, но уже в самой синтаксеме может быть заложена регистровая предрасположенность, которая в некоторых случаях определяет регистр целого высказывания. В связи с этим мы можем говорить о регистрово-маркированных синтаксемах. С учетом всего вышесказанного представляется логичным выделение «нулевого» уровня в схеме анализа текста – уровня допредикативных единиц.

8. Изучение нефикциональных репродуктивных текстов-описаний позволяет сформулировать критерии репродуктивности и информативности предложения: чтобы монопредикативная единица функционировала в репродуктивном регистре, в ее составе не должно быть ни одного показателя информативности; чтобы монопредикативная единица функционировала в информативном регистре, в ее составе должен быть хотя бы один показатель информативности.

9. В результате анализа полученных текстов доказано, что принципы анализа текста, разработанные в коммуникативно-функциональном подходе, в целом применимы как к фикциональным текстам, так и к нефикциональным текстам, созданным на основе непосредственного наблюдения. Однако в последнем случае следует учитывать, что тексты создаются с опорой на конситуацию, в которой для говорящего наиболее важными и первичными

являются понятия не субъекта и предиката, а «данного» и «нового», поскольку говорящий, воспринимая действительность и вербализуя «то, что он видит», структурирует наблюдаемый объект прежде всего на то, что ему известно об этом объекте, и на то, что является для него новой информацией. Именно анализ «данного» и «нового» на всех уровнях моделирования текста позволяет ответить на вопрос, как создается этот текст.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования обсуждались на международных и всероссийских конференциях:

1. V Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2014);
2. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Языковое и литературное образование в современном обществе - 2014 (Рамзаевские чтения)» (Санкт-Петербург, 2014);
3. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2015).
4. Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 2015).
5. XI Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (Владимир, 2015).

Основные положения и результаты исследования отражены в 8 публикациях автора, из которых 4 статьи опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Работа состоит из Введения, двух Глав с выводами, Заключения, списка Литературы и Приложений. Во **Введении** дается общая

характеристика работы, обосновывается ее актуальность и научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цели и задачи, а также выносимые на защиту положения; указываются объект, предмет и материал исследования. В **1 Главе** анализируются особенности функционально-коммуникативного подхода в лингвистике, исследуются основные инструменты анализа текста; также анализируются особенности нефикциональных текстов. **2 Глава** посвящена коммуникативно-функциональному анализу нефикциональных репродуктивно-описательных текстов, созданных на основе непосредственного наблюдения. В **Заключении** формулируются результаты решения задач и обозначаются основные перспективы для дальнейшего исследования нефикциональных текстов. В **списке Литературы** перечислена библиография, послужившая теоретической базой для исследования. В **Приложении 1** приведены примеры текстов-описаний, полученных нами в результате серии экспериментов; в **Приложении 2** представлены фотографии, которые описывали респонденты.

ГЛАВА 1. КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ЛИНГВИСТИКЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

РАЗДЕЛ 1. КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТЕКСТА

Лингвистика второй половины XX – начала XXI вв. характеризуется поиском новых путей для исследования накопленного и непрерывно пополняющегося материала. Помимо ставших традиционным объектом для лингвистического анализа текстов художественной литературы, появилось большое количество «новых» форм словесного творчества (публицистических, рекламных, разговорных и т.п.), специфика которых не позволяет применять к ним традиционные схемы анализа. Постепенно стало понятно, что формальный подход, не может ответить на многие вопросы, возникающие при исследовании живых языковых явлений и стимулированные прикладными задачами: «Преодолев этап формально-структуралистский с его формулами, пренебрегавшими смыслом, признали семантику, но с условием “грамматика – отдельно, семантика – отдельно”, строили опять же формулы, теперь двух-, трех- и даже пятиэтажные. Уровневый подход не давал ответа на вопрос: какими же средствами выражается семантика. Ведь на ее “этаже” нет своих единиц» [Золотова 2007].

Поиски универсального подхода продолжают по сей день, однако при этом важно иметь в виду, что «любой односторонний практический подход сам по себе не способен дать общую характеристику языка» [Холлидей 1980: 119]. В этот период (вторая половина XX – начало XXI вв.) становится все более очевидным, что основным объектом исследования лингвистов должно быть не отдельное языковое явление, а текст, в котором находит свое место языковое явление и который создается автором – конкретным человеком. В связи с этим исследователей все больше занимают проблема автора как организующего начала текста и проблема функционирования языковых единиц в тексте.

Функция выдвигается на первый план и признается отличительной особенностью языка еще в первой половине XX века пражскими лингвистами, которые учитывали, с одной стороны, структуру, с другой – функцию: «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с последней обладает целевой направленностью. Анализ речевой деятельности как средства общения показывает, что самой обычной целью говорящего является выражение. Поэтому к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения *язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели*. Ни одно явление в языке не может быть понято без учета системы, к которой оно принадлежит» [ПЛК 1967: 17].

Однако задачей каждого нового лингвистического подхода не является отрицание идей предшествующих теорий и построение абсолютно новой теории, полностью меняющей представление о системе языка. Еще в середине XX в. академик В.В. Виноградов отмечал, что «многие светлые идеи, открытые прежней грамматикой или вновь выдвигаемые общим языкознанием, не находят применения в современных грамматических условиях. Поэтому необходимо при построении грамматической системы современного русского языка глубже использовать лингвистическое наследство и шире привлекать свежие факты живого языка» [Виноградов 2001: 13]¹. Это остается актуальным и в настоящее время. Новая лингвистическая теория должна учитывать предыдущий опыт, критически оценивая его, принимать его достоинства и исправлять недостатки, а вместе с тем привлекать новый материал для исследования. «Наблюдения над материалом побуждают к поискам системных закономерностей в устройстве и функционировании языка» [Золотова 2007]. Одной из таких «новых» теорий, которая, учитывая предшествующие идеи и достижения, предлагает свой взгляд на систему языковых явлений и ее функционирование, является коммуникативно-функциональный подход в

¹ Цитируется по 4-му изданию книги Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). – М., 1947.

отечественной лингвистике. Прежде чем перейти непосредственно к анализу положений этого подхода, мы обратимся к истории функционализма в лингвистике и к современному положению функциональных идей.

В XX веке идеи функционализма были востребованы как мировыми, так и отечественными лингвистами. Впервые принципы функционального подхода были сформулированы и систематизированы в «Тезисах пражского лингвистического кружка», вышедших в 1929 г. Далее идеи функционализма разрабатывались в мировой лингвистике чешскими лингвистами, а также К. Бюлером, который определил три основные функции языка [Бюлер 1993]². Р. Jakobson развил идеи К. Бюлера и выделил 6 функций языка, каждая из которых соответствует одному элементу речевой коммуникации [Jakobson 1975].

В современной лингвистике встречаются различные определения функционализма, среди которых мы отметим следующие:

1. «В науке о языке функционализмом называется теоретический подход, который утверждает, что фундаментальные свойства языка не могут быть описаны без обращения к понятию функции. <...> Многие современные направления функционализма ставят перед собой более конкретную задачу – объяснение языковой формы ее функциями» [Современная американская лингвистика 2002];

2. «Для лингвистического функционализма характерно мнение, что формы естественных языков создаются, регулируются, подчиняются требованиям, усваиваются и используются ради их коммуникативных функций» [Демьянков 2000];

3. «Исходное предположение функционализма заключается в том, что строение языка определяется его использованием. Язык и грамматика таковы, каковы они есть, потому что они отвечают определенным и довольно жестким

² Здесь имеется в виду русский перевод немецкоязычного издания Bühler K., Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache. – Jena, 1934.

требованиям, накладываемым на них условиями использования языка» [Тестелец 2001].

К концу XX в. функциональные теории получили большое распространение среди европейских и американских лингвистов. В.З. Демьянков выделяет следующие разновидности функциональной грамматики 2-ой половины XX в.:

1. порождающая семантика (Чейф, Филлмор);
2. анализ дискурса (Чейф, Гивон, Ли, Хоппер, Томпсон);
3. когнитивная грамматика (Лангаккер, Лакофф);
4. конструкционная грамматика (Филлмор);
5. грамматика ролей и референции (Фоли и Ван Валин);
6. функционалистские объяснения в рамках «стандартной генеративной теории» (Куно) [Демьянков 2000].

А.А. Кибрик выделяет 3 разновидности современного функционализма, различающиеся степенью радикальности:

1. «Пограничные» функционалисты (С. Куно, Дж. Хокинс);
2. «Умеренные» функционалисты (Р.Д. Ван Валин, М. Драер, С. Дик);
3. «Радикальные» функционалисты (Т.Гивон, У.Чейф, С.Томпсон, П.Хоппер) [Современная американская лингвистика 2002].

М.Ю. Сидорова в [Текст 2011] говорит о следующих направлениях функционализма в лингвистике конца XX – начала XXI вв.:

1. Функциональная грамматика Т. Гивона;
2. Референциально-ролевая грамматика (role and reference grammar) У.Фоли, Р.Ван Валина;

3. Функциональная дискурсивная грамматика С. Дика, К. Хенгевельда и Дж. Л. Макензи
4. Лингвистика текста Р. де Богранда и В. Дресслера
5. Грамматика текста и контекста Т.А. ван Дейка
6. Системно-функциональная грамматика (М.А.К. Холлидей, Р. Хасан, Е. Вентола и др.)
7. Коммуникативно-функциональная грамматика Г.А. Золотовой
8. Теория функциональной грамматики А.В. Бондарко.

Среди современных функциональных теорий следует отметить системно-функциональную лингвистику М.А.К. Холлидея (см., например, [Halliday 1985]). С точки зрения этого подхода, предназначение грамматики – объяснять использование языка, а текст представляется семантическим явлением, в котором семантика связана с грамматикой, «грамматические категории должны интерпретироваться как выражения семантических моделей» [Гаврилова 2014]. Языковая система при этом понимается как набор возможностей, которые реализуются в зависимости от ситуации. М.А.К. Холлидей вводит понятие регистра, которое отражает ситуацию использования языка (*use*), то есть выбор языковых средств и построение высказывания в зависимости от адресата, темы, уровня формальности, выбираемого говорящим, и других ситуативных параметров [Halliday 1964].

В XX – XXI вв. идеи функционализма получили распространение и в работах отечественных лингвистов, среди которых следует отметить:

А.В. Бондарко – родоначальника теории функционально-семантических полей [Бондарко 1971; Бондарко 1981; Бондарко 1984], [ТФГ 1987];

Г.А. Золотову, которая создала коммуникативно-функциональную грамматику русского языка, основанную на принципе анализа языковых явлений, исходя из единства их значения, формы и функции, и разработала

четырёхступенчатую схему анализа текста [Золотова 1973 (2009)³; Золотова 1982; Золотова 1988 (2006)⁴];

М.В. Всеволодову, которая развила идеи коммуникативно-функционального подхода в приложении к практике преподавания русского языка как иностранного [Всеволодова 1975; Всеволодова 2000], [Всеволодова, Владимирский 1982],[Всеволодова, Панков 1999].

С точки зрения соотношения теории и практики состояние функционализма в отечественной лингвистике можно описать словами М.В. Всеволодовой: «В России сформировалось как бы два крыла функциональной грамматики: академическое, собственно теоретическое, основоположниками которого справедливо считаются А.В. Бондарко и Г.А. Золотова, и университетское, в основе своей прикладное, педагогическое, выросшее из практики преподавания русского языка инофонам» [Всеволодова 2000: 3-4].

Важно подчеркнуть, что не все существующие на сегодняшний день теории, характеризующие себя как функциональные, одновременно являются антропоцентричными, текстоцентричными и коммуникативными. М.Ю. Сидорова отмечает, что лингвистическую теорию следует считать текстоцентричной, если именно текст находится в центре ее системы и является главным объектом исследования. Так, например, референциально-ролевая грамматика Р. Ван-Валина или ТФГ А.В. Бондарко текстово ориентированными не являются [Текст 2011]. К текстоцентричным теориям относятся системно-функциональная грамматика М.А.К. Холлидея и коммуникативно-функциональная грамматика Г.А. Золотовой, которые рассматривают текст основным объектом исследования.

³ Далее «Очерк...» будет цитироваться по изданию 2009 года.

⁴ Далее «Словарь...» будет цитироваться по изданию 2006 года.

1.1. Основные положения коммуникативно-функциональной грамматики Г.А. Золотовой, используемые и проверяемые в данной работе

Основные положения коммуникативно-функциональной грамматики были разработаны в русистике во второй половине XX – начале XXI вв. трудами Г.А. Золотовой и ее учеников [Золотова, 1973 (2009); Золотова 1982; Золотова 1988 (2006)], [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998], [Золотова, Онипенко, Дручинина 2002], [Сидорова 2001; Сидорова 2000; Сидорова 2012],[Уржа 2009;Уржа 2014], [Онипенко 2002; Онипенко 2003; Онипенко 2012], [Никитина 2008],[Муравьева 2008; Муравьева 2009], [Завьялова 2002; Завьялова 2006]. При этом «термины **функциональный** и **коммуникативный** употреблены здесь не как синонимы: эта грамматика функциональная потому, что старается ответить на вопросы “Как функционирует язык?”, “Как функционируют при речестроении все уровни и единицы языка?”; коммуникативная она потому, что ориентирована на решение коммуникативных потребностей» [Всеволодова 2000: 3]. Одно из преимуществ коммуникативно-функционального подхода заключается в том, что он объясняет «принципы внутренней организации синтаксической системы с точки зрения того, как она служит для выражения мыслей и для общения людей, то есть с точки зрения коммуникативного назначения языка» [Золотова 2009: 6]. Коммуникативно-функциональный подход не предполагает анализ языковых единиц в определенном направлении *от... к...*, а учитывает их трехмерную целостность – единство формы, значения и функции, причем в первую очередь коммуникативной функции языковой единицы – ее роли в организации высказывания как части процесса коммуникации. Эту коммуникативную функцию могут выполнять только синтаксические единицы, организованные с помощью единиц низших уровней языковой системы. «Собственно коммуникативную функцию выполняют синтаксические единицы, элементы других уровней приобретают коммуникативную значимость лишь

через единицы синтаксического уровня» [Золотова 2009: 7]. Каждое синтаксическое явление целесообразно рассматривать «с точки зрения выполняемых им функций в процессе коммуникации» [Там же: 349].

Следует отметить, что многие современные теории характеризуют себя как функциональные, однако признания теории функциональной необходим не просто интерес к функции, но именно к коммуникативной функции. «В лингвистической и педагогической литературе бытует представление о функции как о понятии, связанном только с речью, употреблением языка, но не имеющим отношения к грамматической системе. Возможно и такое понимание функции, но оно односторонне и утрачивает научное и практическое значение, будучи оторвано от языковой основы» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 47]. Именно обращением к коммуникативной функции обусловлены особенности коммуникативно-функционального подхода, которые мы подробно анализируем ниже.

1. Коммуникативно-функциональный подход рассматривает языковые единицы всех уровней языка в их триединой сущности – форма языковой единицы, ее значение и функция, которую эта единица выполняет в высказывании. При этом направленность *от.... к...*, очень важная для других синтаксических теорий, здесь не имеет значения и не предполагается, поскольку важным представляется именно единство трех сторон языковой единицы, так как именно оно помогает найти место языковой единицы в процессе коммуникации. «Осознание трехмерной целостности как основания идентификации конкретной языковой единицы привело к пересмотру приоритетов и к отказу от приоритета формы над значением, а значит, и к пересмотру приоритета классификационно-описательного принципа представления русского предложения – представления в виде списка структурных схем, лишенных не только функции, но и семантики» [Онипенко 2001a].

Форма языковой единицы – это ее внешняя оболочка, материальный носитель значения и функции, это собственно морфологическая информация о единице, характеризующая ее по принадлежности к части речи. На уровне синтаксиса формой является абстрактная запись структурной схемы, в состав которой входят отвлеченные символы частеречной принадлежности членов синтаксической конструкции с индексами – показателями их грамматической формы. Эта структурная схема представляет собой отвлеченный образец, и она безразлична к лексическому наполнению конструкции, что приводит к тому, что по одной структурной схеме строятся предложения разных типовых значений с разным лексическим наполнением и с разным характером связи внутри конструкции. Так, например, предложения *Экскурсовод ведет группу по городу* и *Лестница ведет к выходу* построены по одной структурной схеме $N_1 - V_F$, в состав которой входит существительное в именит.падеже и личная форма глагола. Соответственно, между этими предложениями не наблюдается структурных различий. Однако «тождественность конструкций, представляемых будто бы синтаксической символизацией, оказывается мнимой, собственно тождественностью только морфологических форм слов, соединение которых дает разные семантико-синтаксические результаты» [Золотова 2009: 14]. В первом предложении перед нами сопряжение существительного, обозначающего лицо, с акциональным глаголом, и это сопряжение дает типовое значение конкретного действия лица. Во втором предложении – сопряжение предметного существительного с неакциональным реляционным глаголом, который обозначает пространственные отношения и формирует предикат только в соединении с другим существительным (*к выходу*). Типовое значение этого предложения – ориентация предмета в пространстве.

Значение языковой единицы – это ее семантика, категориальный смысл, отражение в языковой единице действительности. Поскольку «синтаксические средства языка служат формированию и выражению мысли, а в речи – мысли

находят отражение и обобщение явления и отношения объективной действительности, то семантическая структура предложения, представляющая языковыми средствами тот или иной тип категориальных связей действительности подлежит ведению языкознанию, а не логики» [Золотова 2009: 13]. Выше было показано, как конструкции, оформленные по одной структурной схеме, то есть имеющие одну и ту же форму, различаются по своей семантике и функции, поскольку в их состав входят единицы с различной семантикой и по-разному отражающие действительность.

Функция языковой единицы – это роль языковой единицы в построении предложения. А поскольку предложение – это часть процесса коммуникации, то синтаксическая единица, участвующая в построении предложения, участвует и в формировании процесса коммуникации. «Функция – соответствующая категориальному значению конструктивная роль данного элемента как части целого» [Золотова 2007]. Как уже было сказано выше, только единицы синтаксического уровня участвуют в формировании процесса коммуникации и выполняют коммуникативную функцию.

Приведенные выше примеры предложений с одинаковой структурой, но различающиеся значением, со всей очевидностью показывают, насколько ошибочно признавать только авторитет формы языковой единицы. Форма является всего лишь оболочкой, материальным носителем значения и функции. Однако без учета этого материального носителя полный анализ значения и функции языковой единицы также становится невозможным. Именно поэтому коммуникативно-функциональный подход учитывает три стороны языковой единицы в их единстве, не отдавая предпочтение ни одной из них и не предполагая определенного направления анализа (*от... к...*). «Этот комплексный критерий, более объективно отвечающий сущности языковых явлений, позволяет переориентировать грамматику от классификационных задач к объяснительным» [Золотова 2001]. В этой связи уместно вспомнить чешского лингвиста Ф. Данеша, который говорил о необходимости

25

выделения трех разных уровней в синтаксисе: 1) уровня грамматической структуры предложения; 2) уровня семантической структуры предложения; 3) уровня организации высказывания [Daneš 1966]. Признание трехмерной целостности языковой единицы не отрицает важности ее формальной организации, а рассматривает эту организацию в соотношении с семантикой этой единицы и ее функционированием в формировании коммуникативного процесса.

2. Анализируя языковые единицы в их триедином целом, функционально-коммуникативный подход по-новому решает вопрос о том, что же является минимальной синтаксической единицей. Г.А. Золотовой для обозначения минимальной единицы синтаксиса было введено понятие **синтаксемы**, которое определяется ей как «минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризуемая, следовательно, определенным набором синтаксических функций» [Золотова 2006: 4]. Синтаксема – это синтаксическая форма слова, минимальная единица, которая обладает формой, значением и функцией. Следовательно, именно синтаксема является минимальной единицей в процессе коммуникации. В «Синтаксическом словаре» Г.А. Золотовой приводится подробная классификация синтаксем в зависимости от коммуникативно-функциональных возможностей [Золотова 2006]. В нашей работе нас будут интересовать синтаксеммы как элементарные синтаксические единицы докоммуникативного и допредикативного уровня синтаксиса, участвующие в построении предложений, синтаксеммы как средства обозначения элементарных смыслов, а так же выбор говорящим синтаксем при выполнении определенной коммуникативной задачи.

Таким образом, коммуникативно-функциональный подход предлагает рассматривать форму слова как наименьшую синтаксическую единицу, как средство обозначения элементарных смыслов. При этом важно учитывать не

26

морфологическую, а именно синтаксическую форму слова в единстве ее формы, значения и функции. Признавая синтаксическую форму слова минимальной синтаксической единицей, участвующей в образовании более крупных единиц, можно избежать нежелательного разрыва между допредикативным и предикативным уровнем в синтаксисе.

3. Коммуникативно-функциональный подход рассматривает языковые явления через призму **антропоцентричности**. С этой точки зрения, в центре языковой системы находится человек – «как субъект речевой деятельности, как социального общения, как лицо воспринимающее и осмысляющее мир» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 20]. Именно говорящая личность, имея в распоряжении определенный набор языковых средств, отбирает их для отображения в своем высказывании явлений действительности в соответствии со своим видением этой действительности. Именно говорящий выбирает определенную языковую единицу в единстве ее формы, значения и функции. Поэтому одним из важнейших вопросов, на который старается ответить коммуникативно-функциональный подход, является вопрос о выявлении способов присутствия говорящего в высказывании, выявление позиции говорящего, места говорящего по отношению к явлениям действительности, о которых идет речь в его высказывании.

Поскольку любой текст создается человеком, всегда следует иметь в виду, что «нет ни одного текста, не порожденного коммуникативными намерениями субъекта речи и не отражающего в своей структуре ту или иную пространственно-временную позицию его по отношению к сообщаемому» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998:20]. Задача исследователя – определить эту пространственно-временную позицию говорящего и приблизиться к пониманию его коммуникативных намерений.

Все языковые единицы, из которых состоит текст, подбираются с учетом позиции говорящего и с учетом видения им действительности.

Коммуникативно-функциональный подход, ставя антропоцентричность в центр своей концепции, должен предложить способы выявления и анализа этой позиции говорящего и его роли в тексте. Одним из таких способов является понятие коммуникативного регистра, этому будет посвящен отдельный параграф в нашей работе. Здесь снова уместно процитировать мысль Ф. Данеша о том, что условия акта коммуникации определяются общими условиямилинейной реализации и линейного восприятия высказывания – с одной стороны, и экстралингвистическим содержанием сообщения – с другой. («The conditions of the act of communication are determined by the general character and regularities of the linear materialization and linear perception of utterance on the one hand, and on the other by the extra-linguistic content of the message, by the context and situation and by the attitude of the speaker towards the message and towards the addressee») [Daneš 1966].

4. **Текстоцентричность** является еще одной особенностью коммуникативно-функционального подхода. Основным объектом изучения признается не отдельная языковая единица в единстве формы, значения и функции (например, отдельная синтаксема или предложение, состоящее из нескольких синтаксем), а именно целый текст. Языковая единица (отдельная синтаксема или предложение) и любое языковое явление определяются как части этого текста и могут получать осмысление именно в тексте, но не сами по себе. Таким образом, все синтаксические единицы – от синтаксем до фрагментов текста – могут быть полностью проанализированы только как структурные компоненты текста, в состав которого они входят, поскольку именно в составе текста эти единицы приобретают определенную форму, семантику и функцию в соответствии с замыслом (стратегией) говорящего – автора текста. Отдельное же рассмотрение этих синтаксических единиц не дает полного представления об их форме, семантике и функционировании.

Как мы уже отмечали в начале главы 1, признание текста основным объектом исследования является одной из главных отличительных

28

особенностей коммуникативно-функционального подхода, поскольку другие синтаксические теории, даже те, которые признают важность исследования функции языковых единиц, не рассматривают текст как основной объект своего исследования и зачастую ограничиваются предложением как наивысшей синтаксической единицей. Текст же остается предметом исследования стилистики или литературоведения. Авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» отмечают, что текст и его структура могут быть предметом исследования как литературоведения, так и лингвистики [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998]. Терминологический аппарат и разработанная модель анализа коммуникативно-функционального подхода позволяют обнаружить новые «возможности изучения текстовых структур на основе грамматического знания» [Там же: 478]. При этом текст понимается как конкретная реализация языковой системы, а сама языковая система исследуется в результате анализа текстов, созданных говорящим. Подробнее об анализе текста в коммуникативно-функциональном подходе речь пойдет в параграфе 1.2. (раздел 1 глава 1) нашего исследования.

Преимущество коммуникативно-функционального подхода заключается в том, что он предлагает целый, комплексный анализ как всей языковой системы, так и отдельных текстов – конкретных реализаций этой системы. При этом учитываются три составляющих языковой единицы – ее форма, значение и функция (в первую очередь коммуникативная), которую эта единица выполняет в тексте. Однако полный анализ невозможен без учета позиции говорящего и его отношения к изображаемому им явлению действительности, поэтому коммуникативно-функциональный подход в центр своей концепции ставит автора – человека, создающего текст. Коммуникативный подход формирует «принципы внутренней организации синтаксической (а шире – языковой *прим. Ю.Р.*) системы с точки зрения того, как она служит для выражения мыслей и для общения людей, т.е. с точки зрения коммуникативного назначения языка» [Золотова 2009: 6].

Для нашего исследования наиболее важными являются следующие понятия: **четырёхступенчатая схемаанализа текста, коммуникативный регистр, рематическая доминанта**. О них пойдет речь в следующих параграфах.

1.2. Четырёхступенчатая схемаанализа текста

Г.А. Золотовой была разработана четырёхступенчатая схемаанализа текста, которая позволяет рассматривать любой текст в его вертикальном срезе – от наименьших значимых единиц в его структуре (синтаксем) до целого текста. Поскольку любой текст представляет собой многослойную структуру, внутри которой взаимодействуют языковые единицы разных уровней, можно предположить, что эту структуру можно анализировать по следующим уровням, или ступеням:

А. Структурно-семантическое (типовое) значение предикативной единицы;

В. Принадлежность ее к речевому регистру;

С. Тактика текста;

Д. Стратегия текста [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 445].

На **уровне А** анализируется модель предложения, его смысловое (или предикативное) ядро, которое задается сопряжением двух синтаксем, образующих модель предложения, – субъектной и предикатной. Каждая модель предложения обладает типовым значением, то есть смыслом, полученным при сопряжении субъектной и предикатной синтаксем. Иными словами, типовое значение – «смысловой результат предикативного сопряжения структурно-смысловых компонентов модели предложения» [Золотова 2009: 25]. **Уровень Ав** санализа текста – это «системно-языковая данность, существующая со своими смысловыми потенциями независимо от текста, как бы до текста» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 445]. Этот уровень отвечает за

30

наименьшие синтаксические допредикативные единицы – синтаксемы, которые сопрягаются в модели предложения – предикативные единицы – с определенным типовым значением. При этом одинаково оформленные модели предложения могут иметь разные типовые значения (например, разобранные нами выше предложения *Экскурсовод ведет группу по городу* и *Лестница ведет к выходу*). А разнооформленные модели могут иметь одно типовое значение, в таком случае они являются синтаксическими синонимами: *На ней рубашка* и *Она в рубашке* с типовым значением необязательного качества человека; *Сумка прямоугольная* и *Сумка прямоугольной формы* с типовым значением качества предмета.

Коммуникативно-функциональный подход рассматривает предложение в виде полевой структуры, внутри которой взаимодействуют ядро и периферия. Ядро синтаксического поля предложения – это его основная, исходная модель, периферия – это различные модификации исходной модели (фазисные, модальные, экспрессивные), а также ее полипредикативные осложнения. Опираясь на идею синтаксического поля предложения, коммуникативно-функциональный подход ставит в центр своего исследования «не условные формулы, а живые образцы предложений типовой структуры и значения, наблюдаемые в употреблении и отображающие категориальные отношения между реалиями, а на периферии – не “отмирающие грамматические категории”, а модификации тех же образцов, или моделей, в их живом многообразии, регулярными способами дополняющие свой инвариант регулярными же дополнительными значениями» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 205 – 206].

На **уровне В** анализируется принадлежность предикативной единицы к определенному коммуникативному регистру. Подробно о понятии коммуникативного регистра будет сказано в параграфе 1.3(раздел 1 глава 1), здесь же отметим, что, по «Коммуникативной грамматике русского языка», принадлежность к определенному регистру заложена в самой модели

31

предложения и в ее типовом значении. При этом если **уровень А** – это дотекстовый уровень, то **уровень В** поднимается до текста, поскольку предложение приобретает однозначную регистровую характеристику только в тексте, одна и та же модель без распространителей может быть потенциально предрасположена к функционированию в одном либо в нескольких регистрах.

Следовательно, на **уровнях А и В** анализируется отбор говорящим языковых средств для реализации своего коммуникативного намерения. Реализация же этого намерения, организация языковых средств в конкретный текст исследуется на **уровнях С и D** в схеме анализа текста. **Уровень С** – это тактика говорящего, воплощение в тексте замысла автора. Тактикой определяются приемы соединения языковых единиц, отобранных и соединенных друг с другом на **уровнях А и В**, при этом языковые единицы в конкретном тексте могут получать дополнительные значения или смысловые оттенки. Тактика говорящего определяет, как строится текст, соответственно, тактика – это совокупность языковых средств, реализующих в тексте замысел автора. Если **уровень В** – это уровень текста вообще, то **уровень С** – это уровень уже конкретного текста.

На **уровне D** анализируется стратегия автора. К стратегии относятся такие понятия как замысел автора, позиция автора, его отношение к явлениям, о которых говорится в тексте, идея текста и т.д. Стратегией определяется, для чего создан текст. При этом важно, что стратегия раскрывается анализом тактики текста, однако полное понимание ее невозможно. Чем полнее анализ тактики (то есть комплекса языковых средств в тексте), тем адекватнее понимание стратегии автора, но в любом случае следует помнить, что «стратегия автора – категория гипотетическая, абсолютное знание ее невозможно, и читатель, и исследователь может в разной степени только приблизиться к нему» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 446], в стратегии «воплощаются замысел, "сверхзадача", художественный императив, мировоззренческие и прагматические интересы; редко оно формулируется

32

автором и остается гипотетическим, в различной мере приближения постигаемым как читателем, так и исследователем [Золотова 1996]».

Существует и другая точка зрения на расположение уровней в схеме анализа текста. М.Ю. Сидорова ([Сидорова 2014]) предлагает следующий вариант этой схемы:

- A.** Языковые средства допредикативного уровня;
- B.** Предикативные единицы и регистровые блоки;
- C.** Тактика автора;
- D.** Стратегия автора.

В этом варианте схемы анализа текста представлено другое распределение уровней **A** и **B** без изменения уровней **C** и **D**.

Так, с точки зрения М.Ю. Сидоровой, целесообразным представляется, во-первых, выделение самостоятельного уровня допредикативных единиц – синтаксем и, во-вторых, объединение предикативных единиц и регистровых блоков на одном уровне, в результате чего предикативные единицы поднимаются на уровень регистровых блоков. Такое отнесение предикативных единиц и регистровых блоков к одному уровню в схеме анализа текста логично, поскольку, по Г.А. Золотовой, именно в моделях предложения заложена принадлежность к функционированию в одном или нескольких регистрах. В таком случае на одном и том же уровне разбирается состав модели, ее типовое значение и регистровая характеристика. Логичным представляется и выделение самостоятельного уровня допредикативных единиц, поскольку из них составляются модели предложения, а при анализе модели предложения учитывается структурно-семантическая характеристика образующих эту модель синтаксем. Кроме того, структурно-семантическая характеристика допредикативных единиц важна при анализе распространителей модели.

Наконец, выделение допредикативных единиц как отдельного уровня в схемеанализа текста позволяет анализировать структуру текста от минимальных синтаксических единиц до регистровых блоков.

Тем не менее некоторые положения не позволяют объединять на одном уровне предикативные единицы и регистровые блоки.

Во-первых, при объединении предикативных и регистровых единиц на одном уровне в схемеанализа получается, что принадлежность к регистру напрямую зависит от состава модели и ее типового значения. Это действительно так, однако в формировании регистровой характеристики предложения также участвуют и синтаксемы – распространители модели, которые входят в состав предложения, но не входят в состав модели (см. подробнее параграф 1.4. (раздел 1 глава 1), где мы покажем, что синтаксемы-распространители могут не только участвовать в формировании регистровой характеристики предложения, но и определять ее).

Во-вторых, уровень предикативных единиц – это дотекстовый уровень, набор единиц, которыми располагает говорящий и которые в своем сопряжении. Уровень регистровых блоков – это уже уровень текста, поскольку именно в тексте предложение приобретает однозначную регистровую характеристику. В варианте схемеанализа текста по М.Ю. Сидоровой модели и регистры отнесены к одному уровню, то есть уровень дотекстовый и уровень текстовый оказываются совмещенными.

Вместе с тем, как уже отмечалось, нельзя не учитывать важность выделения допредикативных единиц как отдельного уровня. В варианте схемы анализатекста по Г.А. Золотовой допредикативные и предикативные единицы совмещены на уровне А. Однако на этом уровне рассматриваются не все синтаксемы, входящие в состав конструкции, а только те, которые участвуют в оформлении ее модели, то есть субъектная и предикатная синтаксемы. В

результате синтаксемы-распространители вообще не учитываются в схемеанализа текста по Г.А. Золотовой.

Необходимость объединить синтаксемы-распространители, а в целом – все допредикативные единицы на отдельном уровне в схемеанализа текста обусловлена следующими причинами:

Во-первых, уже на уровне наполнения закладывается регистровая предрасположенность будущей предикативной единицы. Говорящий, готовясь обозначить явление действительности, выбирает определенный способ видения этого явления (это может быть явление, которое он видит сейчас, а может быть явление, не прикрепленное к настоящему моменту и т.д.). В соответствии с этим способом говорящий отбирает и определенный набор языковых средств, различных в зависимости от того, как он представляет себе эту действительность и как он к ней относится. Именно здесь, на уровне выбора языковых средств, начинает реализоваться тактика говорящего (уровень С).

Во-вторых, как уже говорилось выше, регистровая характеристика предикативной единицы зависит не только от ее модели, но и от синтаксем-распространителей. Так, например, предложения с распространителями *обычно, всегда, каждый день* будут относиться к информативному регистру, а предложения с распространителями *сейчас, вчера, два дня назад* – вероятно, к репродуктивному регистру. Подробнее о возможности влияния синтаксем-распространителей на регистровую характеристику предложения см. параграф 1.4. (раздел 1 глава 1). Здесь же нам важно отметить, что синтаксемы-распространители, как и синтаксемы, входящие в состав модели, могут влиять на регистр всей конструкции, поэтому не учитывать их нельзя.

Следовательно, уже в каждой отдельной синтаксеме (как участвующей в оформлении модели, так и выступающей в функции ее распространителя) заложена предрасположенность к определенному регистру, ее потенциальная прикрепленность к регистру.

Все изложенные выше аргументы доказывают необходимость выделить в схемеанализа текста еще один допредикативный уровень, на котором будут рассматриваться синтаксемы как наполнители будущих предложений. Учитывая все замечания, возникающие при попытках найти место этому допредикативному уровню в четырехступенчатой схемеанализа текста, нам представляется логичным выделить еще одного – «нулевого» уровня. При этом предполагается, что этот уровень отвечает не только за синтаксемы-распространители конструкции, но и за синтаксемы-наполнители модели.

В результате четырехступенчатая схемаанализа текста приобретает следующий вид:

- 0.** Допредикативный уровень лексического наполнения;
- A.** Предикативное ядро предложения;
- B.** Регистровая характеристика предложения;
- C.** Тактика автора;
- D.** Стратегия автора.

Краткую характеристику каждого уровня и сферы его действия можно представить в виде таблицы:

Уровень			Функция
Дотекстовый уровень		0 – языковые средства допредикативного уровня	Лексическое наполнение конструкций
		A – предикативные единицы	Формирование предикативного ядра с типовым значением, выход на предикативный уровень
Уровень текста	Текст вообще	B – коммуникативные регистры	Соотношение конструкций с определенной моделью видения действительности говорящим, способ текстового моделирования действительности
	Конкретный текст	C – тактика стратегия	Анализ языковых средств, представленных на уровнях 0 , A , B , и способов их соединения в конкретном тексте
Уровень «над текстом»		D – стратегия автора	Приближение к пониманию авторского замысла через анализ тактики текста

1.3. Понятие коммуникативного регистра в коммуникативно-функциональной грамматике Г.А. Золотовой

С одной стороны, любой текст представляет собой неоднородную структуру, внутри которой взаимодействуют единицы разных уровней языка. С другой стороны, любой текст создается говорящим и отражает его позицию по отношению к событиям, о которых в тексте идет речь. Поэтому для лингвистического анализа текста важно соотношение текстовых событий и места говорящего в этих событиях. Кроме того, важно учитывать и языковые средства, которые выбираются говорящим для обозначения явлений действительности.

Еще раз отметим, что для коммуникативно-функционального подхода важно взаимообусловленное единство трех составляющих языковых единиц – формы, значения и функции на всех уровнях анализа. «Для соединения в одном исследовании структуры, семантики и функции» оказываются необходимыми такие лингвистические «инструменты», которые бы обнаружили связь между словом, предложением и текстом – во-первых, и грамматической системой и текстом – во-вторых» [Онипенко 2001a]. Одним из таких «инструментов» является понятие **коммуникативного регистра**⁵.

Для определения коммуникативного регистра следует обратиться к понятию текстового времени. Время в тексте не является однолинейным и определяется «не реальным моментом речи, а представлением говорящего о соотношении времени события и времени его восприятия, наблюдения» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 22]. Говорящий может быть внутри текстового времени (находиться в том же времени и пространстве, о которых идет речь в тексте, позиция «я – здесь – сейчас»), а может подниматься над

⁵ В этом параграфе речь пойдет о понятии коммуникативного регистра с точки зрения коммуникативно-функциональной теории Г.А. Золотовой. О регистре в системно-функциональной грамматике М.А.К. Холлидея см. выше и в Заключение.

происходящими в тексте событиями, занимая позицию «не в текстовом времени». Йоланта Любоха-Круглик, ссылаясь на «Коммуникативную грамматику русского языка», отмечает, что авторы «Грамматики» сравнивают роль наблюдателя (говорящего) с ролью режиссера, задачей которого является выбор соответствующих кадров и их монтаж для создания одного смыслового целого: «*Rolę obserwatora porównują one z rolą reżysera, ktorego zadaniem jest wybór odpowiednich kadrów i ich montaż do zbudowania jednej, sensownej całości*» [Lubocha-Kruglik 2009]. О позиции и роли наблюдателя в тексте также см. [Lubocha-Kruglik 2011].

Г.А. Золотова предлагает представлять текстовое время в виде трех линий [Золотова, Онипенко, Сидорова]:

1. Линия T_1 – календарное, объективное время, оно является внешним по отношению к тексту.
2. Линия T_2 – текстовое время, время событий, о которых идет речь в тексте.
3. Линия T_3 – время позиции говорящего по отношению к явлениям, о которых идет речь в тексте.

Для определения места говорящего в тексте важно учитывать соотношение временных линий T_2 и T_3 . Можно выделить два случая соотношения этих временных линий:

1. Линия T_2 совпадает с линией T_3 – говорящий находится в текстовом времени (в хронотопе происходящего), его позиция «я – здесь – сейчас». Говорящий изображает в тексте те события, которые он действительно видел (шире – воспринимал органами чувств) в реальности или в воображении, в прошлом, настоящем или будущем.

2. T_2 не совпадает с T_3 – говорящий не находится в текстовом времени (в хронотопе происходящего), текст представляет собой более абстрактное изображение действительности. Говорящий изображает в тексте события, которые он не видел, но которые ему известны – то есть события, которые говорящий воспринимал не органами чувств, а с помощью ментальных процессов.

Поэтому очевидно, что вместе с соотношением времен в тексте следует учитывать и способ восприятия и отражения говорящим действительности. Это может быть сенсорный способ восприятия и ментальный. То есть говорящий может сообщать в тексте о том, что он воспринимает органами чувств (высказывания, которые можно поместить в модусную рамку «я вижу, что...», «я слышу, что...», «я чувствую, как...»), и о том, что он воспринимает ментально (высказывания, которые можно поместить в модусную рамку «я знаю, что...»).

Учитывая все вышеизложенное, можно выделить некие универсальные, отвлеченные от конкретных текстов «однородные структурно-композиционные формы речи, объединенные внутри и противопоставленные друг другу по способу восприятия или познания мира (и соответственно по типу ментального процесса), по категориальному характеру воспринимаемых явлений и по коммуникативным интенциям говорящего» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 29]. Эти структурно-композиционные формы речи и представляют собой **коммуникативные регистры (коммуникативные типы речи)**. Г.А. Золотова выделяет 5 коммуникативных регистров: **репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный**.

В монологических текстах представлены следующие коммуникативные регистры:

1. **Репродуктивный регистр**, в котором сообщается о том, что говорящий воспринимает органами чувств. Модусная рамка высказываний – «я

*вижу, что...», «я слышу, что...», «я чувствую, как...». При этом временная линия T_2 (событийное, текстовое время) совпадает с линией T_3 (временем позиции говорящего), то есть говорящий находится в настоящем, прошедшем или будущем в одном хронотопе с событиями, о которых говорит в тексте. Тексты репродуктивного регистра представляют собой минимальный уровень абстракции: (1) *Я вижу перед собой девушку со светлыми длинными волосами. На ней синий пиджак и синие брюки. На ногах – черные туфли.* (2) *По бокам помещения – гардеробы, в них на вешалках висит одежда. Еще по бокам – колонны, вокруг каждой колонны – скамейки. Впереди – лестница.* (3) *Черная сумка с длинной ручкой. Два отделения с застежками на молнии. Цветные полоски на передней стороне сумки – желтого и красного цветов.**

2. Информативный регистр, в котором сообщается о том, что говорящий воспринимает ментально, не органами чувств, о том, что ему известно. Модусная рамка высказываний – «я знаю, что...», «известно, что...». При этом временная линия T_2 не совпадает с линией T_3 : говорящий дистанцируется от событий в тексте. Соответственно, тексты информативного регистра представляют собой больший уровень абстракции: *Мы всегда сидим на этом месте у окна: Соседка всегда сидит справа от меня, потому что я левша; На ней элегантный пиджак; Здание построено в советском стиле; Сумка удобная, в нее влезает много вещей.*

Репродуктивные и информативные тексты можно разделить на две группы в зависимости от типов предикатов, входящих в модель предложений этих текстов: описание (модели с неакциональными предикатами и типовые значения состояния, качества, классификации) и повествование (модели с акциональными предикатами и типовые значения действия). Выделяются следующие разновидности репродуктивного и информативного регистров: репродуктивно-описательная и репродуктивно-повествовательная и, соответственно, информативно-описательная и информативно-повествовательная.

3. Генеритивный регистр, в котором сообщается о том, что представляет собой некое универсальное знание, обобщенный опыт. Тексты генеритивного регистра (пословицы, поговорки, умозаключения, афоризмы и т.п.) представляют собой очень высокий уровень абстракции: *Что посеешь, то и пожнешь; Оптимизм – это недостаток информации*. Такие тексты не противопоставляются по повествованию/описанию, поскольку действие, если оно и есть, не является активным, оно вневременное и рассматривается как постоянное свойство, поэтому генеритивный регистр представлен только описательными типами текстов.

В диалогических текстах представлены следующие регистры:

4. Волюнтивный регистр в высказываниях, в которых содержится побуждение адресата к действию: (1) *А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!* (2) *Я когда ее вижу, у меня прямо ноги подкашиваются. – А ты не стой, ты сядь!*

5. Реактивный регистр в высказываниях, в которых содержится оценка на ситуацию: (1) *Какая гадость эта ваша заливная рыба!* (2) *Какие люди – и без охраны!*

Наше исследование посвящено анализу текстов репродуктивного регистра, поэтому именно понятие репродуктивного регистра мы проанализируем более подробно. Поскольку в анализируемых нами текстах регулярно встречаются элементы информативного регистра и зачастую непросто дать регистровую характеристику предложения, мы подробно остановимся и на противопоставлении репродуктивности/информативности. Однако прежде всего требует пояснения вопрос определения коммуникативного регистра.

Как мы уже отмечали выше, «Коммуникативная грамматика» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998] определяет регистры как однородные структурно-композиционные типы речи, противопоставленные по способу восприятия

действительности и по интенциям говорящего. Регистр представляется определенной совокупностью языковых средств, которые говорящий отбирает для того чтобы отобразить в тексте явление действительности. Кроме того, следует еще раз отметить, что регистровая характеристика расположена на уровне В в схеме анализа текста, и этот уровень определяется как текстовый. Регистровая предрасположенность заложена в модели предложения, в сопряжении субъектной и предикатной синтаксем. Одни модели предложения сообщают о реально наблюдаемом в настоящий момент времени, другие – о потенциально наблюдаемом, не связанным с определенным моментом времени, или об известном, но не наблюдаемом, третьи – об универсальном знании и т.д. С другой стороны, в модели предложения заложено отношение говорящего к тому явлению действительности, о котором он сообщает.

М.Ю. Сидорова определяет регистр как «способ текстового моделирования действительности, существующий в сознании говорящего» [Сидорова], а с точки зрения Н.К. Онипенко, регистр – это «интерпретация отношения высказывания к действительности» [Онипенко 2001а] и «модель речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего и его коммуникативными интенциями, располагающая определенным репертуаром языковых средств и реализованная в конкретном фрагменте текста [Там же].

Говорящий уже на этапе формирования высказывания определяет, какое место будет занимать он сам по отношению к этому высказыванию. И в соответствии с этим он выбирает языковые средства, с помощью которых и оформляет свое высказывание. Именно на этом этапе закладывается стратегия говорящего, он выбирает определенную тактику. От говорящего зависит, как он видит то или иное явление действительности, и как мыслит себя по отношению к нему. Система коммуникативных регистров ориентирована не только и не столько на классификацию языковых средств, характерных для каждого регистра, сколько на выявление места говорящего в изображаемых им явлениях действительности, поскольку в каждом регистре представлено разное видение

говорящим реального мира (конкретный наблюдаемый мир в репродуктивном регистре, ненаблюдаемый, но познаваемый мир в информативном и универсальные законы в генеритивном). Кроме того, система коммуникативных регистров ориентирована на выявление способов представления говорящим действительности, поскольку он в любом случае представляет действительность либо с точки зрения своего непосредственного участия в ней, либо отдаляя эту действительность от себя. Можно предположить, что говорящий способен воспринимать действительность пятью способами: репродуктивным, информативным, генеритивным, волюнтивным и реактивным. Исходя из этого, коммуникативный регистр речи следует понимать не только как текстовую характеристику, но как характеристику видения действительности, существующую в сознании говорящего, то есть как характеристику мышления.

Учитывая все вышесказанное и взяв за основу определение регистра по М.Ю. Сидоровой, можно утверждать, что **коммуникативный регистр – это не просто набор языковых средств, выбираемых говорящим, а именно способ видения действительности, существующий в его сознании.** В соответствии с этой моделью говорящий отбирает языковые средства для создания текста. Поэтому регистр мы определим еще и как **способ текстового моделирования действительности и систематизации языковых средств.**

Давая такое определение коммуникативного регистра, мы избегаем разрыва между позицией говорящего и его текстом – с одной стороны, и между разными уровнями языковой системы (между синтаксемой, предложением и текстом) – с другой. Таким образом, «типология коммуникативных регистров – одновременно систематизация способов текстового моделирования действительности и функциональная группировка средств языковой системы и принципов построения текста» [Сидорова]. При этом отметим, что группировка средств языковой системы является вторичным этапом в формировании текста: прежде всего говорящий определенным образом представляет

44

действительность, о которой пойдет речь в его тексте, и только потом с помощью языковых средств моделирует свое видение действительности в текст.

1.4. Оппозиция репродуктивности/информативности

Выше мы определили, что **репродуктивный** (или **изобразительный**) **регистр** – способ видения говорящим действительности, при котором он воспроизводит, изображает средствами языка актуальные явления действительности, воспринимаемые им сенсорно, с помощью органов чувств. В [Сидорова 1997] отмечается, что актуальные явления могут представляться в языке тремя способами: общеперцептивным (*Что делает Маша? – Печатает*), частноперцептивным (*Что делает Маша? – Стучит на машинке*) и интерпретационным (*Что делает Маша? – Заканчивает диплом*).

Каждый способ видения действительности моделируется в текст с помощью набора языковых средств. Систему языковых средств, отражающих в тексте определенную модель можно представить в виде поля, ядро которого составляют единицы, «прикрепленные» к одному способу (к одному регистру), а на периферии этого поля находятся единицы, потенциально способные отображать разные способы (регистры) и только в составе конкретного текста принимающие регистровую однозначность. Следовательно, языковые средства являются внешним выражением, показателем модели видения действительности. В связи с этим мы можем говорить о **регистрово-маркированных единицах**, которые функционируют только в определенных регистрах (к ним относятся, например, информативные синтаксемы – см. ниже; кроме того, регистрово-маркированными являются волюнтивные и реактивные синтаксемы).

В [Сидорова 2002] перечислены основные языковые средства – показатели репродуктивного регистра. Все эти средства можно объединить в три группы:

1. Высокий уровень детализации: описываемый субъект «делится на части» и с разной степенью подробности описывается каждая часть, поскольку «в наивной картине мира, лежавшей в основе наивной энциклопедии, объект характеризуется набором всех тех признаков, которые так или иначе проявляют себя в правилах употребления соответствующего ему имени в ЕЯ (естественном языке – Ю.Р.)» [Кобозева 1997]. Так, при описании человека говорящий описывает форму лица, одежду, позу: *У нее правильные черты лица, прямой нос, тонкие губы; На моей соседке красная кофта и зимние сапоги коричневого цвета; Она сидит, положив одну ногу на другую.* При описании помещения – стены, пол, предметы, наполняющие это помещение: *Передо мной – колонны квадратной формы. Около них стоят мусорки, полные окурков.* При описании предмета – части этого предмета: *Сумка с одной длинной ручкой и двумя короткими ручками. С одной стороны – два кармана на кнопках.*

2. Актуальное время предиката с семантикой сенсорно воспринимаемого качества, состояния, количества и т.д. (репродуктивно-описательная разновидность регистра): *У нее правильные черты лица; На ней белая рубашка; Стены выложены желтой плиткой; У сумки две ручки;* или сенсорно воспринимаемого действия (репродуктивно-повествовательная разновидность регистра): *По эскалатору спускаются люди; Один человек открыл дверь и зашел внутрь здания; Мой сосед барабанит по столу пальцами; Он повернулся ко мне и улыбнулся.*

3. Сенсорный способ восприятия действительности: говорящий воспринимает действительность с помощью органов чувств и изображает то, что он видит, чувствует или слышит. Все высказывания репродуктивного регистра можно заключить в модусную рамку «я вижу, что...», «я слышу, что...», «я чувствую, как...»: *Мой сосед в клетчатой рубашке и синих рваных джинсах: В зале станции мало людей.* Эта модусная рамка может быть эксплицитно выражена: *Я вижу перед собой женщину в черном костюме; Я слышу звук подъезжающего поезда.*

При этом важно отметить, что «чем больше перцептивных признаков включает семантика предиката, тем более он маркирован как репродуктивный» [Сидорова 2002]. Заметим, что это характерно не только для предикатов, но и для любых синтаксем, входящих в состав конструкции.

Информативный регистр мы определили как способ видения говорящим действительности, при котором он сообщает об известном ему, но не воспринимаемом сенсорно. Это может быть знание, полученное в результате многократного наблюдения, опыта говорящего, знание, поднимающееся над наблюдаемым и отвлеченное от конкретного времени. К языковым средствам – показателям информативного способа видения действительности можно отнести следующие:

1. Низкий уровень детализации. Говорящий не делит предмет на части, а описывает свое общее впечатление о нем, передает известную информацию или делает предположения: (1) *Фотография старая, середины прошлого века, и, так как женщины не ходили в брюках в то время, можно предположить, что она актриса и эту фотографию сделали на съемках какого-нибудь фильма или она просто позировала фотографу; Впервые такой образ возник в начале XX века и продолжает быть актуальным до сегодня.* (2) *Станция метро «Университет» расположена на юго-западе Москвы, недалеко от главного здания МГУ.*

2. Неактуальное время предиката с семантикой ненаблюдаемого качества, состояния, количества или действия: *Моя соседка предпочитает классический стиль в одежде; Такие сумки продаются в каждом магазине; Это модная в этом сезоне сумка с двумя ручками; Каждое утро на большом сачке толпятся кучи студентов.* В целом, неактуальное время в информативном регистре характерно не только для предиката, но и для любой синтаксемы, входящей в состав конструкции. Кроме того, чем больше уровень ненаблюдаемости в

семантике синтаксемы, чем меньше она включает в себя перцептивных признаков, тем более синтаксема маркирована как информативная.

3. Ментальный способ восприятия действительности: говорящий воспринимает действительность не с помощью органов чувств, а логически. Информативный регистр – это сфера знания, полученного в результате многократного наблюдения или в результате мыслительных операций. Модусная рамка информативного регистра – «я знаю, что...», «известно, что...», «я думаю, что...», «мне кажется, что...», в некоторых текстах она может быть выражена эксплицитно: *Известно, что Сокольническая линия – первая линия метрополитена; Мне кажется, моя соседка – добрая и отзывчивая девушка; Если на нее посмотреть внимательно и подумать, то можно предположить, что она актриса или певица.*

Оппозицию репродуктивности – информативности можно провести по следующим критериям:

1. Разные уровни детализации;
2. Семантика предикатов (а в целом – всех синтаксем, входящих в состав конструкции);
3. Разные способы восприятия действительности.

Повторим, что с точки зрения авторов «Коммуникативной грамматики русского языка» регистровая предрасположенность заложена в предикативном ядре предложения и в типовом значении, которое создается за счет сопряжения субъектной и предикатной синтаксем, то есть на уровне А в четырехступенчатой схемеанализа текста. В параграфе 1.2.(раздел 1 глава 1) мы рассмотрели возможность выделения в этой схемееще одного, «нулевого» уровня, на котором анализируются допредикативные единицы, отвечающие за лексическое наполнение будущих предложений. Далее мы замечали, что для определения репродуктивности и информативности нужно учитывать

семантику не только предикатов, но и всех синтаксем в составе конструкции. Кроме того, мы ввели понятие регистрово-маркированных синтаксем.

Мы предположили, что регистровая предрасположенность будущего предложения закладывается не только в его модели, но и в его лексическом наполнении. Говорящий, обозначая явления действительности, имеет в распоряжении определенный набор языковых средств, различных в зависимости от способа обозначения этой действительности. Выше уже отмечалось, что именно на уровне наполнения начинает определяться стратегия автора и тактика, именно на этом уровне говорящий выбирает, как он будет обозначать явления действительности, о которых пойдет речь в его высказывании.

Мы можем утверждать, что регистровую характеристику предложения определяет не только его модель, но и синтаксемы, не входящие в ее состав и выполняющие функцию распространителей. При сохранении модели регистровая характеристика меняется в зависимости от регистровой характеристики распространителей. В [Роговнева 2015а] для доказательства этого утверждения рассматриваются следующие предложения:

1. На ней **черный** пиджак;
2. На ней **мужской** пиджак;
3. На ней **красивый** пиджак.

Предложения 1 – 3 построены по одной модели: субъектная синтаксема – местоимение с предлогом в форме предложного падежа (*на ней*), обозначает лицо; и предикатная синтаксема – существительное в форме именительного падежа (*пиджак*), обозначает предмет одежды, который в данный момент есть на описываемом лице. В сопряжении эти синтаксемы дают типовое значение отчуждаемого, непостоянного качества лица.

Модель *На ней пиджак* предрасположена к функционированию в репродуктивном регистре, поскольку в ней представлено актуальное время предиката (временная линия говорящего равна временной линии описываемого), в функции предиката выступает конкретное имя, а в функции субъекта – конкретное лицо. Кроме того, здесь представлен сенсорный способ восприятия действительности – говорящий средствами языка обозначает то, что он видит в данный момент.

Однако из предложений 1 – 3 только предложение 1 относится к каноническому репродуктивному регистру. К его модели добавляется синтаксема-распространитель – прилагательное в адъективной функции, которое характеризует существительное-предикат. Это прилагательное *черный* относится к группе сенсорно-воспринимаемых признаков, которые составляют основу репродуктивного регистра (подробнее о функционально-семантических группах признаков слов и об их регистровой характеристике см. ниже, а также в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 81 – 101] и в [Сидорова 1994]). В таком случае не возникает противоречий между регистровой характеристикой модели и ее распространителя, и все предложение относится к репродуктивному регистру.

В предложении 2 к модели *На ней пиджак* присоединяется синтаксема-распространитель – прилагательное в адъективной функции, которое характеризует существительное-предикат. Это прилагательное *мужской* относится к группе информативных признаков и обозначает не наблюдаемое, а осознаваемое качество.

Информативные признаки, входящие в предложение, как правило, выводят всю конструкцию за пределы репродуктивного регистра в информативный [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 80 – 101]. Обратимся к нашему примеру *На ней мужской пиджак*. В [Роговнева 2015б] рассматривается вопрос о регистровой принадлежности высказываний,

содержащих эти признаки: может ли выводить информативный признак всю конструкцию, в состав которой он входит как компонент модели или ее распространитель, за пределы репродуктивного регистра в информативный? Кроме того, относится ли в данных примерах прилагательное *мужской* к группе информативных признаков? Или оно обозначает признак наблюдаемый? С одной стороны, сочетания типа *мужской костюм* обозначают действительно наблюдаемые предметы. Конструкцию *На ней мужской костюм* можно поместить в модусную рамку репродуктивного регистра «я вижу, что...». С другой стороны, подразумевается, что человек, описывая одежду и употребляя прилагательные типа *мужской, женский*, знает разницу между мужской и женской одеждой. Это информация-знание, соотнесение с определенными эталонами, с представлениями о норме, существующими в сознании говорящего, но не прямое наблюдение, предполагающее перечисление видимых признаков, по которым мужской костюм отличается от женского. Следует заметить, что такая характеристика одежды появляется там, где налицо отклонение от нормы (женщина в мужской одежде, мужчина в женской одежде), а любое соотношение с нормой предполагает сравнение, которое означает выход за пределы канонического репродуктивного регистра. Предположим, что предложение *На ней мужской пиджак* находится на периферии репродуктивного регистра.

В предложении 3 в функции распространителя модели выступает прилагательное *красивый*, которое относится к группе оценочных и вводит в предложение точку зрения говорящего – его реакцию на наблюдаемое в данный момент. Оценочные признаки всегда выводят конструкцию за пределы репродуктивного регистра в информативный или генеритивный. Если оценка относится к конкретному предмету (а не к классу предметов) и ее действие прикреплено к конкретному времени, то она образует информативный регистр [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998]. Следовательно, предложение *На ней*

красивый пиджак выходит за пределы репродуктивного регистра в информативный.

Е.М. Вольф отмечает, что «в высказываниях с П. (прилагательными – Ю.Р.) можно обнаружить две структуры – денотативную, которая обозначает положение вещей и событий в реальной действительности, и квалификативную, которая отражает оценку денотативной ситуации или ее элементов говорящим по качественным или количественным признакам и связана с прагматическим аспектом речи» [Вольф 1978: 29]. Кроме того, любая оценка предполагает наличие стереотипа [Вольф 2002] или стандарта [Арутюнова 1999], с которым говорящий соотносит наблюдаемый объект. С этой точки зрения, рассмотренное нами предложение 3 также следует считать оценочным.

Употребляя в предложении прилагательные *черный, мужской, красивый*, говорящий избирает определенную тактику построения предложения и всего текста. Эти прилагательные, как и другие синтаксемы и их сочетания, входящие в состав предложения, отражают способ видения говорящим действительности. Одна и та же модель с разными распространителями наглядно показывает, что каждый говорящий может по-разному видеть один и тот же объект.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что одна и та же модель может функционировать в разных регистрах, и эта регистровая характеристика определяется не только моделью, но и ее распространителями. Это утверждение было доказано на примере прилагательных-распространителей, однако другие распространители ведут себя так же с точки зрения регистровой характеристики предложения. Поэтому можно предположить, что каждая синтаксема предрасположена к функционированию в определенном (одном или нескольких) регистре. Это утверждение относится как к синтаксемам-распространителям, так и к предикативному ядру предложения.

Например, именные предложные синтаксемы с локативным значением *в саду, на окне*, формируя модель предложения или являясь ее

52

распространителем, относят ее к репродуктивному регистру, поскольку речь идет о наблюдаемых явлениях действительности в конкретной длительности единичного положения в пространстве или количества: *На окне стоит горшок; В саду много людей*. Однако при введении в эти предложения любой информативной синтаксемы, имеющей не конкретное, а узуальное значение, все предложение становится информативным: *На окне всегда стоит горшок; В саду по вечерам много людей*.

Регистровые возможности синтаксем и их способность влиять на регистр конструкции анализировались в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998]. Однако там это было показано на примере модели предложения, когда при замене предиката меняется или определяется регистровая принадлежность конструкции. Так, например, предложение *Лошадь ест сено* может функционировать как и информативном, так и в репродуктивном регистре; предложение *Лошадь жует сено* (предикат с перцептивной семантикой и в актуальном времени) – в репродуктивном регистре; предложение *Лошадь питается сеном* (предикат с семантикой постоянного свойства и в узуальном времени) – в информативном регистре [Там же: 64 – 65].

В [Сидорова 2001] отмечается влияние пространственно-временных локализаторов на уровень абстракции целого предложения. Наш материал показывает, что способность определять регистр всего предложения характерна не только для глаголов-предикатов, но и вообще для всех синтаксем – как элементов модели предложения, так и ее распространителей. Таким образом, подтверждается наш тезис о выделении регистрово-маркированных синтаксемах. В свою очередь это доказывает необходимость выделения «нулевого» уровня в схеме анализа текста – уровня лексического наполнения. Уже на этом уровне говорящий начинает отбирать языковые единицы для оформления своего высказывания, а каждая синтаксема оказывается

потенциально прикрепленной к коммуникативному регистру. Однако однозначную регистровую характеристику предложение приобретает в тексте.

Разобранные выше примеры показывают, как информативные синтаксемы делают репродуктивную конструкцию информативной. Из этого наблюдения можно сделать вывод, что информативные синтаксемы оказываются «сильнее» репродуктивных, поскольку их присутствия достаточно для того, чтобы вся конструкция была информативной. Следовательно, **чтобы монопредикативная единица функционировала в информативном регистре, в ее состав должен входить хотя бы один показатель информативности; чтобы монопредикативная единица функционировала в репродуктивном регистре, в ее составе не должно быть ни одного показателя информативности.** Известно, что к показателям репродуктивности относятся регистрово-маркированные репродуктивные синтаксемы: предикаты с перцептивной семантикой и в актуальном времени, конкретные пространственно-локативные распространители, признаковые синтаксемы с перцептивной семантикой. Мы установили, что к показателям информативности относятся регистрово-маркированные информативные синтаксемы:

1. глаголы, обозначающие узуальное действие,
2. глаголы с отвлеченной семантикой,
3. глаголы, обозначающие ментальные действия;
4. оценочные и информативные признаковые имена;
5. адвербиальные синтаксемы с узуальным значением.

1.5. Рематические доминанты и фрагменты текста

В основе каждого предложения находится его модель (предикативная основа или предикативное ядро). Модель несет определенное типовое значение

и может распространяться синтаксемами-распространителями, однако это необязательные компоненты предложения.

Содержание текста выражается через типовые значения предложений, входящих в состав этого текста. Говорящий, реализуя свое коммуникативное намерение, подбирает модели предложения для выражения этого смысла и организует их в более крупные единицы – фрагменты – на основе их семантической общности, общего типового значения. В [Роговнева 2015д] отмечается, что предложения, объединенные семантической общностью, с одним типовым значением, организуются в более крупные единицы – фрагменты текста: «фрагмент может быть рассматриваем и как результат членения целого текста и как результат объединения предложений в сложное синтаксическое целое» [Золотова 1982: 304]. Содержание фрагмента, а шире – всего текста «выражается через синтаксические модели предложений определенного типового значения» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 386]. Семантическая общность текстового фрагмента обусловлена общностью типовых значений предложений, входящих в состав этого фрагмента. Поэтому нам представляется, что можно говорить не только о типовом значении предложения, но и о **типовом значении фрагмента текста**, которое мы определим как общее значение фрагмента текста, образованное типовыми значениями предложений, входящих в состав этого фрагмента.

Следует отметить, что понятие фрагмента текста может стать ответом на вопрос о взаимодействии синтаксиса предложения и синтаксиса текста, поскольку в данном случае прослеживается непосредственная связь между предложением и текстом, направление исследования движется от мельчайшей синтаксической единицы – синтаксемы, до крупнейшей – текста. «Признание соотносительности предложения и сложного синтаксического целого (сверхфразового единства, фрагмента текста) принципиально возможно и необходимо. Становится все очевиднее, что отрицательное отношение к закономерностям связи структуры предложения и структуры текста

55

объясняется тем, что в поисках текстовых характеристик исходят не из реально существующей синтаксической системы, а из традиционно сложившейся системы представлений о ней, не вполне адекватной представляемому объекту» [Золотова 1982: 316].

В пределах каждого текстового фрагмента можно выделить синтаксемы, которые несут на себе типовое значение текста. Эти слова являются главными для фрагмента, благодаря им фиксируется движение мысли говорящего от одного предложения к другому и достигается единство сверхфразового целого. Как правило, это синтаксемы, выполняющие функцию предиката в предложении, входящем в состав фрагмента, однако ими могут быть и синтаксемы-распространители. Такие слова вводят рему текстового фрагмента и образуют его **рематическую доминанту**. Понятие **рематической доминанты** было введено Г.А. Золотовой для характеристики движения мысли в текстовом фрагменте от предложения к предложению, от ремы к реме [Золотова 1982]. Однако Г.А. Золотова не дает определения этого понятия. Мы можем определить рематическую доминанту как «общее типовое значение целого фрагмента текста, в который входят предложения с определенными типовыми значениями» [Роговнева 2015д]. Подробнее о понятии ‘доминанта’ см., например, [Бабенко, Васильев, Казарин 2000].

Г.А. Золотова выделила в художественных текстах 6 типов рематических доминант, которые различаются в зависимости от семантических типов текстовых фрагментов [Золотова 1982]. Проиллюстрируем эту типологию примерами из изучаемых нами текстов:

1. **Предметная рематическая доминанта** в семантических типах текстовых фрагментов, оформленных как описание места. В предложениях, входящих в состав этих текстовых фрагментов, выделяются типовые значения **локализованного наличия предмета в пространстве**: *На стене висит*

табличка; На потолке лампы и ориентации предмета в пространстве. Лестница ведет вверх; Ступеньки ведут к другому выходу.

2. **Качественная** рематическая доминанта в семантических типах текстовых фрагментов, оформленных как характеристика персонажа или предмета. В предложениях, входящих в состав этих текстовых фрагментов, выделяются типовые значения **качества**: *У нее бледное лицо; На ней черные туфли; Стены желтоватые; Колонны квадратной формы.*

3. **Акциональная** рематическая доминанта в семантических типах текстовых фрагментов с динамикой действия. В предложениях, входящих в состав этих текстовых фрагментов, выделяются типовые значения **действия лица**: *Я открываю дверь и вхожу в здание; Он перестал писать, повернулся ко мне и улыбнулся; Мой сосед что-то пишет в тетрадке.*

4. **Статуальная** рематическая доминанта в семантических типах текстовых фрагментов, описывающих состояние среды или лица. В предложениях, входящих в состав этих текстовых фрагментов, выделяется типовое значение **состояния среды или лица**: *На улице холодно; Сегодня мороз; Соседка улыбается* или **положения лица в пространстве**: *Она сидит за партой; Женщина стоит у стены с надписями; Она сидит, положив одну ногу на другую.*

5. **Статуально-динамическая** доминанта в семантических типах текстовых фрагментов, оформленных как изменение состояния или переход от состояния к действию. В предложениях, входящих в состав этих текстовых фрагментов, выделяется типовые значения **состояния и действия**. Такие предложения, как правило, полипредикативны: *Она улыбнулась и начала писать; Он держит ручку около виска и крутит ее.*

6. **Импрессивная** доминанта в семантических типах текстовых фрагментов, оформленных как субъективно-оценочное восприятие

говорящим действительности. В предложениях, входящих в состав этих текстовых фрагментов, выделяется типовое значение **качества-оценки**: *На ней смешная кофта; Она одета в элегантный костюм; Станция не очень красивая; Удобная сумка.*

Однако можно предположить, что этот список рематических доминант не является законченным. Мы уже говорили о том, что семантическая общность фрагмента текста и, соответственно, рематическая доминанта этого фрагмента определяются общностью типовых значений предложений, входящих в этот фрагмент. В главе 2 нашего исследования мы докажем на примерах конкретных текстов, что типовые значения фрагментов и их рематические доминанты зависят от разнообразия типовых значений предложений.

Мы установили, что набор языковых средств для текстового моделирования действительности определяется тем, как говорящий видит эту действительность. Следовательно, структура предложения, его типовое значение и рематическая доминанта фрагмента текста являются реализацией стратегии говорящего, который определяет, что для него будет новым, а что уже известным. Во всех анализируемых нами текстах известным, «данным» является заданный говорящему объект действительности, а новым — информация об этом объекте. Данное при этом не является обязательным компонентом предложения, в то время как новое в конструкции обязательно. В связи с этим уместно обратиться к Л.С. Выготскому и его описанию особенностей организации трех форм речи — устной диалогической, письменной и внутренней. Так, внутренняя речь состоит с психологической точки зрения только из одних сказуемых, в устной речи говорящий может оставлять только сказуемые, если подлежащие известны из ситуации, а в письменной речи и подлежащие, и сказуемые должны быть выражены. «Для письменной речи состоять из развернутых подлежащих и сказуемых есть закон, но такой же закон для внутренней речи — всегда опускать подлежащее и состоять из одних сказуемых» [Выготский 1999: 318]. При этом понятия

58

подлежащее и сказуемое употребляются не в привычном грамматическом смысле, а в психологическом. Т.В. Ахутина, ссылаясь на Л.С. Выготского, называет психологическим подлежащим «то, о чем говорится в предложении, что было первым в сознании говорящего (или слушающего)» [Ахутина 2012: 38], а психологическим сказуемым – «то, что говорится о подлежащем, что было вторым в сознании говорящего (или слушающего)» [Там же].

Далее мы остановимся на вопросе о соотношении «нового» и «известного» в предложении и тексте, а также на понятии актуального членения предложения (функциональной перспективы предложения).

Теория актуального членения предложения была разработана в 30-х годах XX в. чешским лингвистом, членом Пражского лингвистического кружка Вилемом Матезиусом. Он предложил наиболее известную на сегодняшний день теорию, в которой противопоставил актуальное членение предложения его формальному членению. Если формальное членение отражает грамматическую структуру предложения, то актуальное членение – его коммуникативную структуру, оно показывает, как предложение включено в ситуацию [Mathesius 1939]. Так, с точки зрения актуального членения в высказывании есть **отправная точка (východiště)** – то, что известно говорящему, то, от чего он отталкивается, и **ядро (jádro)** – то, что говорящий сообщает об отправной точке. В русистике термины **východiště** и **jádro** принято обозначать как **тема** и **рема** высказывания. Термин **východiště** встречается в ранних работах В. Матезиуса, в поздних же трудах он использует термины **základ (основа)**, термин же **jádro (ядро)** остается неизменным. Термин **актуальное членение предложения (функциональная перспектива предложения)** можно понимать двумя способами. С одной стороны, это контекстовое понимание, оно касается актуального членения предложения – способа включения этого предложения в фактическую связь, из которой оно возникло. Здесь мы имеем дело с понятием **основа высказывания (východiskovýpovědi)**. С другой стороны, это понимание, согласно которому предполагается наличие высказывания не как

59

компонента контекста, а как его отдельной содержательной структуры, зависящей от отношения между темой высказывания и самим высказыванием (то есть говорящий в высказывании выражает свое отношение к действительности) [Daneš 1964].

Идеи актуального членения предложения были отражены в трудах других чешских лингвистов, среди которых в первую очередь следует отметить Ф. Данеша и Я. Фирбаса. В [Mistrík 1966] перечислены основные работы чешских лингвистов в области актуального членения предложения и порядка слов. Цели нашего исследования не предполагают подробного анализа этой проблемы, нам важно лишь подчеркнуть, что это деление на «данное» и «новое» характерно не только для отдельного предложения (и не столько для него), но и для всей ситуации в целом, то есть для всего текста. В первую очередь это касается текстов, созданных с опорой на конкретную ситуацию. Рематическая доминанта текста – это и есть та новая информация, которая сообщается говорящим о ядре (теме) текста. В главе 2 нашего исследования мы вернемся к теме актуального членения и проблеме порядка слов в репродуктивных текстах-описаниях, созданных на основе непосредственного наблюдения.

В западной лингвистике и психолингвистике для объяснения линейного развертывания текста по линии «данное – новое», активно используется термин **функциональная перспектива предложения**. Разницу между терминами **актуальное членение** и **функциональная перспектива** описал Я. Фирбас, с точки зрения которого эти два термина означают одно и то же явление, а второй термин был создан для корректного перевода первого на английский язык [Firbas 1982]. Важно отметить, что в данном случае термин **актуальный** относится к моменту, когда в потоке речи или в самом его начале говорящий создает предложение, а слушающий его воспринимает. Это предложение относится к контексту ситуации и выполняет непосредственно коммуникативный замысел [Там же]. Термин **функциональный** – «указывает на расчленение предложения на части, выполняющие некоторую функцию в

60

общем коммуникативном процессе» [Холлидей 1978: 138]. В данном случае оба термина означают включенность высказывания в коммуникативную ситуацию и расчленение этого высказывания в соответствии с местом этого высказывания в коммуникативной ситуации и с позицией говорящего. М.А.К. Холлидей утверждает, что функциональная перспектива предложения – это универсальное явление, которое организует предложение как сообщение. При этом функциональная перспектива понимается как языковой компонент, создающий текст [Там же].

Для нашего материала понятие актуального членения (функциональной перспективы) имеет особое значение, так как рассматриваемые тексты являются частью не художественного произведения (описательными фрагментами, сопровождающими повествовательные и созданными в рамках общей стратегии автора), а законченными текстами, созданными по отдельному коммуникативному заданию (описание наблюдаемого) и разворачивающимися линейно так, как это требуется говорящему для выполнения задания. Кроме того, еще раз подчеркнем, что актуальное членение (функциональная перспектива) предложения оказывается особенно важным и значимым понятием для текстов, опирающихся на конкретную ситуацию, именно во втором понимании этого термина (см. выше): с точки зрения выражения в высказывании отношения говорящего к действительности.

РАЗДЕЛ 2. НЕХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕПРОДУКТИВНО-ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

2.1. Языковые и когнитивные различия между фикциональными и нефикциональными текстами

Основные положения коммуникативно-функционального подхода, рассмотренные в главе 1 нашего исследования, были сформулированы в основном на материале текстов художественной литературы, с привлечением текстов публицистических. А художественные тексты обладают рядом особенностей, отличающих их от текстов другого типа – текстов, которые создаются говорящим на основе прямого наблюдения. В «Коммуникативной грамматике русского языка» подчеркивается разное отношение к действительности у художественных и «прочих» (т.е. нехудожественных) текстов: «...."Прочие тексты" ориентированы на непосредственную соотнесенность с внеязыковой действительностью (при всех возможных коррективах с точки зрения достоверности, истинности, искренности и т.п.); художественные же тексты отображают мир вымышленный, "фиктивный", лишь опосредованно и субъективно соотносимый с миром действительным» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 12]. Таким образом, в зависимости от способа отображения действительности все тексты можно разделить на два типа:

1. Тексты, в которых говорящий моделирует действительность;
2. Тексты, в которых говорящий воспроизводит ту действительность, которая окружает его в данный момент или дана ему в ментальных образах воспоминаний.

Наше исследование посвящено анализу репродуктивно-описательных текстов, созданных говорящим на основе прямого наблюдения. В этих текстах говорящий описывает то, что он воспринимает органами чувств в данный

момент времени. В этой главе мы рассмотрим названные выше типы текстов и определим основные различия между ними.

К текстам первого типа относятся все тексты художественной литературы, в которых говорящий моделирует действительность, создавая ее по образцу действительности, в которой он находится, в результате чего перед слушающим появляется вымышленное, искусственное повествование. При этом говорящий может управлять смоделированной действительностью. «Искусственное повествование – это литература; она только притворяется, что говорит правду о реальном мире, или якобы говорит правду о мире вымышленном» [Эко 2002: 226].

В [Сидорова 2001], где подробно рассматривается вопрос о фикциональности художественной литературы, перечислены основные особенности, характеризующие художественные тексты:

- фикциональность и образность художественной литературы;
- принадлежность литературы к темпоральным искусствам, традиционно объясняемая линейностью ее материала – языка; функционирование художественного текста в эстетическом общении между автором и читателем;
- повышенная целостность, затрудненная членимость и вместе с тем добавочная структурированность художественного текста по сравнению с другими типами текстов;
- собственная информативно-эстетическая значимость языковой формы художественного произведения, приращение смысла языковых единиц в художественном тексте;
- невозможность адекватной перекодировки произведений словесного творчества;
- множественность толкований.

В [Сидорова 2005] отмечается, что категория художественных текстов устроена по принципу «центр – периферия». В центре находятся фикциональные тексты с языковыми признаками художественности (стихотворная форма или повествование в репродуктивном регистре с диалогами персонажей). Периферию категории составляют художественные тексты с нефикциональным содержанием (автобиографии т.п.) [Там же]. М.Ю. Сидорова ссылается на исследование К. Hamburger «Die Logik der Dichtung» [Hamburger 1957], в котором выделяются следующие языковые показатели фикциональности:

1. разнообразные способы «проникновения» в сферу третьего лица: прежде всего употребление глаголов мысли и чувства по отношению к третьему лицу, а также языковые средства несобственно-прямой речи и внутреннего монолога;

2. сочетание глаголов конкретного действия типа *идти, сесть, встать* с отвлеченными, ретроспективными сообщениями о событиях, не прикрепленных к конкретному моменту времени;

3. использование диалога;

4. ориентация пространственно-временного дейксиса на третье лицо, на фикциональных персонажей; в фикциональных текстах собственно «ориентационная», «экзистенциальная» функция пространственного дейксиса меняется на «символическую». Темпоральные оси фикционального нарратива ориентированы не на читателя или автора, а на фиктивное существование персонажей;

5. вневременная функция претерита, который выражает не прошедшее время по отношению к моменту речи, как в «высказываниях о реальности». События разворачиваются в «здесь и сейчас» фикциональных персонажей.

Художественная литература, будучи высшей формой существования национального языка, обладает при этом рядом свойств, связанных со спецификой моделирования действительности в ней. Особенно ярко это проявляется в текстах репродуктивного регистра, в котором говорящий воспроизводит средствами языка сенсорно воспринимаемое, действительно находясь в хронотопе происходящего⁶. «В силу такого важнейшего качества художественной литературы, как фикциональность, о непосредственном воспроизведении наблюдаемого в ней можно говорить только весьма условно: ни автор, ни читатели рассказа, повести, романа и т.п. не находятся в реальном хронотопе происходящего» [Сидорова, Роговнева 2015]. Само происходящее и его хронотоп моделируются автором с помощью средств языка, создавая иллюзию соприсутствия, причем, как показано в [Сидорова 2001], в отличие от реального мира, в художественной действительности хронотоп является производным от “происходящего” (репродуктивный регистр «создает условия для воспроизводства реальности по законам самой реальности» [Никитина 2013]). Задача автора повествовательного сюжетного текста – довести повествование, сюжет, цепочку событий из точки А в точку Б, назначая по своему выбору персонажей на роль модусного субъекта, носителя точки зрения (рассказчика, наблюдателя) и меняя, опять же в соответствии со своим замыслом, уровень обобщения изображаемого, то приближая события к читателю и давая их крупным планом, то уменьшая масштаб, сжимая время и пространство в минимум словесного текста. В соответствии с этим репродуктивный хронотоп то подключается, то отключается, заменяясь информативным хроникальным отображением событий. В любом случае темп событий, уровень детализации, угол зрения на них – в руках автора. Читатель волен принять предлагаемую ему «конвенцию» или отказаться от нее, но не может верифицировать сообщаемое. Хронотоп ему не принадлежит, он только

⁶ В некоторых случаях говорящий может не находиться в хронотопе происходящего, а описывать «по памяти». Тексты подобного типа представляют собой нечто среднее между моделированием действительности и ее непосредственным восприятием, о них будет сказано ниже.

приглашается в него на роль сонаблюдателя, для того чтобы «присоединиться» к одному из способов дейксиса к воображаемому, о которых писал, используя метафору Магомета и горы, Карл Бюлер в своей «Теории языка»: либо Магомет идет к горе, либо гора к Магомету. Как отмечает К. Бюлер, в жизни гора бывает уступчивее, чем в притче: воображаемое само приходит к нам, то есть вставляется в имеющуюся перцептивную иерархию (Wahrnehmungsordnung)[Бюлер 1993]. М.Ю. Сидорова отмечает, что «в **репродуктивно-описательных блоках**, представляющих наблюдаемую или как бы наблюдаемую одновременность предметов и явлений, также проявляется специфика фикционального текста. Но если в репродуктивно-повествовательных фикциональных текстах главным организующим фактором является событийная цепь, то в описательных роль объединяющего и движущего текст начала играет позиция наблюдателя: перцептивный канал восприятия, внешняя или внутренняя, фиксированная или подвижная точка зрения, континуальность или порционность восприятия, смена планов – крупного, панорамного и т.д., <...> присутствие преград или «фильтров», модифицирующих восприятие (наблюдение через грязное или покрытое морозными узорами стекло или в зеркале, как например, в повести Ю. Олеши «Зависть»), организация точки зрения по человеческим меркам или отклонение от них, мотивированное особым типом субъекта наблюдения, его особыми перцептивными способностями или эмоциональным состоянием» [Сидорова 2001]. В той же работе М.Ю. Сидорова приходит к выводу, что «именно репродуктивный регистр, моделирующий сенсорно познаваемые события в конкретном хронотопе, – основа создания фикционального мира, его пространственно-временных координат, его “человеческого измерения”» [Там же].

С другой стороны, существуют тексты, не моделирующие реальность, а непосредственно ее воспроизводящие. Говорящий в них не создает искусственную действительность, а с помощью средств языка обозначает

предметы и явления, которые уже есть в действительности, окружающей его, то есть в реальном мире. При этом говорящий не может изменять эту действительность. Его задача – выбрать языковые средства для верного и полного отображения действительности, его окружающей. В таком случае мы имеем дело с естественным повествованием или описанием. Однако следует иметь в виду, что слушающему зачастую бывает непросто отличить вымышленное, искусственное повествование от естественного. «На самом деле, слушая или читая о неких фактах, мы инстинктивно настораживаемся, так как исходим из того, что говорящий или пишущий пытается выдать свои слова за правду, и, соответственно, квалифицируем услышанное с точки зрения истинности или ложности. Подобным же образом мы, как правило, считаем, что только в исключительных случаях – помеченных флажком «вымысел» – мы должны воздержаться от недоверия и приготовиться вступить в воображаемый мир» [Эко 2002: 224-225]. Здесь же следует процитировать еще одну мысль У. Эко, которая представляется нам важной при анализе текстов, не моделирующих реальность – вымышленных текстов, а отображающих ее – естественных текстов: «Поскольку вымышленная среда куда уютнее естественной, мы пытаемся читать жизнь так, будто она тоже является художественным произведением» [Там же: 222]. Действительно, человек, привыкший иметь дело с художественными текстами (особенно на профессиональном уровне), начинает описывать действительность так, будто создает художественный текст. В качестве доказательства приведем два текста-описания одной и той же фотографии человека студентами филологического (текст 1) и механико-математического (текст 2) факультетов (задание в обоих случаях было сформулировано одинаково)⁷:

Текст 1. *На фотографии изображена симпатичная молодая девушка в черном костюме. Она сидит, закинув ногу на ногу, с дымящейся сигаретой в*

⁷ В качестве еще одного доказательства этой мысли можно предложить для сравнения тексты-описания детей, еще не знакомых с художественными текстами.

руке. На губах ее играет озорная улыбка, глаза с хитрым прищуром. На голове у нее элегантный черный цилиндр, а на пальце красивое большое кольцо. Ей кудрявые волосы аккуратно уложены. Модные лаковые туфли блестят, чем обращают на себя внимание. Поза девушки достаточно мужественна. Ее тонкие брови вызывающе вскинуты. Яркий контраст создают белая бабочка и платок в нагрудном кармане. Кожа у девушки светлая, матовая, ровная. Пальцы утонченные. Ногти красиво покрашены.

Текст 2. На фотографии девушка. Она одета в черный костюм. Из-под пиджака видна белая рубашка или блузка. На голове шляпа. Короткие вьющиеся волосы видны под шляпой. Девушка смотрит прямо, немного улыбаясь. Она сидит, нагнувшись вперед. На безымянном пальце левой руки у нее кольцо. Девушка держит что-то дымящееся, возможно, сигарету. На ноге, которую видно на фотографии, черный ботинок на невысоком каблуке. Правая рука согнута в локте и отведена назад.

Как видно из приведенных примеров, текст 1 отличается от текста 2 наличием средств художественной выразительности и субъективным восприятием говорящего (в тексте использованы слова, обозначающие оценку) – то есть наличием информативных элементов. Текст 2, который может показаться «сухим» и «неэмоциональным», полностью репродуктивен – это объективное описание того, что говорящий действительно видит на картинке.

Репродуктивные тексты, не моделирующие фикциональную действительность, а описывающие реальные объекты и события реального мира, являются примерами текстов второго типа (тексты, в которых говорящий воспроизводит ту действительность, которая в данный момент его окружает). Скорость протекания событий, цвет, форма и другие наблюдаемые признаки объектов, доступных наблюдению в актуальном пространстве и времени, говорящим не создаются, а передаются, регистрируются. В [Сидорова 2001] были кратко описаны особенности репродуктивно-повествовательных и

репродуктивно-описательных композитивов в художественном сюжетном тексте, прозаическом и поэтическом, и в драматургической ремарке по сравнению с футбольным репортажем, текстом из путеводителя и др. типами нехудожественного текста.

Вместе с тем еще существует тексты, в которых говорящий, с одной стороны, описывает существующую реальность, с другой – сам говорящий в данный момент не находится в хронотопе описываемого. Это так называемое описание «по памяти», когда говорящий описывает хорошо известное ему место, предмет или человека. Такие тексты занимают промежуточное положение между текстами, моделирующими действительность, и текстами, непосредственно ее отражающими. Говорящему хорошо известно то, что он описывает, а его положение не прикреплено к конкретной точке в заданной действительности, в результате чего говорящий может свободно перемещаться (в воображении) по этой действительности, и в его описании появляется большее количество информативных включений – результатов знания или многократного наблюдения. Следовательно, такие описания известного «по памяти» возникают на основе знания, то есть они имеют информативную модель видения действительности. С другой стороны, говорящий, создавая такой текст, мысленно, в воображении находится в хронотопе описываемого, при этом описывает он реальную действительность. С точки зрения набора языковых средств репродуктивного регистра эти тексты не отличаются от текстов, в которых говорящий описывает то, что действительно видит в данный момент (см. главу 2 диссертации).

В [Сидорова 2015] представлена классификация текстов в зависимости от коммуникативных ситуаций. М.Ю. Сидорова прежде всего разграничивает фикциональные денотативные ситуации, где ни автор, ни получатель текста не находятся в хронотопе происходящего, и нефикциональные (реальные) денотативные ситуации, в которых возможны 4 типа коммуникативных

ситуаций в зависимости от положения говорящего и слушающего по отношению к происходящему:

Тип 1. Отправитель и получатель текста находятся в одном хронотопе происходящего;

Тип 2. Отправитель – в хронотопе происходящего, получатель – не в нем.

Тип 3. Отправитель – не в хронотопе происходящего, получатель – в нем.

Тип 4. И отправитель, и получатель не находятся в хронотопе происходящего.

2.2. Наблюдение как основа репродуктивно-описательного регистра.

Именно репродуктивные тексты – описания явлений действительности, окружающей говорящего стали предметом нашего исследования. В серии экспериментов, проведенных со студентами разных факультетов, испытуемым предлагалось описать то, что они видят перед собой (в действительности или на фотографии). Соответственно, все тексты были созданы на основе наблюдения говорящим предметов действительности. Поскольку именно наблюдение является одним из первичных и основных методов исследования во многих естественных дисциплинах (философский словарь определяет наблюдение как «целенаправленное и организованное восприятие внешнего мира, доставляющее первичный материал для научного исследования» [Философский словарь 1986: 297]), то подобные эксперименты могут показать, насколько человек может объективно воспринимать окружающий его мир и объективно его описывать.

В [Хакинг 1998] говорится о важности наблюдения в естественных науках, в частности подчеркивается, что наблюдение – это искусство, которое дается людям в разной степени, однако практика и тренировки помогают улучшить мастерство наблюдения. [Там же] говорится о том, насколько важно

70

замечать странности и неожиданные результаты, возникающие при наблюдении, поскольку именно они могут привести к появлению нового знания. Наблюдатель, который не замечает таких странностей, является плохим наблюдателем, а результаты его наблюдения не могут привести к новому знанию. Я. Хакинг, рассматривая некоторые эксперименты в области физики, приходит к выводу, что во всех этих случаях наблюдение предшествовало созданию теории.

Здесь же следует отметить, что наблюдение оказывается важным и для философии. «Философское мировоззрение – и в этом его специфика по сравнению с естествознанием – в целом не является экспериментальным знанием. Однако в процессе своего формирования оно широко опирается на наблюдение. <...> Будучи центральным звеном, наблюдение сочетается с индукцией и дедукцией, анализом и синтезом, описанием и объяснением. Само размышление в ходе наблюдения и в последующем осуществляется путем умозрения, а выдвижение догадок происходит благодаря включению интуиции философа» [Алексеев, Панин 2005: 80-81]. То есть философское мировоззрение опирается на наблюдение, однако это наблюдение при этом тесно связано с размышлением и догадками.

И. П. Павлов отмечал, что «русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова и ими оперирует... Русская мысль знает только слова и не хочет прикоснуться к действительности... У студентов нет стремления понять предмет, взять его в свои руки... Русский человек не стремится понять то, что он видит... студенты не могут объяснить факта, с которым имеют дело всю жизнь» [Павлов 1918]. В [Роговнева 2014] показано, какие типичные ошибки делают студенты негуманитарных факультетов, создавая репродуктивный текст по заданию «Опишите вашего соседа по парте, не выходя из сферы актуального наблюдения в сферу общего знания». К наиболее типичным ошибкам можно отнести привлечение в текст элементов знания, предположения и субъективных признаков: *Она всегда носит брюки; Наверное, она мечтает о конце пары;*

Сумка удобная; Моя соседка красивая и милая. Как будет показано в главе 2 нашего исследования, такие информативные включения типичны не только для текстов-описаний человека, но и для текстов-описаний предмета и места. [Там же] на конкретных примерах показано, что говорящему намного проще привлечь в текст информацию из области знания или дать собственную оценку, чем охарактеризовать объект по его наблюдаемым качествам. Все это подтверждает тезис том, что существует «разрыв в сознании человека между словом и стоящим за ним объектом материального мира» [Сидорова 2008]. Кроме того, так подтверждается и закон познания, сформулированный психологом Дж. Гибсоном следующим образом: «То, что мы видим, не ограничивается только тем, что мы видим сейчас. Последнее не может быть основой восприятия окружающего мира, оно связано с Я наблюдателя, а не с окружающим миром» [Гибсон 1988: 360]. Здесь же уместно процитировать слова психолога У. Найссера: «Описание и воображение сопутствуют друг другу. Поскольку и то и другое протяженны во времени, бессмысленно пытаться определить, что из них появляется раньше, как это делали иные психологи. Нельзя указать какой-то конкретный момент, когда осуществляется описание или воображение, и нельзя утверждать, что одно из них является очевидной причиной другого» [Найссер 1981: 184-185]. Е.Н. Никитина отмечает, что «ментальная деятельность всегда индивидуальна, субъективна» [Никитина 2012], и в этом ее отличие от наблюдения, которое «отражает мир, находящийся вокруг человека: человек с помощью зрения, слуха и других каналов (они не так важны, как первые два) воспринимает внешнюю действительность» [Там же].

Однако все информативные включения в анализируемых нами текстах-описаниях представлены на фоне репродуктивности целого текста⁸, где говорящий описывает действительно наблюдаемые признаки заданного

⁸ Полностью информативные тексты представляют собой единичные случаи и свидетельствуют, вероятно, о том, что говорящий не понял задание.

объекта. Н.И. Жинкин отмечал, что «об одном и том же предмете можно сказать или в самой общей форме, выбрав слова, обозначающие общие его признаки, или с разной степенью подробности расчленять предмет на элементы» [Жинкин 1998: 202]. То есть говорящий может видеть и описывать как объект в целом, так части, из которых этот объект состоит. Анализ текстов показал, что в первом случае, как правило, говорящий уходит в информативный регистр, описывая то, что ему известно, или привлекая субъективные признаки (см. примеры выше). Во втором же случае, когда говорящий делит целый объект на части, он характеризует каждую часть по ее действительно наблюдаемым признакам. Такое деление целого объекта на части объясняется тем, что свойства целого объекта характеризуются через свойства составляющих его частей, а в сознании говорящего, как правило, есть представление о том, на какие части можно разделить каждый известный ему объект действительности.

Таким образом, нефикциональные тексты обладают рядом особенностей. Это связано в первую очередь с тем, что эти тексты имеют дело с реальной действительностью, и роль говорящего, автора текста в них как бы отходит на второй план: он может только при помощи средств языка описывать действительность, но не может в ней ничего изменить, в то время как в фикциональных текстах он может моделировать действительность в соответствии со своими представлениями о ней.

Кроме того, анализ нефикциональных текстов-описаний показал, что нельзя изучать восприятие без текстов, основанных на ситуации непосредственного наблюдения. С другой стороны, нельзя изучать эти тексты, не учитывая имеющегося в психологии и шире – когнитивных науках – знания о том, как устроено человеческое восприятие. Психолог Дж. Гибсон отмечал, что «вначале мы должны воспринять окружающий мир и только потом его можно будет описать словами. Прежде чем сказать, нужно увидеть» [Гибсон

1988: 369]. Отсюда – логичный вывод: «Восприятие предшествует высказыванию» [Там же].

Нефикциональные тексты еще не были предметом исследования в коммуникативно-функциональном подходе. В связи с этим возникает вопрос о применимости положений коммуникативно-функционального подхода к текстам, не моделирующим реальность, а непосредственно ее отражающим. Во 2 главе нашего исследования мы применим четырехступенчатую схему анализа текста Г.А. Золотовой (или пятиступенчатую – с учетом выделенного нами «нулевого» допредикативного уровня) к нефикциональным репродуктивным текстам-описаниям.

Выводы по главе 1 «Коммуникативно-функциональный подход в лингвистике»

В 1 главе нашего исследования мы рассмотрели особенности коммуникативно-функционального подхода, разработанного в отечественной лингвистике Г.А. Золотовой и ее последователями, а также особенности нефикциональных текстов в их сопоставлении с текстами, моделирующими реальность.

Коммуникативно-функциональный подход имеет в своем распоряжении набор «инструментов», с помощью которых можно анализировать любой текст – от наименьших составляющих его единиц (синтаксем) до регистровых блоков, в результате чего не возникает разрыва между уровнем допредикативным и предикативным. Каждая синтаксическая единица представляет собой единство трех своих сущностей – формы, значения и функции (подробнее об «инструментах» см., например, [Онипенко 2001б]).

Ключевыми понятиями коммуникативно-функционального подхода являются понятие коммуникативного регистра и четырехступенчатой схемы анализа текста. Коммуникативный регистр, по Г.А. Золотовой – это структурно-композиционные формы речи, противопоставленные по определенным параметрам (в первую очередь это способ восприятия говорящим действительности и его интенции). Мы же, вслед за М.Ю. Сидоровой, считаем, что коммуникативный регистр – это в первую очередь модель действительности, существующая в сознании говорящего, и только потом это способ текстового моделирования этой действительности. Такое понимание регистра было сформулировано в результате анализа нефикциональных репродуктивных текстов.

Г.А. Золотовой была разработана четырехступенчатая схема анализа текста: А. Предикативное ядро предложения; В. Регистровая принадлежность предложения; С. Тактика текста; D. Стратегия текста. Мы предлагаем ввести в

эту схему допредикативный «нулевой», уровень, отвечающий за наполнение будущих моделей предложения. Именно на этом уровне закладывается регистровая характеристика будущих моделей предложения, поскольку говорящий, отбирает синтаксемы в соответствии с выбранным им видением действительности.

Проанализировав оппозицию репродуктивности/информативности в нефикциональных текстах, мы сформулировали критерии репродуктивности и информативности предложения: чтобы монопредикативная единица функционировала в репродуктивном регистре, в ее составе не должно быть ни одного показателя информативности; чтобы монопредикативная единица функционировала в информативном регистре, в ее составе должен быть хотя бы один показатель информативности. Такими показателями информативности являются регистрово-маркированные синтаксемы.

Предложения с одним типовым значением объединяются в пределах одного текста в группы, которые называются фрагментами текста. Семантическая общность фрагмента обусловлена общностью типовых значений предложений, входящих в состав этого фрагмента. В связи с этим мы ввели понятие типового значения фрагмента текста. В пределах каждого фрагмента выделяется рематическая доминанта.

В связи с выделением рематических доминант и разделением высказывания на тему и рему мы затронули вопрос об актуальном членении (функциональной перспективе) предложения и кратко перечислили основные положения этой теории, разработанные в основном чешскими лингвистами.

Тексты фикциональные и нефикциональные различаются в первую очередь разным отношением к действительности: если фикциональные имеют дело с вымышленной, искусственно созданной говорящим действительностью, то нефикциональные отражают реально существующую действительность. Говорящий в таких текстах может с помощью средств языка

описывать действительность, однако не может ее моделировать. В фикциональных же текстах говорящий не находится в реальном хронотопе описываемого и средствами языка моделирует действительность.

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕКСТОВ-ОПИСАНИЙ, СОЗДАННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ НАБЛЮДЕНИЯ

В этой главе нашего исследования будут проанализированы по методике, теоретические основания которой излагались в главе 1, репродуктивно-описательные тексты, созданные говорящим на основе непосредственного, прямого наблюдения. Эти тексты были получены в результате серии экспериментов, проведенных в 2013-2015 годах с русскими студентами разных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова и Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина.

В разделах 2, 3, 4 главы 2 полученные тексты будут проанализированы по двум уровням в четырехступенчатой схеме анализа текста – уровню предикативных единиц и их типовых значений и уровню регистровой принадлежности предикативных единиц. Также на материале анализируемых текстов мы докажем необходимость выделения нулевого уровня в схеме анализа текста. Поскольку отдельные предложения объединяются в более крупные единицы – фрагменты текста, а внутри каждого фрагмента выделяется рематическая доминанта, тексты будут исследованы с точки зрения рематических доминант.

Наше исследование посвящено анализу тактики говорящего (уровень С) в репродуктивно-описательных текстах, созданных на основе прямого наблюдения. Стратегия же говорящего (уровень D) в нашем случае очевидна и определяется стремлением говорящего дать развернутый ответ на вопрос «Что вы видите?», то есть выполнить задание. Сразу же отметим, что такое однозначное понимание стратегии возможно лишь в том случае, если говорящий создает свой текст в соответствии с определенной, сформулированной «извне» коммуникативной задачей.

В главе 2 нашего исследования мы покажем, какими языковыми средствами различаются тексты-описания в зависимости от денотативной ситуации, с одной стороны, и от коммуникативной ситуации – с другой. Однако прежде чем перейти к коммуникативно-функциональному анализу текстов, мы опишем дизайн экспериментов, в результате которых мы получили эти тексты.

РАЗДЕЛ 1. ОПИСАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Исследуемый нами материал – тексты, полученные в результате экспериментов, – важно отделить, во-первых, от фикциональных художественных текстов, а во-вторых, от репродуктивно-описательных текстов, созданных в реальной коммуникации. Все полученные нами тексты являются созданными в учебной коммуникации. Задания во всех 8 экспериментах мы определили как условно коммуникативные, имея в виду именно их промежуточное положение между некоммуникативными (учебными) заданиями (например, *«Поставьте предложения в правильном порядке, чтобы получился текст»*) и коммуникативными (например, *«На картинке у твоего товарища нет нескольких предметов, которые есть на твоей картинке. В остальном картинки одинаковые. Помоги товарищу: опиши свою картинку так, чтобы он смог нарисовать у себя недостающие предметы»*). Разница между коммуникативными заданиями и учебными заключается прежде всего в мотивации их создания, которая в свою очередь влияет и на их построение.

В проводимых нами экспериментах испытуемым предлагалось описать человека на фотографии, своего соседа по парте, зал станции метро, вход в здание, аудиторию и один из предметов (телефон/планшет или сумку). Все полученные нами в результате серии экспериментов нефикциональные тексты можно разделить на несколько групп в зависимости от принципа классификации.

I. Классификация по **денотативной ситуации** – в зависимости от объекта, который нужно описать.

1. Описание человека;

2. Описание места;

3. Описание предмета.

Кроме того, мы разделили все тексты на

1) те, в которых описывается реальная денотативная ситуация и

2) те, основу которых составляет «реальная денотативная ситуация, опосредованная изобразительным искусством, фотографией, видеозаписью и под.» [Сидорова 2015].

II. Классификация по **коммуникативной ситуации**, в которой находится говорящий:

1. Непосредственное, прямое описание. Говорящий реально находится в хронотопе изображаемого, он видит перед собой то, что описывает.

2. Описание по памяти. Говорящий находится – не в реальности, но в воображении – в хронотопе изображаемого, он описывает то, что когда-то видел, то, что хорошо ему знакомо. Следует отметить, что такие тексты занимают промежуточное положение между текстами, моделирующими действительность, и текстами, непосредственно ее отражающими. В нашем исследовании эти тексты будут отнесены ко второму типу, поскольку говорящий имеет дело не с вымышленной действительностью, а с существующей.

Это наиболее общий вариант классификации описаний по коммуникативной ситуации. В каждом из трех разделов этой главы (разделы мы выделили по денотативной ситуации) мы отметим, в чем заключается разница между репродуктивными текстами-описаниями, основанными на разных коммуникативных ситуациях.

3. Описание знакомого говорящему объекта. В данном случае мы имеем в виду объект, который говорящий хорошо знает, много раз видел и, возможно, имеет к нему определенное отношение.

4. Описание незнакомого говорящему объекта. В данном случае мы имеем в виду потенциально незнакомый говорящему объект.

По отношению к адресату все тексты можно разделить на следующие группы: 1. Адресат знает описываемый объект; 2. Адресат не знает описываемый объект; 3. Адресат находится в хронотопе описываемого объекта; 4. Адресат не находится в хронотопе описываемого объекта. Однако в нашем случае объекты для описания были подобраны так, чтобы адресат их знал, находился (в реальности или в воображении) в хронотопе изображаемого. Поэтому с точки зрения позиции адресата тексты анализироваться не будут.

Мы провели следующие эксперименты.

Эксперимент 1: «Сосед по парте».

Формулировка задания: «Опишите своего соседа по парте, учитывая только те признаки, которые вы можете воспринять органами чувств. При этом вы не можете использовать оценку (типа *На Маше красивый свитер*) и элементы знания и предположения».

Участники: 70 студентов МГУ имени М.В. Ломоносова и Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина; возраст – от 18 до 20 лет.

Процедура: респонденты получали задание, после чего приступали к созданию текста. Время на выполнение задания не ограничивалось. Средняя продолжительность – 15 минут.

Результаты: 70 текстов; среднее количество слов – 60; минимальное – 37, максимальное – 109; среднее количество предложений – 10.

Эксперимент 2: «Знаменитость на фотографии».

Формулировка задания: «Опишите то, что вы видите на фотографии, учитывая только те признаки, которые вы можете действительно увидеть. Нельзя использовать оценку и элементы знания и предположения».

Материал: черно-белая фотография актрисы Марлен Дитрих; цветная фотография певицы Мадонны.

Участники: 60 студентов МГУ имени М.В. Ломоносова и Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина; возраст – от 18 до 20 лет.

Процедура: каждый респондент получал одну распечатанную на компьютере фотографию, после чего формулировалось задание. Время на выполнение задания не ограничивалось. Средняя продолжительность – 15 минут.

Результаты: 70 текстов; среднее количество слов – 60; минимальное – 30; максимальное – 123; среднее количество предложений – 10.

Эксперимент 3: «Станция метро “Университет”».

Формулировка задания: «Опишите вестибюль станции метро “Университет”», руководствуясь условиями задания 1».

Участники: 40 студентов МГУ имени М.В. Ломоносова, которые принимали участие в эксперименте «Сосед по парте»; возраст – от 18 до 20 лет.

Процедура: респонденты получали задание сразу после того, как приняли участие в эксперименте «Сосед по парте». Время на выполнение задания не ограничивалось. Средняя продолжительность – 25 минут.

Результаты: 40 текстов; среднее количество слов – 75, минимальное – 40, максимальное – 150; среднее количество предложений – 9.

Эксперимент 4: «Вход в учебный корпус».

Формулировка задания: «Опишите по памяти вход в ваш корпус, не выходя из сферы актуального наблюдения в сферу знания».

Участники: 23 студента филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; возраст – 19-20 лет.

Процедура: респонденты получали задание, после чего приступали к созданию текста. Время на выполнение задания не ограничивалось. Средняя продолжительность – 25 минут.

Результаты: 23 текста; среднее количество слов – 55; минимальное – 44, максимальное – 170; среднее количество предложений – 9.

Эксперимент 5: «Аудитория».

Формулировка задания: «Опишите аудиторию, в которой вы сейчас находитесь, не выходя из сферы актуального наблюдения в сферу знания».

Участники: 60 студентов филологического факультета Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина; возраст – 18-20 лет.

Процедура: респонденты получали задание, после чего приступали к созданию текста. Время на выполнение задания не ограничивалось. Средняя продолжительность – 15 минут.

Результаты: 60 текстов; среднее количество слов – 45, минимальное – 28; максимальное – 83; среднее количество предложений – 8.

Эксперимент 6: «Фотография незнакомого места».

Формулировка задания: «Опишите то, что вы видите на фотографии, не выходя из сферы актуального наблюдения в сферу знания и предположения».

Материал: черно-белая фотография вестибюля станции метро «Университет»; черно-белая фотография Первого корпуса гуманитарных факультетов МГУ.

Участники: 15 студентов филологического факультета Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина; возраст – 18-19 лет.

Процедура: каждый респондент получал одну распечатанную на компьютере фотографию, после чего формулировалось задание. Время на

выполнение задания не ограничивалось. Средняя продолжительность – 15 минут.

Результаты: 15 текстов; среднее количество слов – 35; минимальное – 16, максимальное – 52; среднее количество предложений – 6.

Эксперимент 7: «Сумка».

Формулировка задания: «Опишите свою сумку или рюкзак. Вам разрешается описывать только то, что вы можете действительно видеть или чувствовать, и запрещается использовать конструкции со значением знания, многократного наблюдения, а также конструкции с оценочными признаками (типа *У меня удобная сумка*)».

Участники: 50 студентов филологического факультета Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина; возраст – 18-19 лет.

Процедура: респонденты получали задание, после чего приступали к созданию текста. Время на выполнение задания не ограничивалось. Средняя продолжительность – 15 минут.

Результаты: 50 текстов; среднее количество слов – 45; минимальное – 32; максимальное – 98; среднее количество предложений – 10.

Эксперимент 8: «Телефон или планшет».

Формулировка задания: «Опишите свой телефон или планшет. Вам разрешается описывать только то, что вы можете действительно видеть или чувствовать, и запрещается использовать конструкции со значением знания, многократного наблюдения, а также конструкции с оценочными признаками (типа *У меня красивый телефон*)».

Участники: 40 студентов филологического факультета Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина; возраст – 18-19 лет.

Процедура: респонденты получали задание, после чего приступали к созданию текста. Время на выполнение задания не ограничивалось. Средняя продолжительность – 15 минут.

Результаты: 40 текстов; среднее количество слов – 40; минимальное – 28; максимальное – 93; среднее количество предложений – 9.

Все проведенные эксперименты можно представить в виде таблицы:

Объект описания	Тип коммуникативной ситуации	Тип задания	Название эксперимента	Количество участников
1. Лицо	1.1. Описание реально наблюдаемого в хронотопе говорящего знакомого человека.	Внешнее, условно коммуникативное	«Сосед по парте»	70
	1.2. Описание по фотографии	Внешнее, условно коммуникативное	«Знаменитость на фотографии»	60
2. Локус	2.1. Описание по памяти знакомого говорящему места	Внешнее, условно коммуникативное	«Станция метро “Университет”»	40
			«Вход в учебный корпус»	23
	2.2. Описание реально наблюдаемого в хронотопе говорящего	Внешнее, условно коммуникативное	«Аудитория»	60

	знакомомого места			
	2.3. Описание по фотографии	Внешнее, условно коммуникативное	«Фотография незнакомого места»	15
3. Предмет	Описание реально наблюдаемого в хронотопе говорящего знакомого предмета	Внешнее, условно коммуникативное	«Сумка»	50
			«Телефон/планшет»	40

РАЗДЕЛ 2. КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕКСТОВ – ОПИСАНИЙ ЧЕЛОВЕКА

В этом разделе будут проанализированы тексты-описания человека. Подробное описание экспериментов см в разделе 1 главы 2. В результате мы получили противопоставление описания живого человека и фотопортрета, с одной стороны, и противопоставление описания знакомого и потенциально незнакомого говорящему лицу. При выборе объектов описания предполагалось, что сосед по парте – это знакомое говорящему лицо, певица Мадонна может быть как знакомой, так и незнакомой, актриса Марлен Дитрих, скорее всего, будет незнакома говорящему. «Выбор фотографий обусловлен предположением, что на их основе будет представлена статичная характеристика человека, а не последовательность его действий, как это часто бывает при описании живого человека или сюжетной фотографии. Интерес к сопоставлению описаний именно этих фотографий вызван несколькими причинами: во-первых, противопоставлением цветного и черно-белого изображения, что должно было показать, как цвет влияет на описание (в нашей работе цветовая характеристика не рассматривается, поскольку она не влияет на модели предложения); во-вторых, противопоставлением незнакомого и знакомого аудитории лица; в-третьих, сопоставлением похожих фотографий (в нашем случае – женщины в похожей одежде)» [Роговнева 2015г]. Всего в результате эксперимента было получено 130 работ, из них 70 – описание соседа по парте, 60 – описание фотографии.

Ниже приведены примеры текстов-описаний человека (больше текстов – см. в Приложении 1).

Описание соседа по парте.

1. *Рядом со мной за партой сидит Маша. Это белокурая девушка среднего роста. У нее волосы средней длины, которые она всегда носит в*

хвосте. У нее карие глаза, прямой нос, немного пухленькие губы, покрашенные бесцветной помадой. У нее нет челки, видно высокий лоб. Маша носит очки. Она сидит, сгорбившись, за партой и что-то быстро пишет в тетради. На ней черная кофта и синие джинсы. На ногах – зимние коричневые тимберленды.

2. Передо мной сидит хмурый молодой человек. У него темные длинные волосы и бледная кожа. Он худощавый и высокий (даже сидя он намного выше меня). Он одет в черную кожаную куртку, в каких ходят байкеры или панки. Что надето под курткой, я не вижу, потому что он сидит спиной. На нем черные джинсы и высокие ботинки на шнуровке.

Описание черно-белой фотографии Марлен Дитрих.

1. На фото изображена девушка, сидящая на чем-то. Одна ее нога закинута на другую, правая рука упирается в бок, локоть левой – на колене. В левой же руке она держит тлеющую сигарету. На безымянном пальце у нее кольцо. На ней черный жакет, под ним виднеется сорочка, и черные брюки. На шее у нее белая бабочка. Из-под цилиндра выбиваются пряди светлых волос. На ней черные туфли-оксфорды. У нее правильные черты лица и пухлые щечки.

2. Передо мной лежит фотография актрисы Марлен Дитрих. Она одета в черный мужской костюм (фрак и брюки) и черный мужской цилиндр. Под фраком у нее белая рубашка и галстук-бабочка. На одной ноге (другую не видно на фото) надета черная туфля на шнуровке. Дитрих сидит, ее корпус немного подался вперед, одна нога лежит перпендикулярно на колене другой. Она лукаво и тонко улыбается, прищурив глаза. В руке держит дымящуюся сигарету.

Описание цветной фотографии Мадонны:

1. На фотографии изображена женщина среднего телосложения. На ней фрак, белая рубашка, белый жилет, бабочка и черный цилиндр, слегка

сдвинутый набор. Даже в мужском костюме она выглядит изящно. На воротнике у нее – белый цветок, который придает ее виду торжественности. У нее короткие светлые вьющиеся волосы, белая кожа, красные губы и выразительные глаза. Руку она держит на поясе. У нее тонкие брови, и левая – слегка приподнята, а рот приоткрыт так, как будто она собирается что-то сказать.

2. На фотографии я вижу Мадонну в элегантном черном фраке, с цилиндром на голове. Под фраком на ней – белая рубашка, кремовый жилет. В петлице торчит белая звездика. На ней еще черные штаны. Золотистые кудри торчат из-под цилиндра. На лице у нее много косметики, губы накрашены вызывающим красным цветом. Рот по-глупому приоткрыт, будто она собирается что-то сказать. Она держит на поясе руку. Вены на руке вздутые, что говорит о немолодом возрасте Мадонны. Она стоит возле стены с надписями.

2.1. Типовые значения в репродуктивных текстах-описаниях человека.

При описании человека в репродуктивном регистреговорящим востребованы предложения с типовыми значениями **качества лица**, при этом качества можно разделить на обязательные, неотчуждаемые и необязательные, отчуждаемые, **положения лица в пространстве, действия лица**.

Типовое значение качества лица.

Качества, которые обозначаются при описании человека, «можно разделить на две группы, различающиеся своим наполнением: качества неотчуждаемые, обязательно присущие человеку (лицо, кожа, руки, волосы) и качества отчуждаемые (одежда, обувь, прическа)» [Роговнева 2015г]. Об отчуждаемости / неотчуждаемости см., например, [Ю Джен-Хи 2001]. Ниже мы

приведем примеры моделей предложения, которые использует говорящий для обозначения качества человека.

Так, модели со значением неотчуждаемого качества в описании человека можно разделить на две группы:

- 1) *Нос прямой; Волосы рыжие; Круглое лицо.*
- 2) *У нее прямой нос; У моей соседки рыжие волосы; У нее круглое лицо.*

Модели со значением неотчуждаемого качества – на 9 групп:

- 1) *Рубашка белая; Черные кроссовки; Шерстяная кофта; Белый шарф.*
- 2) *У него черные кроссовки; У нее белый шарф.*
- 3) *На ней рубашка в клеточку; На нем черные кроссовки.*
- 4) *На ногах черные кроссовки; На шее – шарф.*
- 5) *Она в белом свитере; Моя соседка в вязаной шерстяной кофте.*
- 6) *Она одета в белую рубашку; Девушка одета в черную блузку; Обута в черные кроссовки.*
- 7) *На ней надета белая рубашка; На ней надет пиджак. На ней обуты туфли.*
- 8) *Волосы завязаны в хвост; Волосы уложены локонами; Волосы собраны в хвост; Волосы взъерошены; Волосы заплетены в косу.*
- 9) *Волосы торчат из-под цилиндра; Из нагрудного кармана виднеется белый платочек; Из кармана торчит телефон.*

Во фрагментах текстов с типовым значением качества лица практически не встречаются глагольные модели: так, из 130 описаний в 90 работах представлены безглагольные предложения: *На ней черный пиджак; У нее светлые волосы; Кожа на руках дряблая* или предложения с

91

неполнознаменательным глаголом, который самостоятельно не образует предикат и выражает «отношение признака к предмету (*быть, бывать, иметь, обладать*) либо восприятие наблюдателя (*показалось, чувствовалось, обнаружилось* и т.п.)» [Золотова 1982: 308]: *На ушах висят сережки; Она выглядит изящно; Руки и лицо выглядят ухоженно.* При отсутствии в предложении глагола функция основного предиката переходит на прилагательные и другие части речи, обозначающие признаки или качества.

Неотчуждаемые, обязательные качества могут обозначаться только безглагольными моделями:

1. Модели типа *Нос прямой; Нос с горбинкой; Волосы светлые; Овальное лицо.*

В состав этих моделей входят субъектные синтаксемы – существительные в именит.падеже и предикатные синтаксемы – прилагательные или другие части речи, обозначающие признаки, характеризующие субъект. В данном случае признаковые синтаксемы выполняют функцию самостоятельного и единственного предиката в этих моделях.

2. Модели типа *У нее прямой нос; У моей соседки рыжие волосы; У нее круглое лицо.*

В состав этих моделей входят синтаксемы *у* + родит.падеж субъекта (существительное или местоимение) и предикатные синтаксемы – существительные в именит. падеже, которые могут образовать предикат только в сопряжении с характеризующими их прилагательными или другими частями речи, означающими признаки, которые являются обязательным компонентом модели: без признакового слова конструкция невозможна (ср. *У нее прямой нос* – **У нее нос*). В состав этих входят субъектные синтаксемы, обозначающие лицо в целом, которое описывает говорящий, а функцию предиката выполняют синтаксемы, обозначающие часть целого – части тела человека.

Соответственно, типовое значение неотчуждаемого качества может оформляться номинативными конструкциями с именем-предикатом и

92

характеризующим его прилагательным (*У нее светлые волосы*) и конструкциями адъективными с прилагательным в функции основного и единственного предиката (*Волосы светлые*). При этом в номинативных конструкциях в функции субъекта выступает лицо в целом, а в функции предиката – часть этого лица, в адъективных в функции субъекта выступает часть лица в целом, само лицо при этом не называется, поскольку оно задано формулировкой задания. Говорящий же разбивает это заданное и известное (тему) лицо в целом на части и с разной степенью подробности описывает каждую часть. То есть синтаксемы, обозначающие лицо в целом, не являются обязательными компонентами предложений. Говорящий видит описываемый объект перед собой, и для него этот объект является данным, новое – это информация о данном объекте. Именно поэтому в текстах возможны конструкции *Волосы светлые* без указания имени описываемого лица. Эти адъективные конструкции являются наиболее краткими и компактными, однако анализ работ показал, что они используются реже, чем номинативные.

Важно отметить, что еще реже, чем модели типа *Волосы светлые* встречаются модели типа *Светлые волосы* (они встретились в 9 работах из 130). С одной стороны, эти два типа моделей различаются не наполнением, а только порядком следования компонентов. С другой стороны, при подходе к предложению с точки зрения выделения основы, принятом в русском синтаксисе, возникает вопрос о распределении компонентов в моделях типа *Светлые волосы*. Является ли синтаксема *волосы* субъектной или предикатной, т.е. обозначает ли она носитель признака или приписываемый признак? Что в моделях этого типа является темой, а что ремой? И как тема-рематическое членение связано с субъектно-предикатным? Подробно на тема-рематическом членении в анализируемых текстах мы остановимся в разделе 5 (глава 2).

Модели для обозначения отчуждаемых качеств отличаются большим разнообразием компонентов и могут быть как безглагольными, так и глагольными.

1. Модели типа *Рубашка белая; Мужские туфли; Черная шляпа; Белый платок.*

Эти модели образуются сопряжением субъектной синтаксемы – предметного существительного в именит.падеже и предикатной синтаксемы – признакового слова. По способу оформления компонентов эти модели тождественны моделям типа *Волосы светлые*, которые используются для обозначения неотчуждаемых качеств: в их состав входит субъектная синтаксема – существительное в именит.падеже, обозначающее части тела человека, и предикатная синтаксема – прилагательное.

Здесь снова следует обратить особое внимание на порядок слов в моделях этого типа (то же самое касается и моделей для обозначения неотчуждаемых качеств): в полученных текстах встречается следующие варианты порядка слов: *Нос прямой* и *Прямой нос*. В первом случае субъект – часть тела человека или предмет одежды на нем – выступает на первое место в предложении и является темой – тем, что уже известно: эта часть тела человека или предмет одежды на нем известны как принадлежащие целому лицу. Во втором случае часть тела человека или предмет одежды на нем находится на втором месте в предложении. В случае введения в конструкцию синтаксемы, называющей лицо в целом (субъектная синтаксема в моделях типа *У нее голубые глаза*) этот порядок слов сохраняется, в то время как другой порядок слов не встретился ни в одной работе (ср. *У нее голубые глаза* при возможном *У нее глаза голубые*).

Порядок слов *прил. + сущ.* в этих моделях используется при характеристике и отчуждаемых и неотчуждаемых качеств. Однако при характеристике неотчуждаемых встречаются оба порядка слов, в то время как при характеристике отчуждаемых – как правило, порядок слов *прил. + сущ.* (*Белая рубашка*). Более подробно вопрос порядка слов и его влияние на тематическое членение предложения будет рассмотрен в 5разделе главы 2.

2. Модели типа *У нее белая рубашка. У него синие джинсы. У моей соседки вишневые тапочки.*

В состав этих моделей входят субъектные синтаксемы *у* + родит.падеж субъекта (как правило, существительное или местоимение) и предикатные синтаксемы – существительные в именит. падеже. Эти модели встречаются при обозначении и постоянных, и непостоянных качеств: *У нее черный цилиндр – У нее прямой нос*. Однако при обозначении непостоянных качеств именная синтаксема может самостоятельно образовывать предикат: *У нее цилиндр*, а прилагательное занимает атрибутивную позицию при существительном.

Эта модель *у* + родит.падеж субъекта + предикат-существительное имеет типовое значение качества (или точнее качества-наличия, квалитативный субъект характеризуется наличием качества) в актуальном или узуальном времени, однако при введении в модель локативной синтаксемы от имени части тела все предложение «прикрепляется» к актуальному времени и может быть использовано при характеристике отчуждаемых качеств: *У нее на голове цилиндр; У нее на ногах мужские туфли; У нее на безымянном пальце большое кольцо*. «В данном случае представлено расчленение целого субъекта на части и введение в модель наименования части целого. Эта часть целого выполняет важную функцию, определяя регистровую принадлежность всего предложения. В некоторых случаях встречаются модели с обозначением только части целого без самого целого: *На одной ноге мужская туфля; На голове странная шляпа*» [Роговнева 2015г]. А модели с обозначением только целого без части при характеристике отчуждаемых признаков не были использованы ни разу.

3. Модели типа *На ногах мужские туфли; На голове – цилиндр*.

В состав этих моделей входит субъектная синтаксема – предлог *на* + существительное в предлож. падеже, обозначающее часть тела, и предикатная синтаксема – существительное в именит.падеже, обозначающее предмет, наличием которого характеризуется эта часть целого. Это модели, сообщающие о «пространственном соположении предметов» [Золотова, 1988: 324]. При этом в конструкции нет обозначения целого лица. Конструкция с обозначением

части целого прикреплена к репродуктивному регистру. См. подробнее модели типа *У нее белая рубашка*.

4. Модели типа *На ней белая рубашка. На нем голубые джинсы. На моем соседе рубашка в клеточку*.

В их состав входят синтаксемы *на* + предлож. падеж субъекта (местоимение или существительное) и предикатные синтаксемы – существительные в именит. падеже, обозначающие предмет одежды. При этом существительное-предикат может характеризоваться прилагательным, однако в данном случае прилагательное, занимая атрибутивную позицию при предикате, не является обязательным компонентом конструкции (ср. *На ней белая рубашка* и *На ней рубашка*).

Следует обратить внимание на функцию субъектной синтаксемы *на* + предлож. падеж целого лица в этих моделях. Если в моделях типа *У нее на голове цилиндр* оформленная похожим образом синтаксема (*на ногах, на руке, на голове*), однако с существительным, обозначающим часть тела человека, выполняла локализирующую функцию и не входила в модель предложения, то в данном случае синтаксема оформляется предлогом *на* и именем, обозначающим не часть тела, а лицо в целом (ср. *У нее на голове шляпа* и *На ней белая рубашка*). И здесь уже эта синтаксема входит в модель предложения как субъект. В моделях типа *На голове цилиндр* синтаксема *На* + предлож. падеж тоже выполняет функцию субъекта, но обозначает часть целого.

5. Модели типа *Она в мужском костюме; Женщина в черном мужском костюме*.

В состав этих моделей входят субъектные синтаксемы – существительные или местоимения в именит. падеже, обозначающие описываемого человека, и предикатные синтаксемы – существительные в предлож. падеже с предлогом *в* и с характеризующим их признаком или без него. Прилагательное не является обязательным компонентом модели, оно выполняет адъективную функцию в предложении, характеризуя предикат-существительное, и может быть опущено

(ср. *Она в мужском костюме* и *Она в костюме*). Количество этих моделей в полученных текстах незначительно: из 130 работ они были обнаружены в 7, где появлялись только в начале текста: *Женищина в элегантном черном костюме (брюки и пиджак) и белой рубашке*. Еще в 11 работах эти синтаксемы выступают в функции не предикативного ядра, а распространителей модели: *Передо мной сидит девушка в малиновой кофте; На картинке я вижу Марлен Дитрих в мужском костюме*.

Модели типа 1 – 5 – это безглагольные модели с типовым значением отчуждаемого, необязательного качества человека. Вместе с тем для обозначения отчуждаемых качеств человека используются конструкции, в состав которых входят глагольные формы. Это могут быть личные или именные формы глагола или его именные формы. Можно выделить следующие модели предложений с глагольными формами:

6. Модели типа *Она одета в белую рубашку; Женищина одета в черный костюм; Обута в мужские туфли*.

В состав этих моделей входят субъектные синтаксемы – существительные или местоимения в именит.падеже, обозначающие описываемого человека, и предикатные синтаксемы – именные формы глагола (краткие страдательные причастия) в сопряжении с существительным в винит. падеже с предлогом *в*. Краткие страдательные причастия не могут самостоятельно формировать предикат в данном случае, поэтому основная смысловая нагрузка предиката переходит на существительное в винит. пад. (ср. возможность опущения глагольного предиката и превращение модели в безглагольную: *Она одета в белую рубашку – Она в белой рубашке*. Эти глагольные модели встречаются в текстах достаточно редко (в 15 работах из 130, 10 из них – описание соседа по парте), уступая место синонимичным номинативным моделям *Она в белой рубашке*.

7. Модели типа *На ней надета белая рубашка; На ней надет пиджак*.

В состав этих моделей входят субъектные синтаксемы *на* + существительное или местоимение в предлож. падеже, обозначающие описываемого человека, и предикатные синтаксемы – сопряжение именной формы глагола и существительного в винит.падеже без предлога. Как и в моделях типа *Она одета в белую рубашку* именная форма глагола может формировать предикат только в сопряжении с существительным, на котором и лежит основная смысловая и рематическая нагрузка. Причастие не является обязательным компонентом модели и может быть опущено. Эти модели в текстах встречаются достаточно редко (из 130 работ они есть в 9, 7 из которых – описание соседа по парте), вместо них используются синонимичные безглагольные модели типа *На ней белая рубашка. На ней черный пиджак. На моей соседке платье.*

8. Модели типа *Волосы уложены волнами. Волосы завиты в локоны. Волосы заплетены в косу.*

В состав этих моделей входят субъектные синтаксемы – существительные в именит.падеже и предикатные синтаксемы – краткие страдательные причастия. Эти модели встречаются в текстах при характеристике прически человека. По составу они похожи на модели типа *На ней надета рубашка* и *Она одета в рубашку*, но «если при характеристике одежды или аксессуаров предикат-причастие можно опустить (ср. *Она одета в рубашку* – *Она в рубашке*; *На ней надета рубашка* – *На ней рубашка*; *На палец надето кольцо* – *На пальце кольцо*), то при характеристике прически опущение предиката-причастия невозможно (ср. **Волосы в локонах*), поскольку причастие описывает способ создания прически (ср. использование других причастий для характеристики прически: *Волосы заплетены в косу*; *Волосы собраны в хвост*; *Волосы распущены*)» [Роговнева 2015г].

С другой стороны, в некоторых моделях этого типа предикатом может быть одно причастие (*Волосы уложены*; *Локоны завиты*), а в других моделях

причастие самостоятельно не может формировать предикат и нуждается в существительном (ср. **Волосы заплетены* и *Волосы заплетены в косу*).

9. Модели типа *Волосы торчат из-под цилиндра; Из нагрудного кармана виднеется белый платочек*.

В состав этих моделей входит субъектная синтаксема-существительное в именит.падеже, обозначающее часть тела человека или какой-либо предмет на человеке, и предикатная синтаксема – глагол в личной форме. Форма глагола несовершенного вида в изъявительном наклонении и настоящем времени в этих моделях выполняет имперфекивно-характеризующую функцию. Однако в большинстве предложений исходные модели осложняются введением локализирующих синтаксем – существительных в родит.падеже с предлогом (*из-под цилиндра, из кармана*). Глаголы в этих моделях часто являются авторизаторами, которые вводят в предложение «второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» [Золотова 2009: 263].

Типовое значение локализации, положения лица в пространстве.

1. *Мой сосед сидит впереди меня; Женщина сидит на чем-то белом; Она стоит возле стены с надписями; Нога лежит в горизонтальной плоскости;*
2. *Его ноги вытянуты и скрещены под партой; Одна нога закинута на другую.*

Типовое значение локализации, положения лица в пространстве выделяется в предложениях, которых характеризуют позу описываемого человека.

1. Модели типа *Мой сосед сидит впереди меня; Женщина сидит на чем-то белом; Левой рукой она опирается о парту*.

В состав этих моделей входит субъектная синтаксема – существительное (местоимение), обозначающее описываемого человека, в именит.падеже и предикатная синтаксема – личная форма неакционального статуального

глагола. Этот глагол самостоятельно формирует предикат и выступает в предложении в имперфективной функции: *Она сидит на чем-то светлом. Она стоит возле стены с надписями. Ее правая нога лежит в горизонтальной плоскости. Мой сосед сидит за партой. Девушка на фотографии держит в руках сигарету. Она держит сигарету в левой руке.* «Интересно, что в функции субъекта в именит.падеже может выступать как обозначение целого лица (*Она сидит*), так и обозначение части этого целого (*Правая нога лежит*)» [Роговнева 2015г]. При этом часть целого (часть тела) может быть и в творит.падеже: *Левой рукой опирается на колено левой ноги.*

2. Модели типа *Его ноги вытянуты и скрещены под партой; Одна нога закинута на другую; Ноги скрещены в районе щиколоток, коленки расставлены.*

В состав этих моделей входит субъектная синтаксема – существительное в именит.падеже, обозначающее часть тела человека, и предикатная синтаксема – глагол в именной форме (краткое страдательное причастие). В данном случае это причастие самостоятельно формирует предикат. В этих моделях в функции субъекта могут употребляться только части целого (*нога, рука, коленка*), но не само целое.

Типовое значение действия лица.

1. *Он повернулся, посмотрел, улыбнулся; Моя соседка посмотрела на меня и покрутила ручку.*

2. *Она пишет в тетрадке уверенно; Он щелкает ручкой; Вот он снимает очки, достает салфетку и протирает стекла.*

При описании лица, не изображенного на фотографии, а реального, живого человека (в нашем случае это описание соседа по парте) в тексте могут появляться предложения, сообщающие не о качествах лица, а о его действиях в данный момент времени. Такие предложения не выходят за пределы репродуктивного регистра, поскольку в них характеризуется то, что говорящий наблюдает в данный момент времени, однако они представляют собой

повествовательную разновидность репродуктивного регистра. В них представлена не статика описания, а динамика действия.

1. Предложения типа *Он повернулся, посмотрел, улыбнулся; Моя соседка посмотрела на меня и покрутила ручку.*

В состав этих предложений входит субъектная синтаксема – существительное или местоимение в именит.падеже, обозначающая лицо, и предикатная синтаксема – личная форма глагола в прошедшем времени, изъявительном наклонении, выполняющая в предложении аористивную функцию.

2. Предложения типа *Она пишет в тетрадке уверенно; Он щелкает ручкой; Вот он снимает очки, достает салфетку и протирает стекла.*

В состав этих моделей входит субъектная синтаксема – существительное или местоимение в именит.падеже, обозначающая лицо, и предикатная синтаксема – личная форма глагола в изъявительном наклонении, настоящем времени, выполняющая в предложении импрефективно-процессуальную функцию.

Действия человека не обязательно описываются в каждом тексте и обозначаются, как правило, после характеристики наблюдаемых качеств. Из 70 текстов-описаний соседа по парте описание действий есть в 40 работах, при этом 8 работ представляют собой только репродуктивно-повествовательный регистр. В текстах-описаниях фотографии предложений с типовым значением действия нет.

2.2. Коммуникативные регистры в репродуктивных текстах-описаниях человека.

Формулировки заданий в экспериментах 1 и 2 требуют от говорящего создание текста в репродуктивном регистре. Анализ типовых значений предложения и моделей, наиболее часто встречающихся в полученных текстах-

описаниях, выполненных по этому заданию, подтверждает, что эти тексты можно характеризовать как репродуктивные, так как они отвечают основным критериям репродуктивности [Роговнева 2015ж]. Это высокий уровень детализации, когда описываемый объект делится на части и с разной степенью подробности описывается каждая часть. Как правило, описывается одежда, лицо, руки, поза: (1) *На моем соседе черная футболка с надписью, а поверх нее – клетчатая рубашка в крупную клетку, синие, слегка потертые на коленях джинсы, белые кроссовки фирмы «Адидас». Он сидит и пишет сочинение левой рукой.* (2) *Под жакетом надета светлая рубашка, из кармана на груди виднеется платочек, на левой ноге лаковый ботинок. В тонких пальцах зажата сигарета, на левой руке у нее перстень.* (3) *Женщина стоит, ее поза немного сутулая, бедро выставлено наружу, одета в цилиндр. На губах – улыбка, прямой взгляд направлен в камеру.* Другой признак репродуктивного регистра – актуальное время предиката с семантикой наблюдаемого состояния или качества, событийное время текста соответствует времени позиции автора текста, автор описывает то, что он видит в данный момент: *На ней черный пиджак; У нее на голове цилиндр, в руке она держит сигарету, дым от которой поднимается вверх.* И наконец – сенсорный способ восприятия действительности как еще один признак репродуктивного регистра. В некоторых текстах есть эксплицитно выраженная модусная рамка репродуктивного регистра: *На фотографии я вижу девушку, которая одета в мужской костюм; Я вижу перед собой молодого человека.*

Статические типовые значения предложений формируют описательную разновидность репродуктивного регистра, динамика в анализируемых текстах чаще всего отсутствует. Однако в описании соседа по парте достаточно часто встречаются повествовательные тексты, в которых представлена не статичная характеристика человека, а его действия в данный момент времени: *Он поднял голову, посмотрел на меня, наклонил голову набок, отвернулся и продолжил писать.* Эти тексты не выходят за рамки репродуктивного регистра и

представляют собой его повествовательную разновидность (см. выше параграф 2.1. раздел 2).

Таким образом, во всех анализируемых текстах присутствуют основные признаки репродуктивного регистра. Однако в текстах встречаются элементы информативного регистра, который сообщает о фактах, не наблюдаемых в данный момент говорящим, а известных автору или им осмысляемых, об отвлеченных свойствах, поднимающихся над наблюдаемым в данный момент. Следует отметить, что, несмотря на формулировку задания, среди полученных от студентов встречались и полностью информативные тексты: в них автор уходил от описания того, что он действительно видит, и делал некоторые отвлеченные предположения относительно характера женщины, изображенной на фотографии, или своего соседа. Из 130 работ полностью информативными оказались 3 текста-описания соседа по парте и 7 текстов-описаний фотографии. Вот примеры полностью информативных текстов:

1. *Мою подругу зовут Маша. Мы на всех парах сидим с ней вместе. Я познакомилась с ней недавно, когда мы заселялись в общежитие. Когда я увидела ее, я сразу поняла, что мы с ней подружимся. А когда мы познакомились поближе, я узнала, что она очень общительный, приятный и дружелюбный человек. Еще она очень добрая и отзывчивая. Она всегда готова помочь в трудную минуту. Мне приятно с ней общаться.*

2. *На фотографии изображена Марлен Дитрих – немецкая актриса XX века, которая жила в Америке. Она снималась в черно-белых фильмах. Фотография тоже черно-белая. Это образ сильной, сдержанной, целеустремленной женщины, которая в борьбе за собственные права и независимость, обретает опыт, мудрость и сохраняет природную женственность и элегантность.*

Полная подмена репродуктивного текста информативным свидетельствует о том, что говорящий не понял задание и/или неправильно

выбрал тактику (он сообщает о своих мыслях, знаниях, оценках, а не о данных своих органов чувств).

Однако в большинстве анализируемых текстов информативность выделяется на общем фоне репродуктивного регистра. Подобные информативные вкрапления в репродуктивный регистр демонстрируют то,

а) насколько сильно в человеке стремление к привнесению субъективного элемента в описание другого человека,

б) насколько активно непосредственное наблюдение всегда взаимодействует с модусами знания и мнения. Ниже приводится список наиболее часто встречающихся конструкций, которые так или иначе выходят за рамки канонического репродуктивного регистра:

1. Эмоциональные признаки. В текстах-описаниях прилагательные и другие части речи, обозначающие непроцессуальные признаки, играют большую роль. Как уже отмечалось, они могут выступать в качестве предиката, формируя модель предложения (*Волосы светлые; Рубашка белая*), а могут занимать и атрибутивную позицию при существительном, не входя в модель предложения и являясь ее распространителем (*Она в черном пиджаке; Сосед одет в клетчатую рубашку*). Строго говоря, к репродуктивному регистру в описании человека можно отнести только наблюдаемые эмпирические признаки: *черный цилиндр, блестящие туфли, светлые волосы*. Однако в анализируемых текстах встречаются конструкции с прилагательными, обозначающими эмоциональные признаки. Эти прилагательные используются говорящим, как правило, при характеристике выражения лица человека: *У нее решительная поза; У нее хитрый взгляд; Легкая загадочная полуулыбка; Мой сосед хитро улыбнулся*. Поскольку эти прилагательные характеризуют внешний наблюдаемый признак или проявление состояния, то их следует отнести также к репродуктивному регистру. «Эмоционально-экспрессивные прилагательные – атрибуты всегда передают наблюдаемое внешнее проявление состояния и остаются в пределах репродуктивного регистра» [Золотова, Онипенко,

Сидорова 1998: 98]. Интересно, что во многих работах подобные прилагательные встречаются там, где сложно дать точное наблюдаемое объективное описание: поза (*решительная*), взгляд (*хитрый*), улыбка (*загадочная*). С точки зрения психолога У. Найссера, «мы осознаем значение, как бы не замечая физические детали, из которых они строятся. По крайней мере мы часто не можем описать эти детали» [Найссер, 1981: 91]. Действительно, с точки зрения смотрящего на фотографию более важным является значение улыбки, чем, например, форма губ. Поэтому эмоциональные признаки, встречающиеся в текстах при попытках охарактеризовать выражение лица, не выходят за рамки репродуктивного регистра.

С другой стороны, рассмотренные нами выше полностью информативные тексты также включают в себя эмоциональные признаки (*Еще она очень добрая и отзывчивая*). Эти признаки выходят за пределы репродуктивного регистра, поскольку они характеризуют не внешне наблюдаемое проявление состояния, а обладание внутренними качествами. Такие прилагательные не могут входить в контекст репродуктивного регистра с актуальным временем предиката: **У окна сидит добрая и отзывчивая девушка*.

Таким образом, эмоциональные признаки могут включаться в репродуктивный регистр только в том случае, если они обозначают внешне наблюдаемые качества, а вся конструкция относится к актуальному времени. Если же эмоциональные признаки обозначают обладание внутренними качествами, то они не могут сочетаться с предикатами в актуальном времени, а вся конструкция, в которую входят эти признаки, относится к информативному регистру.

2. Информативные признаки. В анализируемых текстах встречаются также и конструкции с информативными признаками (*медный браслет, туфли-оксфорды, мужской костюм, одетая по-мужски, шерстяная кофта, кожаный ремень*), которые, как правило, принадлежат информативному регистру, а

появляясь в текстах репродуктивного регистра, они обычно вводят информативный план.

Информативные признаки в описании человека можно разделить на три группы:

1) Информативные признаки типа *мужской пиджак, женский фрак*, которые характеризуют предмет одежды по его половой принадлежности.

2) Информативные признаки типа *шерстяной свитер, кожаный ремень*, характеризующие предмет по материалу, из которого он сделан.

3) Информативные признаки типа *туфли-оксфорды, ботинки-тимберленды, джинсы-бойфренды, брюки-сигареты*, которые характеризуют предмет по отношению к классу вещей[Роговнева 2015e].

Особенно интересными представляются конструкции первой группы информативных признаков *мужской костюм, одетая по-мужски*. Такие характеристики появляются в текстах-описаниях фотографии Марлен Дитрих и Мадонны. В целом они обозначают видимый признак (или точнее результат увиденного), пропущенный через сознание: автор текста знает, как должен выглядеть мужской костюм, и делает вывод, что изображенная на фотографии женщина одета именно в мужской, а не женский костюм; при этом автор текста должен знать визуальную разницу между мужским и женским костюмом и видеть эту разницу на фотографии. Однако в последующем описании костюма нет ничего, что могло бы характеризовать исключительно мужской костюм: *На фотографии я вижу женщину в мужском костюме: черный пиджак, черные брюки, ботинки-оксфорды, а на голове черная шляпа*. Такие предложения встречаются во многих текстах-описаниях фотографий, даже в тех, где присутствует минимальное количество информативных элементов. Обычно информативным признаком *мужской* характеризуется костюм, цилиндр (описание фотографии Марлен Дитрих и Мадонны), поза. Поэтому можно предположить, что прилагательным *мужской* в данном случае характеризуется не отдельный предмет одежды или жест, а целый образ, который в сознании

106

говорящего соотносится с определенным представлением о норме, эталоне. Это еще раз подтверждает процитированную выше мысль психолога У. Найссера. В любом случае эти информативные признаки выводят всю конструкцию, в состав которой они входят, на периферию канонического репродуктивного регистра.

Информативные признаки второй группы (*шерстяной свитер, кожаный ремень*) появляются в каждой работе при характеристике материала, из которого сделан объект. Если в описании соседа по парте говорящий действительно может увидеть или потрогать материал предмета (*На поясе у него кожаный ремень; На руке – цепочка из золота*), то при описании фотографии эти характеристики являются скорее предположением, чем действительным наблюдением, следовательно, информативным включением. В некоторых текстах это предположение вводится специальными информативными синтаксемами (*У нее на руке массивный браслет, вероятно, медный*).

Поэтому можно предположить, что информативные признаки, характеризующие предмет по материалу, из которого он сделан, в различной степени могут влиять на репродуктивность всей конструкции в зависимости от того, характеризуют они живого человека, которого говорящий видит перед собой, или человека на фотографии.

Информативные признаки третьей группы (*туфли-оксфорды, ботинки-тимберленды, джинсы-бойфренды*) встречаются в текстах (как в описании соседа по парте, так и в описании фотографий) только в том случае, если говорящий знает, как какому классу вещей относится наблюдаемый им предмет. Если говорящий этого не знает, то в своем тексте он использует описательные конструкции, обозначая действительно наблюдаемые признаки: *На ногах у нее закрытые черные туфли со шнурками; Мой сосед обут в высокие зимние ботинки со шнурками; На ней синие классические джинсы с высокой посадкой, немного потертые.*

Соответственно, информативные признаки третьей группы представляют собой результат не наблюдения, а знания и выводят всю конструкцию, в состав которой они входят как распространители модели, в информативный регистр. Наши тексты наглядно показывают, что, говорящему, действительно, намного проще отнести предмет к классу, чем охарактеризовать его, называя только его наблюдаемые признаки (например, как описать женские джинсы-бойфренды или ботинки-тимберленды так, чтобы слушающий понял, о чем идет речь?).

3. Оценочные признаки. В отличие от эмоции, которая, как мы определили, может не выходить за пределы репродуктивного регистра, оценка, появляясь на фоне репродуктивного описания или повествования, не принадлежит репродуктивному регистру. Оценочная конструкция формирует информативный, генеритивный или реактивный (в диалогической речи) план. Если в репродуктивном тексте встречаются оценочные модели, то «всегда происходит переключение репродуктивного регистра на информативный или генеритивный» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 99]. В анализируемых текстах-описаниях человека оценка относится не к классу лиц, а к одному конкретному лицу, поэтому высказывания, содержащие оценку, формируют информативный план: *Она выглядит очень привлекательно; Костюм сидит на женщине идеально; Девушка довольно симпатичная; На голове у нее странная шляпа; Моя соседка красивая; У нее на ногах элегантные балетки.* Эти оценочные конструкции, выходя за пределы репродуктивного регистра, характеризуют явление не по наблюдаемым его качествам, а вводят точку зрения говорящего, его реакцию на наблюдаемое.

4. Элементы знания: *Мою соседку по парте зовут Наташа; На фотографии изображена Марлен Дитрих; Она была актрисой; Он спортсмен; Я вижу Мадонну в одежде Марлен Дитрих.*

Конструкции с элементами знания формируют канонический репродуктивный регистр: ментальный способ восприятия действительности и пространственно-временная дистанцированность позиции говорящего. Они

вводятся в репродуктивный текст-описание отдельными предложениями, в которых говорящий сообщает не о том, что он видит в данный момент, а о том, что он знает.

Интересными с точки зрения регистровой характеристики представляются конструкции типа *Моя соседка по парте зовут Наташа; На фотографии изображена Марлен Дитрих*. Эти конструкции являются результатом не зрительного восприятия, а знания и входят в модусную рамку «я знаю, что...» Автор видит человека (живого или на изображении) и может сделать вывод, что это Марлен Дитрих или Мадонна в образе Марлен Дитрих. При этом предполагается, что он знает Марлен Дитрих или Мадонну и, вероятно, знает, что перед ним Мадонна в образе Марлен Дитрих. Интересно, что этих предложений нет у авторов, которые не знали, кто изображен на фотографии, их описания начинаются так: *На фотографии я вижу женщину....* В текстах-описаниях соседа по парте только один раз встретилась конструкция *Я еще не знаю, как его зовут, так как вижу его второй раз*.

Все конструкции с элементами знания появляются в том случае, если говорящий описывает человека, которого знает. Минимальное количество элементов знания присутствует в текстах-описаниях Марлен Дитрих и максимальное – в описаниях соседа по парте.

5. Элементы многократного наблюдения: *Моя соседка носит очки и предпочитает классический стиль в одежде; Он всегда сидит на этом месте; Она часто носит пиджаки; Вторую неделю он ходит в этом свитере*.

Конструкции с элементами многократного наблюдения встречаются только в описаниях соседа по парте. Возможность появления этих конструкций напрямую зависит от знакомства говорящего с человеком, которого он описывает. В описаниях фотографии нет элементов многократного наблюдения даже в тех текстах, авторы которых знали женщину, которую описывали, хотя

теоретически в этих текстах возможны предложения типа *Марлен Дитрих любила носить мужские костюмы; Она много курила.*

Важно отметить, что элементы многократного наблюдения могут вводиться в текст специальными синтаксемами и их сочетаниями (*как правило, обычно, каждый день, всегда, редко, обычно*) с узуальным значением. Это узуальное значение может быть заложено не только в распространителе, но и в самой модели (предикаты *предпочитать, носить*).

6. Элементы предположения: *Вероятно, она актриса, и эта фотография из фильма; Трудно угадать ее возраст, но, видимо, она еще молода; Фотография старая, середины прошлого века, и так как женщины не ходили в брюках в то время, можно сделать вывод, что она актриса и эту фотографию сделали на съемках какого-нибудь фильма.*

В отличие от многократного наблюдения, которое появляется в том случае, если автор хорошо знает человека, элементы предположения появляются, как правило, в тех текстах, авторы которых не знакомы с человеком, которого они описывают (в нашем случае – описания фотографии Марлен Дитрих). Они могут появляться и при описании соседа по парте, но это единичные случаи: *У него короткие волосы, очевидно, недавно стриженные; Крутит ручку, но вряд ли увлекается пенспиннингом.*

Как и многократное наблюдение, элементы предположения также вводятся отдельными синтаксемами со значением предположения (*наверное, вероятно, видимо*). В некоторых же случаях эксплицитно выражена модусная рамкой информативного регистра: *мне кажется, я думаю* и т.д. Следует отметить, что при опущении этих синтаксем со значением предположения вся конструкция становится информативным элементом – знанием.

Мы разобрали 6 типов информативных включений в репродуктивные тексты, которые могут появляться в репродуктивных текстах-описаниях человека.

При этом важно отметить, что типы и количество информативных элементов в тексте зависят от знакомства говорящего с человеком, которого он описывает. Наибольшее количество информативных включений обнаружилось в описаниях соседа по парте, наименьшее – при описании фотографии Марлен Дитрих, которую большинство говорящих не знает. Следует также отметить, что есть полностью репродуктивные тексты без информативных включений (28 полностью репродуктивных текстов из 130).

2.3. Рематические доминанты в репродуктивных текстах-описаниях человека.

В текстах-описаниях человека в репродуктивном регистре основное логическое ударение падает на слова, обозначающие качества человека (как отчуждаемые, так и неотчуждаемые). Эти слова выполняют, как правило, функцию предиката и являются ремой как в предложении, так и в целом фрагменте. Темой является описываемый человек – лицо, которое определено заданием. Ниже приведен фрагмент текста с качественной рематической доминантой, жирным шрифтом в нем выделены слова, несущие на себе логическое ударение и определяющие рему предложений и всего фрагмента:

*У нее **светлые волнистые волосы, правильные черты лица, прямой нос. Кожа светлая и ровная. Пальцы на руках длинные. Одета она в черный мужской костюм: пиджак, под ним – рубашка и брюки. На голове у нее – черный цилиндр. Обута в черные туфли-оксфорды.***

Важно отметить, что в предложениях с характеристикой неотчуждаемых качеств рематическими являются признаковые слова – как правило, прилагательные, которые и образуют предикат в предложении. А в предложениях с характеристикой отчуждаемых качеств, где прилагательное – необязательный компонент предложения, рематическими являются предметные слова – существительные, которые обозначают предметы одежды.

Прилагательное при этом является необязательным компонентом предложения, хотя тоже несет на себе рематическую нагрузку.

Предложения с типовым значением качества объединяются во фрагменты текста с **качественной** рематической доминантой. Однако можно добавить, что при обозначении отчуждаемых качеств качественная рематическая доминанта дополняется **предметной**.

Помимо обозначений качеств, в текстах-описаниях человека выделяются фрагменты текста, в которых говорящий сообщает о наблюдаемом состоянии человека. В состав этих фрагментов входят предложения с типовым значением локализации, положения лица в пространстве. Темой в этих фрагментах является человек, конкретное лицо, а ремой – его наблюдаемое положение в пространстве в данный момент. Ниже приведен пример такого фрагмента текста, жирным шрифтом в нем выделены слова, несущие на себе логическое ударение:

*Она **сидитна чем-то белом**. **Щиколотка** одной ее ноги **покоитсяна колене** другой (одна нога **лежит перпендикулярно по отношению к другой**). Одна рука **уперта в бок**, а в другой она **держитсигарету**, дым от которой **тонкой струйкой поднимается вверх**.*

Предложения с типовым значением локализации, положения лица в пространстве объединяются во фрагменты текста со **статуальной** рематической доминантой.

Наконец, в текстах-описаниях живого человека (соседа по парте) говорящий может сообщать о наблюдаемых действиях лица в данный момент. Предложения с акциональным типовым значением объединяются во фрагменты текста с **акциональной** рематической доминантой. Логическое ударение здесь падает на слова, обозначающие действия человека в данный момент времени. Это могут быть глаголы в аористивной (прошедшее время, изъявительное

наклонение, совершенный вид) или имперфективно-процессуальной (настоящее время, изъявительное наклонение, несовершенный вид) функции:

*Мой сосед **водит** ручкой по листочку. Иногда он **поворачивается** ко мне, **трогает** мою одежду и **улыбается**. Вот он снова **повернулся** и **потрогал** мои волосы. Теперь он **отвернулся**, **положил** ногу на ногу и **продолжил водить** ручкой по листочку.*

Таким образом, репродуктивные тексты-описания человека включают в себя фрагменты с **качественной** и **статуальной** **рематическими доминантами**. Кроме того, при описании живого человека встречаются фрагменты с **акциональной рематической доминантой**. Вместе с тем важно отметить, что при обозначении непостоянных качеств человека рематическое ударение падает не столько на признаковые слова, сколько на предметные – существительные, обозначающие предметы одежды и обуви. Поэтому можно говорить и о **предметной рематической доминанте** в текстовых фрагментах, описывающих непостоянные (отчуждаемые) качества человека.

РАЗДЕЛ3. КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕКСТОВ – ОПИСАНИЙ МЕСТА.

В этом разделе будут проанализированы репродуктивные тексты-описания места. Эти тексты были получены в результате 4 лингвистических экспериментов. Подробное описание экспериментов представлено в разделе 1 главы 2. В результате 4 экспериментов мы получили 138 репродуктивных текстов-описаний места.

Ниже приведены примеры полученных текстов.

1. Описание станции метро «Университет»: *Я стою у стены в холле станции метро «Университет». Напротив меня вдалеке находятся эскалаторы, перед которыми стоит будка дежурного. Я вижу, как два маленьких человека поднимаются вверх. Слева и справа от меня находятся гладкие массивные колонны. На потолке – лампы, которые тянутся через всю станцию. Некоторые из них довольно грязные. Станция не производит впечатление красивой. У каждой колонны стоит деревянная скамья. Пол выложен геометрическим узором, стены из желтой плитки, сам холл длинный и широкий: расстояние между платформами большое. Справа от меня видны ступени. С потолка свисает таблица, которая указывает, где какой выход со станции.*

2. Описание входа в первый корпус гуманитарных факультетов: *Каждый учебный день неизменно начинается с «большого сачка», который отрезвляет наше сознание. Холл светлый и просторный. Прямо возле входа расположен пост охраны. Слева и справа в холле есть гардероб. Справа от поста, еще перед гардеробом, висит большое зеркало. В середине холла стоят колонны, вокруг которых есть лавочки, где студенты раздеваются. А вдалеке холла виднеется лестница вверх. Она ведет к лифтам, ларькам с ручками и едой и аудиториям.*

3. Описание аудитории: *Просторное и светлое помещение. В нем есть парты, скамейки, впереди стоит стол преподавателя. Стула нет (преподаватель вынес его в коридор перед парой). На стене висит доска. На доске лежит мел и сухая грязная тряпка. Слева – четыре окна. Справа – тоже стена. На ней висят портреты Пушкина и Достоевского. На стенах наклеены обои какого-то коричневого цвета. На полу паркет. От двери до окна ходит наш преподаватель и что-то делает в телефоне.*

4. Описание фотографии незнакомого места: а) *На изображении расположено здание, состоящее из двух частей: низкой (видимо, административной) и высокой (жилая или рабочая). На фасаде низкой части здания расположены рельефы с фигурами, похожими на буквы или символы. По кругу на втором ярусе расположены балконы с зашторенными окнами. На первом ярусе по всему периметру – стеклянные двери. Крышу яруса подпирают темные колонны. Они квадратной формы. К зданию ведут три ступеньки. У входа стоят люди. На крыше высокого здания расположена какая-то решетка.*

б) *Это станция метро. На потолке – одна длинная лампа, она светит по центру станции. С одной стороны станции – лестницы, они ведут к выходу в город. С другой стороны – колонны и проход к платформе. В конце зала висит плазменный экран и находится стойка информации. Вдоль колонн стоят скамейки. На них сидят люди: девушка с портфелем, а на соседней лавке – молодой человек.*

3.1. Типовые значения в репродуктивных текстах-описаниях места.

При описании места говорящим востребованы предложения с типовыми значениями **локализованного наличия предмета в пространстве, ориентации предмета в пространстве и качества.**

Перед тем как перейти к анализу моделей предложения, входящих в тексты-описания места, важно отметить, что само место уже задано формулировкой задания. В экспериментах 3, 4, 5 название места задано в самой формулировке задания, а в эксперименте 6 формулировка задает место без указания на его название. То есть во всех экспериментах место выступает как тема (известное, заданное), а ремой является описание, характеристика этого места по наличию в нем предметов.

Типовое значение локализованного наличия предмета в пространстве.

По способу наполнения моделей предложения с типовым значением локализованного наличия предмета в пространстве можно выделить следующие группы:

1. *На потолке лампы; Возле колонн скамейки; На стене табличка.*
2. *Внизу будка дежурного; Слева платформа; Вдалеке стена.*
3. *На потолке висят лампы; Вокруг колонн стоят скамейки; Внизу находится будка дежурного; Справа висит зеркало.*
4. *Возле колонн расположены лавки.*
5. *Впереди виднеется стена.*

При описании-характеристике заданного места говорящим востребованы безглагольные модели (модели типа 1 и 2) или модели с неполнознаменательным глаголом, который самостоятельно не может образовать предикат, и при этом основная смысловая нагрузка переходит на существительное (модели типа 3, 4, 5).

1. Модели типа *На потолке лампы; Возле колонн скамейки; На стене табличка.*

Это субстантивно-субстантивные модели, в состав которых входит сопряжение субъектной синтаксемы, обозначающей часть заданного пространства (существительное в косвенном падеже с предлогом), с предикатом – существительным в именит.падеже, обозначающем предмет, который находится в части этого пространства. Предикат-существительное может распространяться характеризующим его прилагательным (*На стене небольшая табличка; На потолке пыльные лампы*).

2. Модели типа *Внизу будка дежурного; Слева платформа; Вдалеке стена*.

Это наречно-субстантивные модели, в состав которых входит сопряжение субъектной синтаксемы-наречия, обозначающей часть заданного пространства, с предикатом – существительным в именит.падеже, обозначающим предмет, который находится в части этого пространства. Важно отметить, что наречие в моделях этого типа обозначает часть заданного пространства через позицию говорящего (*внизу от меня, слева от меня, вдалеке от меня*). В моделях типа *На потолке лампы* нет указания на позицию говорящего.

Модели 1-2 представляют собой безглагольные типы предложений, в которых функцию субъекта выполняет существительное или наречие, обозначающие часть заданного локуса, функцию предиката в обоих случаях выполняет предметное существительное, характеризующее данное пространство. Эти типы моделей разливаются только наличием (модели типа 2) или отсутствием (модели типа 1) указания на позицию говорящего.

3. Модели типа *На потолке висят лампы; Вокруг колонн стоят скамейки; Внизу находится будка дежурного; Справа висит зеркало*.

Это глагольные модели, в состав которых входит сопряжение субъектной синтаксемы, обозначающей часть заданного пространства и выраженной существительным в косвенном падеже с предлогом, и предиката –

реляционного глагола-локализатора несовершенного вида в форме изъявительного наклонения, настоящего времени. Этот реляционный глагол является нерематическим не может самостоятельно выполнять функцию предиката, основная смысловая нагрузка падает на существительное в именит.падеже, обозначающим предмет, который находится в части заданного пространства.

4. Модели типа *Возле колонн расположены лавки.*

Это глагольные модели, в состав которых входит сопряжение субъектной синтаксемы в форме косвенного падежа существительного с предлогом, обозначающей часть заданного пространства, и предиката – именной формы реляционного глагола-локализатора, который не может самостоятельно формировать предикат и образует его только в сочетании с существительным, обозначающим предмет, в форме именительного падежа.

5. Предложения типа *Впереди виднеется стена; Около колонн видны лавки.*

В этот тип мы объединили все модели, представляющие собой авторизационные модификации исходных моделей типа 1 – 4. Это глагольные модели, в состав которых входит сопряжение субъектной синтаксемы, обозначающей часть заданного пространства и выраженной наречием или существительным с предлогом, и предиката – авторизационного глагола в личной или именной форме. Основная смысловая нагрузка предиката лежит на предметном существительном в именит.падеже, обозначающим предмет, который находится в указанной части пространства.

В глагольных моделях типа 3, 4 и 5 глагольный предикат является необязательным компонентом структуры. Эта необязательность доказывается возможностью его опущения при сохранении конструкции: *На потолке висят лампы* и *На потолке – лампы*; *Внизу находится будка дежурного* и *Внизу –*

будка дежурного. Это нерематические и неакциональные глаголы, семантика которых «призвана выражать отношение признака к предмету (*быть, бывать, иметь, обладать*) или восприятие наблюдателя (*казалось, чувствовалось, обнаруживалось* и т.п.)»[Золотова 1982: 304]. Анализ текстов показал, что говорящим при описании места более востребованы безглагольные модели. В одном тексте могут появляться безглагольные и глагольные модели, однако нет ни одного текста, в котором говорящий использует только глагольные модели для обозначения предметов, находящихся в заданном пространстве.

Типовое значение ориентации предмета в пространстве.

Предложения с типовым значением ориентации предмета в пространстве оформлены следующим образом: *Лестница ведет наверх; Ступеньки ведут наверх; Лестница ведет к выходу; Эскалатор спускается в зал*.

В состав этих моделей входит сопряжение субъектной синтаксемы – существительного, обозначающего часть пространства, в именит.падеже, и предиката – реляционного глагола в личной форме в сочетании с именной или наречной синтаксемой. Глагол в этих предложениях также не может самостоятельно образовать предикат, однако является обязательным компонентом модели (в отличие от моделей с типовым значением локализованного наличия *На потолке висят лампы; Возле колонн расположены лавки*). Следует отметить, что глаголы, употребляемые в этих моделях, могут иметь в языке и акциональное значение *Экскурсовод ведет группу; Гости спускаются в столовую*, однако в нашем случае эти глаголы употребляются в неакциональном значении.

Важно отметить, что в предложениях с типовым значением ориентации сам предмет уже имеется – он выступает как часть заданного пространства (в сознании говорящего есть представление о том, на какие части может быть разделено пространство и какие предметы могут находиться в нем). «В отличие от моделей с типовым значением локализованного наличия предмета в

пространстве, где предмет занимает место ремы, здесь предмет выступает как тема» [Роговнева 2015д]. Ремой же в этих предложениях является часть пространства, которую говорящий, как правило, не видит (см. подробнее параграф про коммуникативные регистры в описании места – 3.2 раздел 3 глава 2).

Предложения с типовым значением ориентации предмета в пространстве встречаются во многих текстах при любой формулировке задания, однако анализ показал, что наибольшее их количество представлено в тех работах, где говорящий описывал знакомое ему место, в котором он не находился в момент описания (описание станции метро «Университет» и входа в первый корпус гуманитарных факультетов).

Типовое значение качества.

Тексты-описания места не являются просто перечнем предметов, наполняющих заданное пространство. Эти предметы наделены наблюдаемыми качествами. Синтаксемы, обозначающие качество предметов, могут выступать в функции распространителя модели (*Впереди стеклянные двери*), а может входить в состав модели (*Серая плитка*). В последнем случае мы можем выделить модели с типовым значением качества в текстах-описаниях места.

По способу оформления можно выделить следующие типы моделей с типовым значением качества:

1. *Гранитный пол; Серые колонны; Деревянные скамейки.*
2. *Пол – гранитный; Колонны – серые; Скамейки – деревянные.*
3. *Стены из серого камня; Пол из гранита.*
4. *Плитка серого цвета; Колонны квадратной формы.*
5. *Стены выложены плиткой; Козырек украшен барельефом.*

При обозначении наблюдаемых качеств в описании места говорящим востребованы в основном безглагольные модели. Глагольные модели представлены в этом случае только одним типом с предикатом – именной формой глагола.

1. Модели типа *Гранитный пол; Серые колонны; Деревянные скамейки.*

Это номинативные модели, в состав которых входит субъектная синтаксема – существительное, обозначающее часть заданного пространства, в именит.падеже. Прилагательное в них выполняет адъективную функцию, характеризуя существительное-субъект, к которому оно относится. Именную синтаксему в моделях этого типа следует признать именно субъектом, поскольку она обозначает часть заданного пространства, то есть уже известное говорящему, и выполняет функцию темы.

2. Модели типа *Пол – гранитный; Колонны – серые; Скамейки – деревянные.*

Это субстантивно-адъективные модели, в состав которых входят сопряжение субъектной синтаксемы – существительного, обозначающего часть заданного пространства, в именит.падеже и предиката – прилагательного, обозначающего наблюдаемый признак. В отличие от моделей типа *Гранитный пол*, где прилагательное выполняет адъективную функцию и является распространителем, в моделях типа *Пол – гранитный* прилагательное входит в состав модели как предикат. Темой в таких предложениях является часть заданного пространства, а ремой – наблюдаемая характеристика этого пространства.

3. Модели типа *Стены из серого камня; Пол из гранита.*

Это субстантивно-субстантивные модели, в состав которых входит сопряжение субъектной синтаксемы – существительного, обозначающего часть

пространства, в форме именит.падежа и предиката – существительного, характеризующего эту часть пространства, в форме родит. падежа с предлогом *из*. В них говорящим характеризуется материал, из которого сделана часть пространство. Существительное-предикат может распространяться характеризующим его прилагательным, однако это прилагательное – необязательный компонент предложения.

4. Модели типа *Плитка серого цвета; Колонны квадратной формы.*

Это субстантивно-субстантивные модели, в состав которых сопряжение субъектной синтаксемы – существительного, обозначающего часть заданного пространства, в форме именит.падежа и предикатной синтаксемы – существительного, характеризующего эту часть, в форме родит. падежа без предлога. При этом существительное-предикат обязательно характеризуется прилагательным. Модели этого типа используются говорящим для характеристики формы или размера предмета.

5. Модели типа *Стены выложены плиткой; Козырек украшен барельефом.*

Качественная характеристика заданного места может выражаться и в глагольных моделях, где в функции предиката выступает именная форма неполнознаменательного глагола. Основная смысловая нагрузка предиката лежит на существительном. Субъектом в них является существительное в именит.падеже, обозначающее часть заданного пространства, а предикатом – краткое страдательное причастие в сочетании с существительным, характеризующим часть пространства. Несмотря на то что причастие не выполняет самостоятельно функцию предиката, его нельзя опустить: оно обозначает способ или функцию нанесения существительного-предиката на существительное-субъект.

Таким образом, при описании заданного места говорящий перечисляет предметы, находящиеся в этом месте, и указывает на их расположение. Кроме того, говорящий может давать характеристику предмета, заполняющим пространство. Модели с типовым значением качества в текстах-описаниях места подчеркивают, что для говорящего важно не просто указать на пространственное расположение предметов, но и наделить их качествами.

Во всех рассмотренных нами моделях в функции субъекта выступает локус – заданное пространство, которое характеризуется наличием в нем определенных предметов. При этом важно отметить, что очень редко субъектом выступает целое пространство – заданное место. В большинстве случаев субъектом является именно часть этого целого – часть пространства (ср. тексты-описания человека, где могло указываться как лицо в целом, так и часть лица в целом). Наполняющие это пространство предметы выполняют функцию предиката. «Субъект может быть выражен именем существительным в сочетании с предлогом (*на стене, на потолке, возле колонн*) или наречием места (*внизу, слева, справа*), предикат же выражается именем существительным в именит.пад., обычно в этой функции выступает конкретное существительное, обозначающее предмет (*скамейки, табличка, платформа*). В глагольных моделях в состав предиката помимо именного компонента входит неполнознаменательный реляционный глагол-локализатор в личной (*находится, висит*) или именной форме (*расположен*). Эти глагольные формы не могут самостоятельно сформировать предикат и не являются обязательными в таких предложениях. Необязательность глаголов доказывается возможностью их опущения при сохранении конструкции: *На потолке висят лампы* и *На потолке – лампы*; *Внизу находится будка дежурного* и *Внизу – будка дежурного*» [Роговнева 2015д].

Анализ текстов-описаний места показал, что у говорящего есть представление о том, как должно выглядеть то или иное известное ему пространство (если это комната, то в ней обязательно есть стены, потолок и

окна, если это станция метро, то в ней должен быть спуск в зал, сам зал, платформы и т.п.). Отметим еще раз, что в текстах-описаниях места само пространство и составляющие его части являются темой, а предметы, находящиеся в нем, - ремой. Синтаксемы, обозначающие пространство или его части, выступают в функции субъекта, а синтаксемы, характеризующие это пространство, - в функции предиката.

3.2. Коммуникативные регистры в репродуктивных текстах-описаниях места.

Формулировка задания в экспериментах 3, 4, 5, 6 требует от говорящего создание текста в репродуктивном регистре. Проанализированные модели предложений в текстах-описаниях места предрасположены к функционированию в репродуктивном регистре. В текстах представлен высокий уровень детализации, при котором целое заданное пространство делится на части. Как уже отмечалось, в сознании говорящего есть представление о том, на какие части можно разделить заданное место: *Возле эскалатора стоит будка дежурного. По обеим сторонам станции – выход к платформам. С одной стороны есть еще выход в город. Стена, противоположная эскалаторам, глухая.* Заданное пространство может быть поделено на части и относительно положения говорящего в этом пространстве: *Слева от меня большие окна. Справа – глухая стена, на которой висят портреты. Сзади – тоже стена и одна парта (я сижу на предпоследней). Впереди на стене висит доска, а возле нее ходит преподаватель.* Такие тексты встречаются при реальном наблюдении, когда говорящий действительно находится в том месте, которое описывает (в наших экспериментах это описание аудитории). Предикаты имеют семантику наблюдаемого качества. Говорящий описывает то, что видит в данный момент – реально или в воображении, при этом он воспринимает описываемое с помощью органов чувств (сенсорный способ восприятия действительности). В некоторых текстах эксплицитно выражена модусная рамка репродуктивного регистра: *Я стою*

возле турникетов и вижу эскалатор вниз; Я вижу перед собой советское здание. Статичное значение предикатов формирует описательную разновидность репродуктивного регистра. Динамика в текстах представлена только в тех предложениях, которые сообщают о передвижении говорящего или людей, находящихся в пространстве: *Я спускаюсь по эскалатору вниз; Я подхожу со стороны метро к нашему корпусу; Преподаватель ходит по аудитории; Мне навстречу поднимаются люди.*

При этом следует разграничить тексты, которые возникают на основе непосредственного наблюдения, когда говорящий-пишущий действительно видит перед собой предмет (например, описание места по фотографии или описание места, в котором говорящий действительно находится в данный момент времени), и тексты, которые возникают на основе описания по памяти. В последнем случае автор помещает свои воспоминания в репродуктивную модель видения действительности, и подобные тексты представляют собой нечто среднее между моделированием действительности (в художественных текстах) и ее непосредственным изображением. С другой стороны, такие тексты представляют собой результат знания и многократного наблюдения – говорящий описывает то, неоднократно видел, то, что помнит. Поэтому тексты-воспоминания, построенные по репродуктивной модели, возникают на основе информативной модели видения действительности. Следует отметить, что тексты-действительные наблюдения и тексты-воспоминания не различаются с точки зрения репродуктивных языковых средств, используемых для их создания. Как уже говорилось, в текстах-описаниях места важную роль играет точка наблюдения говорящего. В отличие от описания изображения, где эта точка является неподвижной, в описании места, где находится говорящий (в действительности или в воображении), она может перемещаться. В результате возможны следующие случаи:

1) Автор может последовательно перемещаться из одного пункта в другой и описывать то, что он видит по пути. В таком случае его наблюдение

остается в пределах репродуктивного регистра, однако появляются элементы повествовательной разновидности этого регистра. Перемещение наблюдателя оформляется имперфективно-процессуальными функциями глаголов несовершенного вида в изъявительном наклонении: (1) *Я захожу в холл, толкаю дверь, вижу эскалатор, спускаюсь по нему. Внизу большой зал, я поворачиваю налево и вижу пути.* (2) *Сворачиваю с аллеи вдоль проспекта Вернадского налево, иду по косой дорожке к серому зданию. Впереди идут такие же студенты, как я.*

2) Точка наблюдения автора может не меняться: автор находится в определенном месте и описывает наблюдаемое в данный момент. Эта точка наблюдения может быть эксплицитно выражена в начале текста: *Я стою у задней стены зала, противоположной эскалаторам; Я стою у входа в 1 глум.* В таком случае текст остается в пределах описательной разновидности репродуктивного регистра.

3) Точка наблюдения автора может меняться вне зависимости от его реального нахождения в данный момент. В таком случае в тексте появляются элементы не наблюдения, а знания. Автор, описывая наблюдаемое в данный момент, в то же время расширяет область видимого и сообщает о том, что находится вне его поля зрения. Он знает об этом исходя из своего опыта, поднимаясь над наблюдаемым в данный момент, отрывая свой хронотоп от конкретного момента времени. *Слева ступеньки, они ведут к другому выходу со станции; В глубине холла находится лестница, которая ведет в коридор с лифтами, ларьками и аудиториями.*

В последнем примере обозначены действительно наблюдаемые предметы, но говорящий, находясь при входе в холл (об этом свидетельствует синтаксема *в глубине*, которая дистанцирует говорящего от того места, о котором он говорит), а с этого места невозможно увидеть лифты, ларьки и тем более аудитории. Соответственно, активизируется элемент знания, полученного в

результате опыта. Подобные конструкции выходят за рамки репродуктивного регистра в информативный.

Ниже будут проанализированы основные типы информативных включений в репродуктивные тексты-описания места:

1. Элементы опыта, многократного наблюдения: *В глубине холла находится лестница, которая ведет наверх: к киоскам, ларькам с едой, лифтам и аудиториям; Каждый день здесь собирается много студентов; По утрам здесь всегда много людей.*

Эти конструкции с узуальным значением появляются в текстах при описании знакомого говорящему места, в котором он не находится в данный момент (описание станции метро «Университет» и входа в первый корпус гуманитарных факультетов). Информативность конструкции может быть заложена в самой модели предложения (*Лестница ведет к другому выходу*) или в ее распространителе, которой имеет узуальное значение (*Каждый день здесь собирается много студентов; По утрам здесь всегда много людей*). В последнем случае при опущении узуальных информативных синтаксисом конструкция может прикрепляться к актуальному времени и функционировать в репродуктивном регистре (ср. *Здесь собирается много студентов; Здесь много людей*). Это доказывает возможность влияния распространителей модели на ее регистровую принадлежность.

2. Элементы знания: *Станция метро «Университет» находится на юго-западе от центра Москвы; Здание нашего корпуса находится на проспекте Вернадского, между цирком и ГЗ.*

Эти конструкции также появляются в текстах при описании известного говорящему места (станция метро «Университет» и первый корпус гуманитарных факультетов). Говорящим сообщает не о том, что видит в данный момент, а о том, что ему известно. Такие конструкции, как правило,

появляются при попытках охарактеризовать положение описываемого пространства относительно других мест.

3. Умозаключение, вывод, возникающие на основе увиденного: *Ламп на эскалаторе 16, они находятся на расстоянии 5 метров друг друга, поэтому можно сделать вывод, что станция находится на глубине около 40 метров; На улице зима, потому что возле входа видно много снега.*

Эти конструкции встретились всего в 6 работах. Они появляются в текстах при попытках говорящего не просто зафиксировать увиденное, но и сделать вывод. Наибольшее их количество – в текстах-описаниях незнакомого места по фотографии.

4. Оценочные конструкции: *Станция не очень красивая; Вход в первый гум не отличается особой красотой; Само здание неприметное.*

Оценочных конструкций в описании места меньше, чем в описании человека. Именно в оценочных конструкциях появляются авторизационные модификации исходных моделей: *Станция не производит впечатление красивой; Здание гума не кажется мне оригинальным.*

Здесь же следует отметить, что информативные признаки в текстах-описаниях места характеризуют предмет по материалу, из которого он изготовлен (*колонны из мрамора, гранитный пол*) и в целом обозначают наблюдаемые качества, поэтому конструкции с информативными признаками не выходят за пределы репродуктивного регистра.

5. Элементы предположения: *Вероятно, это типичное советское здание; Мне кажется, это одна из конечных станций. В середине зала есть лестница – то ли на переход, то ли на выход в город.*

Конструкции с элементами предположения появляются в текстах-описаниях незнакомого говорящему места (в наших экспериментах – описание

фотографий). При описании знакомого места конструкции со значением предположения встречаются, однако это единичные случаи (*На лавочке сидит дядя, наверное, он ждет кого-то*).

Количество и тип информативных включений в тексты-описания места зависят от типа коммуникативной ситуации (от положения говорящего по отношению к месту, которое он описывает и от знакомства его с этим местом): находится ли говорящей в описываемом пространстве, или он описывает его по памяти; знает ли говорящий это место или видит его впервые.

Также при анализе информативных включений в репродуктивные тексты-описания места, следует учитывать разницу в формулировках задания. Если в задании называлось место (аудитория, станция метро или вход в корпус), то далее в тексте это название является темой (известным) и не выходит за рамки репродуктивного регистра. Если же название места заданием не называлось, но в самом тексте оно появляется, то это следует считать информативным элементом. В некоторых текстах появляются предположения или неправильные названия места (ср. *Слева – лестницы, которые ведут к переходу на другие ветки* при описании фотографии станции метро «Университет», где нет переходов на другие станции).

3.3. Рематические доминанты в репродуктивных текстах-описаниях места.

В репродуктивные тексты-описания места входят предложения с типовым значением локализованного наличия предмета в пространстве, ориентации предмета в пространстве и качества предмета. Соответственно, основное логическое ударение в этих предложениях падает на слова, обозначающие предметы, и слова, обозначающие признаки.

Как уже отмечалось в нашем исследовании, важно учитывать, что темой во всех текстах является само место – целое или его части, названия которых

выступают в предложениях в функции субъекта. Предикатом же является характеристика этого места или его частей – новая информация о месте.

Предложения с названными выше типовыми значениями образуют текстовые фрагменты. В текстовые фрагменты предложения объединяются на основе общего типового значения, а внутри одного фрагмента можно выделить слова, несущие на себе логическое ударение и образующие рематическую доминанту фрагмента. Ниже приведены фрагменты текстов-описаний места с разными рематическими доминантами, жирным шрифтом в них выделены слова, образующие рематическую доминанту в пределах одного фрагмента:

1. *Внизу находится **будка дежурного**. По обеим сторонам платформы – **колонны**. Возле колонн – **скамейки**. На потолке – **лампы**. Впереди – **глухая стена**.*

В этом случае в пределах текстового фрагмента выделяется **предметная** рематическая доминанта: говорящий наполняет заданное пространство предметами, которые он видит в этом пространстве. Еще раз подчеркнем, что «локативные синтаксемы, в таких предложениях не являются рематическими, они вводят тему (пространство, которое уже задано и известно)» [Роговнева 2015д].

Здесь же следует рассмотреть предложения типа *Лестница ведет к выходу* с типовым значением ориентации предмета в пространстве. В этих предложениях предмет, находящийся в заданном пространстве, является темой и субъектом предложения, а основное логическое ударение падает на реляционный глагол-предикат и связанное с этим глаголом имя). «В отличие от моделей с типовым значением локализованного наличия предмета в пространстве, где предмет занимает место ремы, здесь предмет выступает как тема. Возможно, именно в этом случае следует выделить еще один тип рематической доминанты – **локативную**» [Роговнева 2015д]. Однако эти предложения появляются в текстах нерегулярно и только в том случае, если

говорящему знакомо описываемое пространство. В пределах одного текста эти предложения единичны и, как правило, появляются вместе с предложениями, сообщающими о локализованном наличии предмета.

2. *Большое длинное помещение. Стены серые. Лампы на потолке тусклые. Колонны из гранита, а пол из мрамора.*

В данном случае в пределах одного текстового фрагмента выделяется **качественная** рематическая доминанта: говорящей разбивает целое пространство на составляющие его части или на предметы, находящиеся в этом пространстве, и каждую часть или каждый предмет наделяет качествами. При этом важно отметить, что типовое значение качество в предложениях и, соответственно, качественная рематическая доминанта в текстовом фрагменте востребованы говорящем в меньшей мере, чем типовое значение локализованного наличия предмета в пространстве и предметная рематическая доминанта. Как уже отмечалось, говорящий, описывая положение предметов в пространстве, может одновременно наделять их наблюдаемыми качествами, в результате чего синтаксема, обозначающая качество предмета, не входит в состав модели, а является ее распространителем: *Рядом с колоннами стоят деревянные скамейки; На стене висит зеленая доска.* Таким образом, в текстах-описаниях места основным является типовое значение локализованного наличия предмета в пространстве, которое объединяет предложения во фрагменты с предметной рематической доминантой. Качественное типовое значение (и качественная рематическая доминанта) лишь сопутствует ему, поскольку качественная характеристика может обозначаться распространителем.

РАЗДЕЛ 4. КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕКСТОВ – ОПИСАНИЙ ПРЕДМЕТА.

В этом разделе будут проанализированы репродуктивные тексты-описания предмета. Эти тексты были получены в результате лингвистических экспериментов, проведенных со студентами филологического факультета Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина. Подробное описание этих экспериментов представлено в разделе 1 глава 2. Все полученные тексты относятся к одному типу коммуникативной ситуации: говорящий находится в хронотопе происходящего (он действительно видит перед собой предмет) и описывает предмет, который ему знаком. Всего в результате эксперимента было получено 90 текстов, из них 50 – описание сумки, 40 – описание телефона или планшета.

Ниже приведены примеры полученных текстов.

1. Описание сумки:

а) Большая коричневая сумка прямоугольной формы. У нее светло-коричневые плоские карманы, а на них – замки серебряного цвета. У сумки короткие ручки тоже светло-коричневого цвета. В сумке два отдела. Посередине есть еще один карман с замком. Подкладка сумки светло-бежевая. Также внутри есть карман для телефона и маленький карман с замком.

б) Около парты стоит рюкзак. Он черного цвета, на передней его стенке есть белые ровные полосы. Их три. Там же написано название фирмы – «Adidas». У рюкзака две толстые лямки, но я обычно ношу его на одном плече, мне так удобнее. У рюкзака два больших отделения, один большой карман и два маленьких по бокам. Внутри большого отделения есть еще карман для ноутбука. Рюкзак большой и удобный.

2. Описание телефона:

а) *Передо мной лежит черный смартфон с серебристой каймой. Он не очень большой. На экране – защитная пленка, наклеенная некачественно, так как видно пузыри. Еще можно заметить несколько царапин. Справа есть кнопки, которые регулируют громкость и блокируют экран, слева – небольшое отверстие для зарядного устройства. Сверху есть отверстие для наушников и слот для карты памяти. Сзади – динамик, объектив фотокамеры.*

б) *Телефон черного цвета. Это смартфон. Кнопок нет. Только на передней панели внизу есть три кнопки. Экран большой и широкий. На экране открыто меню. По бокам у него кнопки: одна длинная боковая кнопка и одна короткая, маленькая. Сверху есть одна длинная узкая дырочка и одна круглая. Задняя панель у него тоже черная, там есть камера и сеточка (в длину – 12 дырочек, в ширину – 5). Также на задней панели есть название фирмы – fly.*

4.1. Типовые значения в репродуктивных текстах-описаниях места

Анализ полученных текстов показал, что говорящим при описании предмета, который он видит перед собой, востребованы предложения с типовым значением **качества, количества и ориентации в пространстве.**

Типовое значение качества.

По способу оформления моделей предложения с типовым значением качества предмета можно выделить следующие группы[Роговнева 2015в]:

- 1) *Большая коричневая сумка; Небольшие карманы; Серебристый корпус.*
- 2) *Подкладка светло-бежевая; Тона пастельные; Телефон черный.*
- 3) *Сумка прямоугольной формы; Рюкзак среднего размера; Планшет черного цвета.*
- 4) *У нее светло-коричневая полоска по бокам; У нее перламутрово-белый корпус; У телефона большой экран.*

5) *По бокам – молнии; Справа карманы; По бокам кнопки.*

6) *Сумка из кожзама; корпус из ткани Чехол из заменителя.*

7) *Внутри сумки тоже есть карманы; Внутри рюкзака есть подкладка*
На задней панели имеется логотип фирмы

8) *К рюкзаку пристегнут брелок; Сумка прошита стежками; Внизу*
расположены основные клавиши.

При описании качеств предмета говорящим востребованы безглагольные (1 – 6) или модели с неполнознаменательным глаголом (7, 8), который самостоятельно не может образовать предикат, и при этом основная смысловая нагрузка переходит на существительное.

1. Модели типа *Большая коричневая сумка; Небольшие карманы; Серебристый корпус.*

Это номинативные модели, в которых характеризуется заданный предмет или его часть по наблюдаемым качествам. Существительное в именит.падеже, обозначающее заданный предмет или его часть, выступает в функции субъекта. Прилагательные в этих моделях выполняют атрибутивную функцию при существительном в именит.падеже, которое они характеризуют. Вместе с тем выделение типового значения качество в них возможно только за счет прилагательного. То есть говорящий, характеризуя предмет, одновременно констатирует наличие этого предмета или какой-либо его части и определяет качества этого предмета или какой-либо его части. При этом ни в одной работе не встретилась номинативная модель с типовым значением наличия: *Сумка; Корпус; Карманы.*

В моделях этого типа, которые появляются в начале текстов-описаний предмета или в начале описания отдельных частей этого предмета существительное является ремой: оно впервые в тексте называет то, о чем

будет говориться дальше. В последующих же предложениях это существительное (или местоимение, указывающее на предмет или его часть) становится темой и может не появляться в предложении, поскольку оно обозначает то, что уже известно. Важно отметить, что модели этого типа обязательно встречаются в описании любой денотативной ситуации (ср. *Прямой нос*; *Красная рубашка* в описании человека; *Квадратные колонны*; *Деревянные скамейки* в описании места), как и модели типа *Тона постельные* (см. ниже). Эти модели интересны с точки зрения тема-рематического членения, поэтому более подробно они будут рассмотрены в разделе 5 этой главы.

2. Модели типа *Подкладка светло-бежевая*; *Тона постельные*; *Телефон черный*.

В этих моделях представлен тот набор синтаксиса, что в моделях типа *Небольшие карманы*, однако прилагательные в данном случае выполняют функцию не адъективную, а предикативную, являются ремой в предложении. Субъектом в них является существительное в именит.падеже, обозначающее целый предмет или его часть. Это существительное-субъект, называя целый предмет или его часть, выступает темой предложения, заданной заданием.

В текстах модели типа 1 и 2 встречаются с одинаковой частотой, при этом в одном тексте могут появиться оба типа моделей: *Небольшая сумка черного цвета. Ручки короткие, но есть еще длинный ремень. Она вместительная.* Как уже говорилось выше, модели типа 1 появляются, как правило, в начале текста, ими вводится тема – заданный предмет. А модели типа 2 продолжают характеристику этого предмета или его частей.

3. Модели типа *Сумка прямоугольной формы*; *Рюкзак среднего размера*; *Планишет черного цвета*.

Эти модели представляют собой сопряжение двух субстантивных синтаксисов – субъектной, выраженной существительным в именит.падеже, обозначающим целый предмет или его часть, и предикатной, выраженной именем в родит. падеже и характеризующей целый предмет или его часть. Прилагательное, характеризующее предикат, является обязательным в предложении и входит в состав модели, опустить его невозможно (**Сумка формы*). Эти субстантивно-субстантивные модели используются говорящим только при характеристике формы или размера описываемого предмета. При этом встречаются и синонимичные им номинативные модели типа 1: *Прямоугольная сумка; Большая сумка*.

Интересно, что форма предмета чаще характеризуется через модели типа 3 (*Сумка прямоугольной формы*), цвет – через модели типа 1 (*Коричневая сумка*) и 2 (*Ручки коричневые*). Однако отсутствие определенной формы предмета передается номинативной моделью: *Я вижу перед собой черную бесформенную сумку* (в данном случае – авторизованная модель с эксплицитно выраженной модусной рамкой *я вижу*, исходная модель – *Черная бесформенная сумка*).

4. Модели типа У *нее светло-коричневая полоска по бокам; У нее перламутрово-белый корпус; У телефона большой экран.*

Эти модели представляют собой сопряжение субъектной синтаксисы, обозначающей предмет и выраженной местоимением в родит.падеже с предлогом *у*, и предикатной синтаксисы – существительного в форме именит. падежа, обозначающего наблюдаемое качество предмета. В редких случаях (всего 2 текста из 90) субъектная синтаксиса может быть выражена существительным: *У телефона большой экран; У карманов застёжка*. В предложение могут входить распространители, характеризующие предикат (прилагательные в адъективной функции), однако они не являются обязательным компонентом модели..

5. Модели типа *По бокам – молнии; Справа карманы; По бокам кнопки.*

Эти модели представляют собой сопряжение субъектной синтаксемы – существительного, обозначающего часть предмета, в косвенном падеже (во всех текстах это дат.падеж с предлогом *по*) и предиката – существительного, обозначающего предмет, который имеется на заданном предмете, в именит. падеже. В функции субъекта может выступать и наречная синтаксема, обозначающая часть предмета (*справа, слева, внизу, сверху, посередине*).

6. Модели типа *Сумка из кожзама; Корпус из ткани; Чехол из заменителя.*

Эти модели представляют собой сопряжение субъектной синтаксемы – существительного в именит.падеже, обозначающего сам предмет или его часть, и предиката – существительного в родит. падеже с предлогом *из*, характеризующего материал, из которого сделан этот предмет.

В них представлено типовое значение качество материала, из которого сделан предмет или его отдельная часть. Интересно, что то же самое типовое значение может передаваться говорящим и моделями типа 1: *Кожаная сумка; Пластиковый корпус; Кожаный чехол*. Всего в одной работе из 40 встретилась следующая модель с этим типовым значением: *Материал – ткань*. Возможно, в этом случае следует выделить типовое значение классификации, принадлежности конкретной сумки к классу тканевых.

Модели типа 1 – 6 представляют собой безглагольные конструкции, в которых функцию предиката выполняет существительное или прилагательное, обозначающее качество предмета. Модели типа 7, 8 являются глагольными, и в их состав входит глагол в инфинитиве (*есть*) или именной форме (краткое страдательное причастие). Только в 6 работах из 90 встретились предложения с личной формой глагола *имеется*. Однако глагол во всех этих моделях не может

самостоятельно образовать предикат, поэтому в состав конструкций входит именная синтаксема, несущая на себе основное смысловое значение.

7. Модели типа *Внутри сумки тоже есть карманы; Внутри рюкзака есть подкладка На задней панели имеется логотип фирмы.*

Эти модели представляют собой сопряжение субъектной синтаксемы – существительного, обозначающего часть предмета, в форме косвенного падежа и предиката – существительного в именит.падеже, обозначающего предмет, наличием которого характеризуется часть заданного описываемого предмета. Модели с глаголом *есть* синонимичны безглагольным моделям типа 5, глагол необязателен, его можно опустить без изменения структуры и смысла конструкции: *Внутри сумки тоже карманы; На задней панели логотип фирмы.*

8. Модели типа *К рюкзаку пристегнут брелок; Сумка прошита стежками; Внизу расположены основные клавиши.*

В этот тип мы объединили модели с типовым значением качества, в состав которых входит предикат – именная форма глагола (краткое страдательное причастие). Однако предложения этого типа неоднородны по своему составу, поэтому внутри него можно выделить следующие подтипы:

а) Модели *К рюкзаку пристегнут брелок*, в состав которых входит субъектная синтаксема – существительное в дат.падеже с предлогом *к*, обозначающее целый предмет или его часть, и предикатная синтаксема – краткое причастие в сопряжении с существительным в именит. падеже, обозначающим предмет. В них называется какой-либо предмет, не являющийся обязательным для описываемого предмета, как бы дополнительная деталь для него, которую можно убрать, не нарушая целостность предмета: *К ручкам привязана ленточка; К телефону подключена зарядка.*

б) Модели *Сумка прошита стежками*, в состав которых входит субъектная синтаксема – существительное в именит.падеже, обозначающее

целый предмет или его часть, и предикатная синтаксема – краткое причастие в сопряжении с существительным в творит. падеже, обозначающим деталь, имеющуюся на предмете. Такие модели в текстах встречаются редко: из 90 работ они были обнаружены в 7: *Сумка прошита стежками; Ручки по всей длине прошиты нитками; Карман украшен тканевым узором.* В одной работе встретилась модель *Карманы пришиты нитками.* Это такая же модель по составу, однако с типовым значением способа прикрепления части к целому.

в) Модели *Внизу расположены основные клавиши; На сумке нарисованы кружочки,* в состав которых входит субъектная синтаксема – наречие или существительное в косвенном падеже (как правило, с предлогом), обозначающие целый предмет или его часть, и предикатная синтаксема – краткое причастие в сопряжении с существительным, обозначающим предмет, наличием которого характеризуется называемая субъектом часть. Причастия можно опустить без изменения смысла и структуры конструкции: *Внизу расположены основные клавиши – Внизу основные клавиши.*

Типовое значение ориентации в пространстве.

Типовое значение ориентации в пространстве в текстах-описаниях предмета представлено в следующих моделях: *На столе лежит смартфон; На столе стоит планшет.*

В их состав входит субъектная синтаксема – существительное в именит. падеже, обозначающее целый заданный предмет, и предикатная синтаксема – неполнознаменательный реляционный глагол в сочетании с существительным. Интересно, что в этих моделях употребляются всего два глагола – *стоять* и *лежать*, причем глагол *стоять* встретился в 3 текстах при описании планшета (всего получено 5 описаний планшета): *На столе стоит планшет* и в 1 тексте при описании рюкзака (*Слева от меня стоит рюкзак*). В остальных случаях при описании сумки и телефона используется глагол *лежать*. Глагол является неполнознаменательным, его можно опустить: *На*

столе планшет; Слева от меня рюкзак, однако такие безглагольные конструкции не встретились в текстах.

Интересно, что модели с порядком слов *На столе стоит планшет*, как правило, появляются в начале текстов, ими говорящий вводит в свой текст заданный предмет (пространство известно, а сам предмет является ремой), а уже в последующих предложениях он начинает описывать его качества. Модели с порядком слов *Планшет стоит на столе* также встречаются в текстах, однако не в начале (ими не начинается ни один текст). В этих предложениях сам предмет уже известен, а неизвестным, новым является его положение в пространстве и относительно говорящего.

Предложения с типовым значением ориентации в пространстве встретились в начале 23 текстов, при этом в 7 текстах из 12 охарактеризовано положение предмета по отношению к говорящему: *Передо мной лежит телефон; Слева от меня лежит сумка*.

Типовое значение количества.

Типовое значение количества в текстах-описаниях предмета представлено в следующих предложениях, которые различаются по способу оформления моделей:

1) *В ней три отделения; В ней много карманов; Пять огромных трещин на сенсоре; Внутри несколько книжек и тетрадок; По бокам телефона несколько кнопок и разъемов.*

2) *Там лежат две тетради и книга; В боковом кармане лежит 3 ручки и 2 карандаша.*

3) *У него есть два небольших кармана; У планшета слева есть одна кнопка; Посередине есть две защелки.*

Эти три группы предложений мы выделили по способу выражения предиката – безглагольные (группа 1), глагольные с глаголом в личной форме (группа 2), глагольные с инфинитивом *есть* (группа 3).

В целом, модели с типовым значением количества могут быть оформлены так же, как и модели с типовым значением качества, однако в состав предиката каждой из них входит синтаксема с количественным значением (количественное числительное или другие части речи с количественным значением). Типовые значения количества и качества могут совмещаться в пределах одной конструкции. Так, например, в предложении *На ней два кармана* говорящий одновременно обозначает карманы (как качество описываемого предмета) и их количество.

Предложения с типовым значением количества встречаются в 78 работах из 90 как при описании сумки, так и при описании телефона или планшета.

Анализ текстов-описаний предмета показал, что говорящим востребованы в первую очередь конструкции с типовыми значениями качества и количества. Эти предложения есть в любом тексте вне зависимости от предмета, который говорящий описывал (сумка, телефон или планшет). Кроме того, в некоторых текстах есть предложения с типовым значением ориентации предмета в пространстве или по отношению к говорящему.

4.2. Коммуникативные регистры в репродуктивных текстах-описаниях предмета.

Формулировка задания в экспериментах 7, 8 требует от говорящего создание текста в репродуктивном регистре. Проанализированные модели предложения в текстах-описаниях предмета предрасположены к функционированию в репродуктивном регистре. Во всех текстах представлен высокий уровень детализации: говорящий делит заданный предмет на части и описывает их с разной степенью подробности. В сознании говорящего есть

представление о том, на какие части можно разделить каждый предмет. Если он описывает сумку, то, как правило, выделяет в ней корпус, внутреннюю часть и ручки: *Небольшая сумка черного цвета и прямоугольной формы. У нее есть два кармана с передней стороны. Внутри сумки одно отделение. Ручки у нее длинные и широкие.* Если говорящий описывает телефон или планшет, то он выделяет корпус, экран, боковые стороны, кнопки: *Серый планшет прямоугольной формы с диагональю 7. Корпус черный. Экран выключен. Под экраном по центру есть кнопка. Задняя панель пластиковая, на ней изображен логотип фирмы. На боковых сторонах есть несколько разных по размеру кнопок.* Предикаты моделей предложения, входящих в состав описаний предмета, имеют семантику наблюдаемого качества или количества. При этом основная смысловая нагрузка предиката падает на имена существительные или прилагательные (которые и обозначают наблюдаемое качество или количество), даже если модель является глагольной. Говорящий описывает то, что действительно видит в данный момент (сенсорный способ восприятия действительности). Здесь следует отметить, что в 5 работах говорящие описывали не только наблюдаемые качества, но и тактильные (*У нее ровная гладкая поверхность без шероховатостей; На ощупь грубая кожа*). В некоторых текстах эксплицитно выражена модусная рамка репродуктивного регистра (17 текстов из 90), такие предложения начинают текст: *Я вижу перед собой свою сумку.* Однако в 4 работах они встретились в середине текста при описании не целого предмета, а его частей: *Я вижу потертости и царапины на экране; Во внутреннем кармане сумки видна ручка и книги.* Статичное значение предикатов формирует описательную разновидность репродуктивного регистра. Динамика в описании предмета отсутствует. Это одна из особенностей, которая отличает описание предмета от описания человека и места. Как мы уже говорили, динамика возникает при описании человека в том случае, если говорящий описывает живого человека и его действия; при описании места – если это место наполнено людьми (реально или в

воображении). Описание статичного предмета не предполагает динамики, поэтому в текстах не встретилось ни одного предложения с типовым значением действия.

В текстах-описаниях предмета представлена репродуктивная модель видения говорящим действительности, все тексты отвечают основным критериям репродуктивности (высокий уровень детализации, актуальное время предиката с семантикой наблюдаемого качества и сенсорный способ восприятия действительности). Однако почти в каждом тексте встречаются элементы, выходящие за рамки репродуктивного регистра в информативный. Эти элементы сообщают не о наблюдаемом в данный момент, а об известном, предполагаемом или о субъективном восприятии действительности (оценочные конструкции). К таким информативным включениям в описании предмета можно отнести оценочные признаки и умозаклучения или выводы.

1. Оценочные признаки: *Это очень удобная сумка; Аккуратный маленький телефон; Сумка новая и смотрится элегантно.*

Конструкции с этими признаками могут появляться в текстах вместе с наблюдаемыми: *Сумка выглядит аккуратно; Вместительная аккуратная сумка с золотыми вставкам; У нее перламутровый корпус с изящно закругленными краями.* Оценочные признаки встретились в 19 работах из 90. Оценочные признаки характеризуют предмет не по его наблюдаемым качествам, а с точки зрения отношения к нему говорящего (субъективное восприятие предмета). При этом оценочные признаки могут не входить в модель предложения (*Телефон в дорогом чехле*), однако в любом случае вся конструкция выходит за пределы канонического репродуктивного регистра.

2. Умозаклучение, вывод: *Выглядит аккуратно, но несколько чернильных пятен говорят о том, что пенал уже не новый; У рюкзака есть ручки, что дает возможность носить его не только на спине, но и руке как обычную сумку; Пленка наклеена неважно, так как на экране много воздушных*

143

пузыриков; Отделение для ноутбука; Туда могут поместиться 2 толстые книги или много тетрадок.

К этой группе информативных включений относятся конструкции, в которых говорящий делает выводы на основе наблюдаемых качеств. Как правило, эти конструкции состоят из двух частей: в одной части говорящий описывает наблюдаемое качество предмета, а в другой делает вывод (полипредикативные конструкции).

В отличие от описания человека и места в описании предмета нет элементов предположения. Это связано в первую очередь с тем, что говорящий описывает знакомый ему предмет, поэтому вместо элементов предположения он использует элементы знания. С другой стороны, среди полученных работ нет ни одного полностью информативного текста, информативные включения на фоне общего репродуктивного текста появляются в 1 – 2 предложениях.

4.3. Рематические доминанты в репродуктивных текстах-описаниях предмета.

В репродуктивные тексты-описания предмета входят предложения с типовым значением качества, количества и ориентации предмета в пространстве. Соответственно, основное логическое ударение в этих предложениях падает на слова, обозначающие качества предмета, количество и на слова, обозначающие предметы по отношению к которым расположен заданный предмет. При этом важно отметить, что наиболее востребованные типовые значения – это качество и количество. Они присутствуют во всех текстах без исключения. Типовые значения ориентации предмета в пространстве есть не во всех работах. Как правило, это одно предложение во всем тексте.

Предложения с типовыми значениями качества и количества объединяются во фрагменты текста с **качественной** и

количественной рематическими доминантами. Важно еще раз отметить, что качество и количество могут быть представлены одновременно в пределах одной конструкции и, соответственно, нельзя говорить разделить фрагменты с качественной рематической доминантой и количественной рематической доминантой. Поэтому в текстах-описаниях сумки можно говорить о **качественно-количественной** рематической доминанте: говорящий, описывая заданный предмет, не только фиксирует его качества, но и указывает на количество предметов, имеющих у заданного предмета. Ниже приведены фрагменты текста, жирным шрифтом в них выделены слова, несущие на себе логическое ударение:

1. ***Большая коричневая сумка прямоугольной формы. По бокам у нее два светло-коричневых плоских кармана с замками серебряного цвета. У сумки две ручки. Они короткие и тоже светло-коричневого цвета. В сумке два отдела, а посередине есть еще один карман с замком. Подкладка сумки светло-бежевая. Также внутри есть два кармана – один для телефона, другой маленький.***

2. ***Планишет белого цвета с серебристой каймой. На левой и правой рамках сверху находятся по одному динамику с маленькими черными дырочками. Посередине верхней рамки расположена фронтальная камера. Сверху верхней рамки есть основные кнопки управления планшетом. Задняя сторона планшета белая. Снизу – несколько надписей об основных свойствах продукта. Основную переднюю часть планшета занимает черный экран.***

Предложения с типовым значением ориентации предмета в пространстве не образуют фрагментов текста, это единичные предложения, большинство из которых, появляясь в начале текста, вводят тему – заданный предмет и его положение в пространстве.

РАЗДЕЛ 5. ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ В НЕХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕКСТАХ, СОЗДАННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ НАБЛЮДЕНИЯ.

В анализируемых нами текстах неоднократно вставал вопрос о соотношении «данного» и «нового» как на уровне предложений, так и на уровне фрагментов текста. Кроме того, нередко возникали трудности с определением структуры модели предложения – выделением в ней субъекта и предиката. Мы уже отмечали, что в формулировке задания говорящему назывался объект, который ему предстояло описывать. В одних экспериментах это было название конкретного места или указание на конкретного человека («*Опишите вход в первый корпус гуманитарных факультетов*», «*Опишите своего соседа по парте*»), то есть говорящему уже в задании называлась тема, «известное», в результате чего ему не нужно было вводить это название в начале своего текста. В других экспериментах было просто указание на целый объект, без его названия («*Опишите то, что вы видите на фотографии*»), в результате чего говорящий представлял этот целый объект как «известное», а название этого объекта он вводил как «новое» в первых предложениях своего текста. В отдельных случаях, если говорящему предлагалось описать один объект из двух (в эксперименте с описанием предмета), то в своем тексте он уточнял, какой именно объект он выбрал, называя его.

В любом случае описываемый объект представляется говорящему как известное, заданное, как тема. Соответственно, характеристика этого объекта, его наблюдаемые качества или действия, которые говорящий описывает в своем тексте, становятся новым, неизвестным, ремой. На уровне моделей предложения темой выступает целый объект или его отдельные части (при этом мы отмечали, что в сознании говорящего есть представление о том, на какие части можно разделить каждый объект). Синтаксемы, называющие целый предмет или его части, выполняют функцию субъекта в предложении.

Предикатом в предложении характеризуется это известное, и этот предикат выступает в функции ремы предложения. На уровне фрагментов текста рематические доминанты оформляются в зависимости от семантико-грамматической характеристики предиката-ремы. Именно семантико-грамматическое единство моделей предложения позволяет выйти на уровень текста и объединить эти предложения в текстовые фрагменты.

Таким образом, синтаксемы, называющие заданный объект, являются темой как на уровне предложения, так и на уровне фрагмента текста, а синтаксемы, характеризующие этот объект, являются ремой также в предложении и во фрагменте и оформляют рематическую доминанту фрагмента. Важно добавить, что при описании объекта говорящий одновременно решает, какие части появятся в его тексте как тема, а какие как рема. Для доказательства возьмем фрагмент описания места, состоящий из 5 предложений: (1) *Я спускаюсь по эскалатору в зал.* (2) *Слева и справа от меня находятся гладкие массивные колонны.* (3) *У каждой колонны стоит деревянная скамья.* (4) *С потолка свешиваются люстры.* (5) *Стены из плитки, а них прикреплены таблички со станциями пересадок.* Как мы уже отметили, целый объект (в данном случае это станция метро) известен говорящему из формулировки задания. Кроме того, в создании говорящего есть представление о том, как должна выглядеть станция метро и какие предметы и части пространства в ней могут быть. Однако в одних случаях эти предметы и части пространства вводятся говорящим в текст как уже известные, а в других случаях – как новая информация. В нашем примере *потолок, стены, колонны* (предложение 3) являются темой, а *колонны* (предложение 2), *скамейки, люстры, плитка, таблички* – ремой.

Как уже отмечалось в разделах, посвященных анализу текстов-описаний, в пределах одного фрагмента могут быть использованы модели предложения, тождественные по составу синтаксисом, однако различающиеся порядком слов.

Это наблюдалось не только у авторов разных текстов, но и у одного автора в пределах одного текста.

Такую вариативность в порядке слов можно наблюдать в двух типах моделей:

1. Номинативные и субстантивно-адъективные модели с типовым значением качества, в состав которых входят две синтаксемы: имя, обозначающее предмет, в именит.падеже и прилагательное, характеризующее этот предмет. Порядок компонентов может быть таким: *сущ. + прил.* (субстантивно-адъективные модели) и таким: *прил. + сущ.* (номинативные модели). Эти модели встречаются во всех текстах (описание человека, места, предмета) и используются большинством говорящих: *Рубашка белая – Белая рубашка; Мраморные колонны – Колонны мраморные; Сумка небольшая – Небольшая сумка.*

При анализе этих моделей мы предположили, что в обоих случаях существительное является субъектом и называет тот предмет, который уже известен по заданию – то есть является темой в предложении. Новой же информацией является характеристика этого предмета, его качество, выраженное прилагательным. Вместе с тем мы уточнили, что если модели появляются в начале текста, то они как бы вводят заданный предмет в текстовое пространство, то есть представляют новое – то, что пока неизвестно, являясь ремой.

С другой стороны, эти модели могут появляться не в начале текстов. Однако в таком случае существительное, входящее в их состав, называет не целый предмет, а его часть. Представляется, что название в тексте части целого следует признать темой, которая вводится не заданием, а существует в сознании говорящего. Как мы уже говорили, говорящий имеет представление о том, на какие части можно разделить каждый предмет: если это человек, то у него есть лицо, руки, ноги, одежда и обувь; если это живой человек, то он

148

может двигаться; если это помещение, то в нем обязательно должны быть стены, потолок и выход; если это сумка, то у нее есть ручки, отделения, возможно, карманы и т.д.

2. Глагольные модели с типовым значением ориентации предмета в пространстве (представлены только в текстах-описаниях предмета), в состав которых входит имя, называющее заданный предмет, имя, называющее предмет, по расположению к которому характеризуется заданный предмет, и локативный глагол. С точки зрения порядка слов эти модели интересны тем, что на первое место в них может выноситься как заданный предмет (*Планишет стоит на столе*), так и предмет, по расположению к которому характеризуется заданный предмет (*На столе стоит планишет*).

Как мы уже отмечали, модели *На столе стоит планишет* появляются только в начале текста, когда говорящий впервые упоминает заданный предмет. В данном случае для текста этот предмет оказывается новым и является ремой, а другой предмет, по расположению к которому он характеризуется, является как бы известным, темой. Ср. таким же образом оформленные модели при описании места, когда само место задано, а предметы, находящиеся в нем, являются новой информацией: *Посередине висит табличка; Сбоку платформы*.

Модели *Планишет стоит на столе* появляются не в начале текста. Они сообщают о расположении заданного предмета относительно другого предмета. Темой в них является субъект – заданный предмет (*планишет*), а ремой – предикат (*на столе*).

Интересно, что заданный предмет может характеризоваться по отношению не к другому предмету в пространстве, а к говорящему. В таком случае в самом начале текста появляются модели с таким порядком слов: *Около меня стоит планишет*. В данном случае можно так же утверждать, что выносимый в позицию ремы заданный предмет впервые упоминается в тексте.

Ни в одной работе не встретились модели, в которых заданный предмет занимает первое место в предложении: *Планишет стоит около меня*.

Модели с вынесением заданного объекта на последнее место (место ремы) могут появляться в самом начале текстов-описаний. Это можно объяснить тем, что в первом предложении говорящему нужно ввести в свой текст предмет, и он подбирает возможные конструкции для этого, попутно обозначая либо качество предмета (*Большая коричневая сумка*), либо положение этого предмета относительно себя (*Около меня стоит планишет*). В последующих предложениях текста говорящий меняет порядок слов, и известный объект, введенный в первом предложении, занимает позицию темы: *Ручки длинные; Карманы квадратные; Телефон лежит на столе*.

Повторим, что такие варианты порядка слов в тождественных по составу моделях типичны только для двух типов конструкций: *Рубашка белая – Белая рубашка* (модели, которые используются говорящим во всех текстах-описаниях) и *Планишет стоит на столе – На столе стоит планишет* (при описании предмета). В данном случае будет уместным снова обратиться к Ф. Данешу, который разработал образцы предложений (sentence patterns). Одним из критериев выделения этих образцов является порядок слов, который может быть дифференцирующим фактором. Ф. Данеш доказывает это на примере чешских предложений (1) *Má bolavou nohu* (*У него больная нога*) и (2) *Nohu tá bolavou* (*Нога у него больная*), которые различаются только порядком слов, а одно и то же прилагательное в их составе выполняет функцию атрибутивную (1) и предикативную (2). Ф. Данеш выделяет три типа образцов предложений:

1) со свободным порядком слов;

2) с фиксированным порядком слов, который противопоставляет данный образец другому в системе языка;

3) с фиксированным порядком слов, который не противопоставляет данный образец другому (*John hates Mary / Mary hates John*) [Daneš 1966].

«Мы видим, что в современном русском языке многое при анализе структурных схем зависит от определения нейтрального порядка слов. Там, где этот порядок определяется неоднозначно, неопределенным будет и заключение о субъекте и предикате схемы. Так обстоит дело со схемами типа *На дворе мороз*. <...> Таким образом, открываются те же две возможности трактовки. Если мы признаем нейтральным порядок слов, то слово *мороз* должно быть признано субъектом, а *на дворе* – предикатом. Такая трактовка находит опору в предложениях категории 5 (Место) *Мать – на дворе*. Если же мы признаем нейтральным порядок слов *На дворе мороз* (к чему склоняется и автор), то должны будем признать *на дворе* субъектом, а *мороз* предикатом. Субъект – категория, которая естественно мыслится в терминах пространства» [Степанов 1981: 175 – 176]. А. Киклевич в статье «Связочные предложения и дупликация подлежащего (на материале русского и польского языков)» отмечает разную природу грамматического (субъект и предикат или подлежащее и сказуемое) и коммуникативного (тема и рема) членения, подчеркивая, что субъект (или подлежащее) не всегда занимает позицию темы в предложении: «С другой стороны, совершенно очевидно, что в случае грамматического и коммуникативного (тема-рематического) членения предложения мы имеем дело с разными категориями, на что указывает дистрибутивный критерий подлежащее может относиться как к тематической, так и к рематической части, ср: *Мы узнали про приезд инспектора*[подлежащее/тема]. *Про приезд инспектора узнали и мы*[подлежащее/рема]» [Киклевич 2014].

В нашем случае также важно иметь в виду, что мы имеем дело с репродуктивными текстами, которые создаются говорящими по определенному заданию, то есть с текстами, опирающимися на конситуацию. А синтаксическая организация текста, опирающегося на конситуацию, отличается от синтаксической организации текста, не имеющего такой опоры. Мы уже

151

отмечали, что в нашем исследовании предпринята попытка приложить принципы и положения коммуникативно-функционального подхода к текстам, не моделирующим реальность, а непосредственно ее воспроизводящим. Анализ конкретных текстов в главе 2 нашего исследования показал, что такое приложение возможно, однако возникают некоторые случаи, которые нельзя объяснить через традиционные принципы коммуникативно-функционального подхода. Вопрос о тема-рематическом членении текстов, созданных при непосредственном наблюдении – один из таких случаев.

Можно предположить, что для текстов, опирающихся на конситуацию, и для предложений, входящих в состав этих текстов, наиболее важным представляется деление на **данное** и **новое**, а не на субъект и предикат на всех уровнях анализа. Данным является то, что известно говорящему, сама ситуация, новым – то, как говорящий характеризует эту ситуацию. В таком случае мы должны отказаться от принятого деления модели предложения на субъект и предикат. На уровне предложений также актуально деление на данное и новое, в результате чего исчезает противоречие между субъектно-предикатным членением предложения и его тема-рематическим членением (случаи типа *Белая рубашка – Рубашка белая*). Термины «субъект» и «предикат» актуальны в данном случае только как «психологический субъект» («психологическое подлежащее») и «психологический предикат» («психологическое сказуемое»). Об этом говорит Т.В. Ахутина, ссылаясь на мысль Л.С. Выготского: «Он считает, что подобное членение предшествует грамматическому оформлению предложения по правилам языка» [Ахутина 2012: 28]. Однако здесь же можно сослаться на В. Матезиуза, который не был сторонником введения терминов «психологический субъект» и «психологический предикат», поскольку чрезмерная близость терминов «психологический субъект» и «психологический предикат» к терминам «грамматический субъект» и «грамматический предикат» никак не способствует пониманию различий между двумя явлениями, в принципе разными: «Východiště výpovědi nazývali psychologickým

subjektem a jádro výpovědi psychologickým predikátem. Nebyly to termíny šťastné, neboť jednak východiště výpovědi není vždycky jejím tématem, jak by se zdálo podle názvu psychologický subjekt, jednak přílišná blízkost názvů psychologický subjekt a psychologický predikát k názvům gramatický subjekt a gramatický predikát nijak nepřispívá k jasnému rozlišování dvou věcí v podstatě různých [Mathesius1939].

Анализ терминологических разногласий выходит за пределы нашего исследования, нам важно лишь подчеркнуть, что анализ предложения в контексте целой ситуации особенно важен при работе с текстами нефикциональными, а именно – с теми, которые были созданы с опорой на конкретную ситуацию. В данном случае для говорящего первично разделение «того, что он видит» на «данное» и «новое» на всех этапах текстового моделирования ситуации.

Мы предлагаем систему схематической записи подобных текстов, позволяющую анализировать денотативное содержание и тема-рематическое развитие каждого из них и сопоставлять тексты по этим параметрам.

Приведем пример такой записи. Подчеркнем, что мы не оперируем в данном случае на позиционном уровне (т.е. на уровне конкретных синтаксиса и моделей предложения), а анализируем то, как вводит говорящий в текст объект в целом и отдельные его части, указываем количество частей целого и количество признаков в конкретном тексте.

Текст 1:

Моя соседка по парте одета в серые брюки и фиолетовую кофту.

[объект] – [признак1] [признак2], [признак3] [признак4]

Ее русые волосы собраны сзади с помощью коричневого блестящего краба.

[часть1] – [признак5] [часть2] – [признак6]

На ее ушах висят сережки, представляющие из себя зеленый камень в золотой оправе.

[часть3] – [признак7]; [признак8] [признак9]

Из-под фиолетовой кофты видны зеленые рукава, ногти покрыты черным лаком.

[признак2] – [признак10]; [часть4] – [признак11].

Фиолетовая кофта украшена блестящими стразами.

[признак2] – [признак12] [признак16].

Текст 2:

На картинке изображена красивая девушка.

[признак1] [объект]

Она одета в черный мужской костюм.

[объект] – [признаки2,3] [признак4]

На голове у нее высокий цилиндр.

[часть1] [объект] – [признак5] [признак6]

Из-под него виднеются очень светлые, вьющиеся волосы.

[признак6] – [признаки7,8] [часть9]

В руке девушка держит сигарету, от которой исходит дым.

[часть2] – [признак9]; [признак9] – [признак10]

Благодаря тому, что одна нога закинута на другую, мы видим обувь – черные лакированные ботинки.

[часть3a] – [часть3b]; [признак11] – [признак11a]

У нее тонкие брови, крупный прямой нос.

[объект] – [признак12] [часть4], [признак13,14] [часть5]

На шее – белоснежная бабочка.

[часть4] – [признак15] [признак16]

Текст 3:

На станции метро «Университет» есть два выхода с улицы.

[объект] - [части1]

Эскалатор у первого входа ведет сразу к платформам, а если входить через другой вход, то после эскалатора нужно еще пройти и спуститься по ступенькам.

[часть2a][часть1a] - [части3], [часть1b] [часть 2b] [части4]

Станция большая и светлая.

[объект] – [признак1] [признак2]

Стены покрыты плиткой, а пол и колонны – мрамором.

[части5] – [признак3], а [часть6] [часть7] – [признак4]

Потолок белый.

[часть8] – [признак5]

По всей его длине друг за другом – обычные белые светильники, которые сливаются в одну линию.

[часть8] – [части9] – [признак6]

Если стоять в центре зала, то, глядя в один конец, можно увидеть эскалатор, а с другой – просто стену.

[часть10] - [часть11a] [часть2х] [часть11b] [часть5х]

Станция не украшена мозаиками, росписями или скульптурами, как некоторые другие.

[объект] [признак7], [признак8], [признак9]

Зато у колонн есть лавочки, на которых можно посидеть.

[часть7] - [часть12] – [признак10]

Текст 4:

Станция «Университет» большая и просторная.

[объект] – [признак1], [признак2]

Здесь есть два выхода в город.

[объект] - [часть1]

К первому ведут эскалаторы, а ко второму сначала обычная лестница, а потом и эскалаторы.

[часть1a] – [часть2a]; [часть1b] – [часть3], [часть2b]

Задняя стена глухая.

[часть4] – [признак3]

Возле нее стоит информационный красно-синий стенд.

[часть4] – [признак4], [признак5] [часть5]

Пол станции выложен серыми и красными квадратиками.

[часть6] – [признак6], [признак7], [признак8]

Потолок станции по всей длине подпирают колонны.

[часть7] – [части8]

Они бело-желтого цвета.

[части8] – [признак5]

А рядом с ними стоят лавочки.

[части8] – [части9]

Между колоннами – выход к путям, а с одной стороны – лестница к выходу в город.

[части8] – [часть10], [части 11], [часть12] - [часть3] [часть1b]

Стены вдоль путей выложены плиткой.

[части13] [части11] – [признак6]

На них висят таблички со станциями этой ветки и с пересадками.

[части13] - [части14] [признак9], [признак10]

На пути из центра с потолка свешивается табличка «Посадки нет», которая загорается, когда поезд дальше не идет.

[часть11a][часть7] – [часть15] [признак11]

Текст 5:

Предмет золотистого цвета.

[объект] – [признак1]

Вверху продолговатый динамик, слева от него три черные точки.

[часть1] – [часть2]; [часть2] – [часть3]

Внизу – одна выпуклая кнопка.

[часть4] – [часть5]

Экран черный, в разводах.

[часть6] – [признак1], [признак2]

На нем есть несколько неглубоких царапин.

[часть6] – [признаки3]

По бокам кнопки, которые регулируют громкость, слоты для сим-карт и карты памяти.

[часть7] – [части8]; [части8] – [признак4], [части9] [признаки5,6]

На тыльной стороне – камера, вспышка, еще один динамик.

[часть10] – [часть11], [часть12], [часть13]

Телефон гладкий на ощупь, тонкий и вытянутый в высоту.

[объект] – [признак7], [признак8], [признак9]

Текст 6:

Я вижу прямоугольную сумку с короткими ручками.

[признак1] [объект] – [признак2] [части1]

На передней стороне сумки расположены композиции из трех золотистых кружочков с необычным узором.

[часть2] – [части3] [признаки3,4]

Фурнитура тоже золотистая.

[часть4] – [признак5]

По бокам сумки расположены крючки.

[часть5] – [часть6]

Значит, к ней можно присоединить длинный ремень и носить сумку через плечо.

[объект] – [часть7], [признак6]

Судя по ощущениям, сумка из коджама.

[объект] – [признак7]

Пахнет нейтрально

[признак8]

Одна из ручек надорвана.

[часть1а] – [признак9]

Сзади есть небольшой карман на молнии.

[часть8] – [признак10] [часть9] [признак11]

Он выпуклый, из него торчит носовой платок.

[часть9]; [часть9] – [часть10]

В сумке одно отделение, оно застегивается на молнию.

[объект] – [часть11]; [часть11] – [признак12]

Подобная схематическая запись позволяет выполнять количественный анализ текста: можно

а) подсчитать количество разных частей объекта и разных признаков, упоминаемых в отдельном тексте;

б) сравнить количество разных упоминаемых частей объекта и признаков в текстах разных авторов или в текстах одного автора, относящихся к разным денотативным и коммуникативным ситуациям;

в) выявить путем анализа всего массива описаний объектов определенного типа, какие части объекта и признаки вербализуются в текстах чаще, а какие реже (например, пол/стены/ потолок при описании станции), и на каком месте в тексте они появляются.

Кроме того, подобная схематическая запись дает возможность выполнить качественный анализ текста. Так, например, можно сопоставить способ введения тех или иных частей объекта в текст – в тему или в реме. Ср. в тексте *Зколонны* появляются сразу в теме, а в тексте 4 – сначала вводятся в реме. Можно также определить, насколько дифференцируются в тексте объекты, названные одинаковыми лексемами (например, *стены – задняя, вдоль путей...; таблички – на стенах, на потолке...; эскалаторы, лестницы...*).

Выводы по главе 2 «Коммуникативно-функциональный анализ нехудожественных репродуктивных текстов-описаний, созданных в результате наблюдения»

Экспериментальное исследование нефикциональных репродуктивно-описательных текстов требует дифференциации в зависимости от денотативной и коммуникативной ситуации, что и было выполнено при дизайне экспериментов в этой главе.

Анализ нефикциональных текстов-описаний показал, что в описаниях человека говорящим востребованы предложения с типовым значением качества лица, положения лица в пространстве и действия лица (если описывается живой человек). Предложения с этими типовыми значениями объединяются во фрагменты с качественной, статуальной и акциональной рематическими доминантами, соответственно.

В описаниях места говорящим востребованы предложения с типовым значением локализованного наличия предмета в пространстве, ориентации предмета в пространстве и качества. Предложения с этими типовыми значениями соединяются во фрагменты с предметной и качественной рематическими доминантами, соответственно. В текстах выделяться и локативная доминанта, однако это единичные нерегулярные случаи.

В описаниях предмета говорящим востребованы предложения с типовым значением количества, качества и ориентации в пространстве. Предложения с этими типовыми значениями объединяются во фрагменты с качественной и количественной рематическими доминантами. Однако в большинстве текстов характеристика качества и количества может быть в пределах одного фрагмента и даже одной конструкции, поэтому мы можем говорить о качественно-количественной рематической доминанте. Предложения с типовым значением ориентации предмета в пространстве единичны в текстах и не формируют доминанту.

Формулировка задания «Опишите то, что вы действительно видите, не выходя из области актуального наблюдения в область знания» требует от говорящего создания текста в репродуктивном регистре. В целом, в большинстве текстов это требование выполнено (полностью информативные тексты в исследовании мы не рассматриваем). Однако на общем фоне репродуктивности в текстах могут появляться информативные включения, к которым относятся 1) оценочные признаки; 2) информативные признаки; 3) элементы знания; 4) элементы опыта и многократного наблюдения; 5) элементы предположения; 6) умозаключение, вывод. Эти информативные включения появляются в текстах в зависимости от коммуникативной ситуации: знакомство или незнакомство говорящего с объектом описания, описание наблюдаемого в данный момент или описание «по памяти». Важно, что описания одного и того же объекта в условиях разных коммуникативных ситуаций различаются именно типами информативных включений.

Кроме того, в результате анализа нефикциональных репродуктивных текстов мы пришли к выводу, что синтаксическая организация текстов, опирающихся на конкретную ситуацию, отличается от текстов, не имеющих такой опоры. В первом случае для говорящего наиболее важным является разделение описываемого объекта на «данное» и «новое». «Данным» является заданный ему объект, «новым» – та информация об этом объекте, которую говорящий получает путем его наблюдения и сопутствующей этому наблюдению структуризации объекта. При этом предполагается, что говорящий может разделить целый объект на части и отдельно описывать каждую часть. В таком случае названия частей целого могут выступать в тексте и как «данное» и как «новое».

Подход к исследуемым текстам, совмещающий их рассмотрение на денотативном уровне (целое – часть – признак целого – признак части) и функциональном уровне (тема – рема, или топик – коммент), позволил

предложить систему разметки подобных текстов для целей их количественного и качественного анализа по указанным параметрам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая диссертация является первым коммуникативно-грамматическим исследованием текстов, созданных на основе непосредственного наблюдения действительности. В отличие от текстов художественной литературы, в которых действительность моделируется автором, в текстах, ставших объектом нашей диссертации, говорящий воспроизводит окружающую его действительность, данные о которой он получает через свои органы чувств.

Создание корпуса этих текстов, разработка методики их анализа и описание их языковых особенностей являются актуальными лингвистическими задачами, имеющими междисциплинарное значение. С одной стороны, это важно в области компьютерного анализа текстов и для решения проблем генерирования автоматического описания изображений и распознавания объектов (подробнее об этом см. [Сидорова, Гостев 2015]). Решение перечисленных проблем невозможно без учета лингвистической составляющей при автоматическом описании, в частности без учета всех возможных в данном языке моделей для описания объекта и их комбинаций при создании текста. В нашей диссертации определен репертуар моделей предложения, используемых говорящим в текстах, основанных на непосредственном наблюдении действительности.

С другой стороны, результаты, полученные в диссертации, могут быть использованы в области преподавания русского языка на филологических факультетах, прежде всего в обучении созданию нефикционального описательного текста. Это особенно актуально для студентов естественных факультетов, поскольку в естественных дисциплинах объективное описание наблюдаемого играет большую роль. Кроме того, создание подобных текстов должно научить студентов видеть и вербализовать окружающую их действительность, что особенно актуально для современности, в которой

реальный мир конкурирует с миром компьютерным. Задания, направленные на создание текстов, описывающих действительность, применяются на различных факультетах МГУ имени М.В. Ломоносова в дисциплине «Русский язык и культура речи» (см., например, [Сидорова, Николенкова 2014]). Результаты нашего исследования могут лечь в основу диверсификации и увеличения систематичности подобных заданий.

Наше исследование показало, что коммуникативно-функциональные принципы текстового анализа, а в целом и положения коммуникативно-функционального подхода с его антропоцентричностью, вниманием к личности говорящего, к самому процессу создания им текста выходят за пределы чистой лингвистики и соприкасаются с принципами когнитивистики. Нам представляется, что дальнейшее исследование этого взаимодействия – это одно из перспективных направлений для развития коммуникативно-функциональной теории.

Несмотря на то, что исследование выполнено в русле коммуникативно-функциональной грамматики Г.А. Золотовой, ни в рамках данной теории, ни в рамках какой-либо другой теории, существующей на момент начала исследования, не существовало какого-либо исследовательского аппарата, достаточного для решения подобных задач. Поэтому для проведения исследования нам потребовалось

а) разработать методику создания базы текстов;

б) усовершенствовать схему анализа текста, вывести понятие регистра из текстовой категории в категорию мышления, более детально разработать понятие рематической доминанты.

В ходе решения сформулированных задач нами получены следующие научные результаты.

1. Разработана система лингвистических экспериментов, связанных с непосредственным описанием действительности. Объекты, предложенные для описания, мы классифицировали по денотативной ситуации (человек, место, предмет) и по коммуникативной (в зависимости от позиции говорящего по отношению к объекту – прямое наблюдение, описание фотографии или описание «по памяти» – и от знакомства/незнакомства говорящего с описываемым объектом). Все полученные в результате экспериментов тексты были проанализированы по четырехступенчатой схеме, разработанной Г.А. Золотовой: А. Предикативные единицы; В. Регистровая характеристика; С. Тактика автора; D. Стратегия автора.

2. Проверены и уточнены основные положения коммуникативно-функционального подхода для их применения к текстам, созданным на основе непосредственного наблюдения. Мы пришли к выводу, что в целом схема анализа текста Г.А. Золотовой применима не только к художественным текстам, но к текстам другого типа, в которых говорящий отражает действительность, данные о которой он воспринимает своими органами чувств. Вместе с тем, опираясь на результаты анализа полученных нами текстов, мы уточнили и доработали некоторые понятия коммуникативно-функционального подхода, что позволило нам применять эти понятия не только к художественным текстам, но к текстам, созданным на основе непосредственного наблюдения. Это дает возможность для дальнейшей разработки универсального понятийного аппарата коммуникативно-функционального подхода. Ниже кратко перечислены основные теоретические дополнения, сформулированные нами по результатам анализа текстов, созданных на основе непосредственного наблюдения.

А. В первую очередь предлагается ввести в четырехступенчатую схему анализа текста еще один, «нулевой» уровень – уровень допредикативных единиц – синтаксем. Выделение этого уровня объясняется тем, что тактика говорящего начинает реализовываться уже при отборе языковых

средств. Говорящий, выбирая определенную модель видения действительности, в соответствии с ней подбирает и языковые средства. При этом следует учитывать, что каждая синтаксема потенциально «прикреплена» к одной или нескольким моделям видения действительности (к регистрам). Поэтому именно на «нулевом», допредикативном уровне становится возможным определить регистровую принадлежность будущего текста. В соответствии с этим можно говорить о регистрово-маркированных синтаксемах. На «нулевом» уровне анализируются все допредикативные единицы – как компоненты будущей модели предложения, так и ее распространители. При этом важно отметить, что регистрово-маркированные информативные синтаксемы оказываются «сильнее» репродуктивных, поскольку они, появляясь в высказывании, способны выводить всю конструкцию в информативный регистр. Проанализировав оппозицию репродуктивности / информативности, мы сформулировали критерии информативности и репродуктивности текста: чтобы монопредикативная единица функционировала в информативном регистре, в ее состав должен входить хотя бы один показатель информативности; чтобы монопредикативная единица функционировала в репродуктивном регистре, в ее составе не должно быть ни одного показателя информативности. Показателями информативности являются информативные синтаксемы с узуальной пространственно-временной локализацией и/или называющие ненаблюдаемые признаки. Эти синтаксемы оказываются «сильнее» репродуктивных синтаксем, поскольку могут выводить высказывание из репродуктивного регистра в информативный.

Б. Коммуникативные регистры определялись Г.А. Золотовой как структурно-композиционные формы речи, противопоставленные друг другу по определенным параметрам (в первую очередь по способу восприятия действительности и коммуникативным интенциям говорящего). Мы же, вслед за М.Ю. Сидоровой, определили регистр как модель видения действительности, существующую в сознании говорящего, а вместе с тем как способ текстового

моделирования этой действительности. Из этого определения следует, что регистр есть не только текстовая категория, но и категория мышления. Понятие регистра параллельно с Г.А. Золотовой было разработано в системно-функциональной грамматике (М.А.К. Холлидей и последователи). С точки зрения М.А.К. Холлидея, ситуативная и лингвистическая составляющие регистра описываются не через отдельные признаки, а через взаимообусловленные конфигурации признаков. Регистры различаются по ситуативным параметрам, к которым относятся *field* (коммуникативное событие), *tenor* (участники коммуникации) и *mode* (способ осуществления текста в коммуникации). М.А.К. Холлидей определяет регистр как семантическую конфигурацию из общего потенциала значений *field*, *tenor* и *mode*, которая ассоциируется с данным типом ситуации [Halliday, Hasan 1976]. Из этого следует, что понятия регистра у Г.А. Золотовой и М.А.К. Холлидея, созданные и разработанные независимо друг от друга и имеющие на первый взгляд разное содержание, на самом деле сходны, поскольку нацелены на установление связей между говорящим, отбирающим языковые средства, денотатом и коммуникативной ситуацией.

В. Нами установлено, что в текстах, созданных говорящим на основе непосредственного наблюдения действительности, иные соотношения между компонентами моделей предложения, чем в текстах художественной литературы. Так, если в художественных текстах, согласно теории Г.А. Золотовой, важна структура модели, включающая в свой состав субъект и предикат, которые и дают в сопряжении типовое значение, то в текстах, описывающих реальную действительность и опирающихся на конкретную ситуацию, эта схема применима не всегда. Кроме того, выясняется, что разбор модели предложения на субъект и предикат не дает ответа на вопрос, как создается текст. Американский психолог Й. Катрин Бокотмечала, что теория порождения речи не может игнорировать синтаксическую структуру, она имеет важное значение для синтаксиса и наоборот: «Thus, a theory of language

production can no more ignore syntactic structure <...>. Sentence production theories have important implications for explanations of syntax and vice versa» [Bock 1982]. Наш материал демонстрирует, что для говорящего при создании текста, в котором он описывает то, что видит в данный момент, наиболее важным и первичным является соотношение «данного» и «нового» на всех этапах создания текста, а также на всех уровнях текста – от допредикативных единиц до целого фрагмента. «Данным» для него является заданный ему коммуникативной задачей объект и его части, «новым» – та информация о заданном объекте, которую он видит и моделирует в текст. Однако части, на которые говорящий делит объект, могут выступать в его тексте и как «данное», и как «новое». В таких случаях говорящий самостоятельно, в соответствии с привычными представлениями об устройстве объекта, определяет, какие части ему «известны», а какие он вводит в текст как «неизвестные».

3. Еще одним результатом исследования стала классификация репродуктивно-описательных текстов, созданных на основе непосредственного наблюдения действительности по следующим параметрам: а) по денотативной ситуации (в зависимости от объекта описания); б) по коммуникативной ситуации (в зависимости от позиции говорящего и слушающего по отношению к описываемому объекту, степени знакомства говорящего с ним и т.д.).

В зависимости от денотативной ситуации тексты различаются языковыми средствами репродуктивного регистра: моделями с разными типовыми значениями, которые, объединяются во фрагменты текста с разными рематическими доминантами при описании разных объектов действительности.

В зависимости же от коммуникативной ситуации описания одного объекта действительности могут не различаться языковыми средствами репродуктивного регистра. Так, при описании как знакомого, так и незнакомого человека говорящий использует модели с типовым значением качества; при описании как действительно наблюдаемого в данный момент места, так и при

описании места по памяти говорящий использует модели с типовым значением локализованного наличия в пространстве. С другой стороны, в разных коммуникативных ситуациях говорящий по-разному использует языковые средства информативного регистра – конструкции со значением знания, предположения, и оценки, которые наиболее вероятны в тексте, автор которого знаком с объектом. Если же автор не знает объект, то в его тексте наиболее вероятны описательные конструкции и конструкции с элементами предположения. Эта закономерность работает при описании как целого объекта (*Это станция метро «Университет» – Вероятно, это одна из станций московского метро, скорее всего, одна из конечных; На фотографии я вижу актрису Марлен Дитрих – На фотографии изображена девушка со светлыми волосами. Одета в мужской костюм.*), так и его частей (*На ногах туфли-оксфорды – На ногах у нее черные мужские ботинки со шнурками*) в любой денотативной ситуации. То есть при описании знакомых объектов говорящий включает в текст больше элементов информативного регистра.

Кроме того, важно учитывать и пространственно-временную позицию говорящего по отношению к описываемому объекту. Говорящий может 1) видеть этот объект перед собой (описание фотографий); 2) непосредственно находиться в хронотопе происходящего (описание соседа по парте и описание аудитории); 3) описывать то, что ему знакомо, «по памяти» (описание станции метро «Университет» и входа в первый корпус гуманитарных факультетов). При разграничении коммуникативных ситуаций мы опирались на классификацию М.Ю. Сидоровой [Сидорова 2015].

Однако в анализируемых нами текстах коммуникативные ситуации различались только по отношению к говорящему: прямое наблюдение или «описание по памяти», знакомство или незнание с объектом. Позиция реципиента нами не учитывалась, поскольку во всех экспериментах она была одинакова: говорящий должен был донести до реципиента (экспериментатора, формулировавшего задание) ту информацию, которую тот требовал,

170

а, следовательно, позицию реципиента во всех экспериментах можно считать одинаковой. Исследование текстов в зависимости от коммуникативной ситуации, выявление языковых различий между текстами, созданными в различных коммуникативных ситуациях, может быть продолжено с включением дифференциации по разной позиции реципиента.

Результаты, полученные в нашем исследовании, определяют перспективу создания более широкой базы описательных текстов, созданных на основе непосредственного наблюдения и различающихся по характеристикам говорящего. Эту базу следует дополнить текстами, которые создаются а) авторами разных возрастных групп – от дошкольников до людей пенсионного возраста; б) авторами, для которых русский язык не является родным (с разными уровнями владения русским языком). С другой стороны, уже имеющаяся у нас база текстов может быть дополнена: в рамках нашего исследования мы не проводили эксперименты с описанием предмета по фотографии и «по памяти», а также с описанием человека «по памяти».

Кроме того, требует более внимательного изучения и влияние формулировки задания на коммуникативную стратегию и тактику говорящего при создании подобного рода текстов. То есть необходимо определить, как от внешней коммуникативной задачи зависит стратегия и тактика говорящего. Представляется интересным, каким окажется репродуктивно-описательный текст, если говорящему будет задана другая коммуникативная задача, то есть важно проанализировать, как постановка коммуникативной задачи влияет на выбор говорящим модели видения действительности, а в целом и стратегии текста.

В целом наше исследование подтверждает значимость изучения синтаксического устройства текста для решения исследовательских задач, связанных с порождением речи, и демонстрирует соответствие внешних, поверхностных синтаксических структур, рассматриваемых на уровне текста и

предложения, современным психо- и нейролингвистическим представлениям о механизмах синтаксиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. [Арутюнова 1999] Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. [Алексеев, Панин 2005] Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учебник. – 3-е изд. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 608 с.
3. [Ахутина 2012] Ахутина Т.В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. – 4-е изд. – М.: Книжный дом Либроком, 2012. – 218 с.
4. [Бабенко, Васильев, Казарин 2000] Бабенко Л. Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – 534 с.
5. [Бондарко 1971] Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971. – 116 с.
6. [Бондарко 1981] Бондарко А.В. Основы построения функциональной грамматики // Изв. АН СССР. Сер.лит-ры и языка. – 1981. – Т. 60, № 6. – С. 483 – 495.
7. [Бюлер 1993] Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 1993. – 502 с.
8. [Виноградов 2001] Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
9. [Вольф 1978] Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
- 10.[Вольф 2002] Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
- 11.[Всеволодова 1975] Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 283 с.
- 12.[Всеволодова 2000] Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. – М.: Изд-во МГУ , 2000. – 502 с.

- 13.[Всеволодова, Владимирский 1982] Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М.: Русский язык, 1982. – 264 с.
- 14.[Всеволодова, Панков 1999] Всеволодова М.В., Панков Ф.И. Функционально-коммуникативное описание русского языка в целях преподавания его иностранцам (информационно-аналитический обзор). – М.: Издательство Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, 1999. – 128 с.
- 15.[Выготский 1999] Выготский Л.С. Мышление и речь. – 5-е изд. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
- 16.[Гаврилова 2014] Гаврилова Ю.В. Системно-функциональное направление в лингвистике Майкла Халлидея. // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2014. – №3. – С. 16-21.
- 17.[Гибсон 1988] Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. – М.: Прогресс, 1988. – 465 с.
- 18.[Демьянков 2000] Демьянков В. З. Функционализм в зарубежной лингвистике 20 века // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 26 – 136.
- 19.[Жинкин 1998] Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. – М.: Лабиринт, 1998. – 368 с.
- 20.[Завьялова 2002] Завьялова О.С. Функции генеритивного высказывания в структуре текста: дис. ... канд. фил.наук: 10.02.01. – М., 2002. – 228 с.
- 21.[Завьялова 2006] Завьялова О.С. Анализ художественного текста: от композиции к смыслу // Русская словесность . – 2006 . – № 2 . – С. 49 – 54.
- 22.[Золотова 1982] Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

- 23.[Золотова 1996] Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество: Сб. науч. тр. к 70-летию В. П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 284 – 296.
- 24.[Золотова 2001] Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 107 – 113.
- 25.[Золотова 2006] Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – 440 с.
- 26.[Золотова 2007] Золотова Г.А. О «коммуникативной грамматике» и ее возможностях. // Gramatyka a tekst. – Katowice: Oficyna Wydawnicza WW, 2007. – S. 7 – 19.
- 27.[Золотова 2009] Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 352 с.
- 28.[Золотова, Онипенко, Дручинина 2002] Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Дручинина Г.П. Русский язык. От системы к тексту. 10 класс: Учебное пособие для факультативных занятий в общеобразовательных учреждениях гуманитарного профиля. – М.: Дрофа, 2002. – 320 с.
- 29.[Золотова, Онипенко, Сидорова 1998] Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
- 30.[Киклевич 2014] Киклевич А. Связочные предложения и дупликация подлежащего (на материале русского и польского языков). // Gramatyka a tekst. – Т. 4. – Katowice: Oficyna Wydawnicza WW, 2014. – S. 142 – 164.
- 31.[Кобозева 1997] Кобозева И.М. Представление знаний о физических объектах для систем типа «Рисунок – Текст» // Категоризация мира: пространство и время. / Материалы научной конференции. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 117 – 123.

- 32.[Муравьева 2008]Муравьева Н.Ю. Категория перцептивности в семантике глагола и в тексте: автореф. дис. ... канд. фил.наук: 10.02.01. – М., 2008. – 23 с.
- 33.[Муравьева 2009]Муравьева Н. Ю. Семантическая категория перцептивности: грамматический аспект // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Вып. 8 – М., 2009. – С. 210 – 214.
- 34.[Найссер 1981] Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. – М.: Прогресс, 1981 – 232 с.
- 35.[Никитина 2008]Никитина Е.Н. Акциональность / неакциональность возвратных глаголов и категория субъекта (к грамматической сущности категории залога): дис. ... канд. фил.наук: 10.02.01. – М, 2008. – 365 с.
- 36.[Никитина 2012] Никитина Е.Н. «Бывают странные сближения» (о соединении несоединимого в художественных текстах). // Русская речь. – 2012. – №5. – С. 24 – 30.
- 37.[Никитина 2013] Никитина Е.Н. Субъектные нули и перцептивный модус (К вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке). // Вопросы языкознания. – 2013. – №2. – С. 69 – 82.
- 38.[Онипенко 2001a] Онипенко Н.К. Теория коммуникативной грамматики и проблемы системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении. – 2001. - №2. - С. 107 – 121.
- 39.[Онипенко 2001б] Онипенко Н.К. Три параметра лингвистической интерпретации текста. // Текст – интертекст – культура. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 9 – 24.
- 40.[Онипенко 2002] Онипенко Н.К. Синтаксическое поле русского предложения и модель субъектной перспективы текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. / Сборник статей, посвященный юбилею Галины Александровны Золотовой. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 178 –189.

- 41.[Онипенко 2003] Онипенко Н.К. Функционализм в современной русистике. Перербургская школа функциональной грамматики. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса // Современный русский литературный язык. Под ред. В.Г. Костомарова и В.И. Максимова. – М.: Гардарики, 2003. – С. 678 – 692.
- 42.[Онипенко 2012] Онипенко Н.К. Лингвистический анализ текста и терминологический аппарат современной грамматической науки. // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. – М.: Издательство МГОУ, 2012. – С. 383 – 389.
- 43.[Павлов 1918] Павлов И.П. Об уме вообще, о русском уме в частности. – 1918.[Электронный ресурс].<http://raptus.ru/archives/3261> (Дата обращения:21.04.2015)
- 44.[ПЛК 1967] Пражский лингвистический кружок.// Сборник статей под ред. Н.А. Кондрашова. – М.: Прогресс, 1967. – 559 с.
- 45.[Роговнева 2014] Роговнева Ю.В. Тексты репродуктивно-описательного регистра в системе дисциплины «Русский язык и культура речи» // Языковое и литературное образование в современном обществе – 2014 / Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (13 – 14 ноября 2014 года). – СПб.: ВВМ, 2014. – С. 76 – 83.
- 46.[Роговнева 2015a] Роговнева Ю.В. О влиянии распространителей на регистровую характеристику модели. // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. / Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 года). – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 443 – 446.
- 47.[Роговнева 2015б] Роговнева Ю.В. Имена прилагательные при описании человека в репродуктивном регистре // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты / Материалы Международной научно-практической конференции

- «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения», 19 мая 2015 года. – М., Ярославль: Ремдер, 2015. – С. 68 – 72.
- 48.[Роговнева 2015в] Роговнева Ю.В. Коммуникативно-функциональный анализ репродуктивных текстов-описаний предмета, созданных при прямом наблюдении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - № 12 (54). Ч.1. – 2015. – С. 151 – 154.
- 49.[Роговнева 2015г] Роговнева Ю.В. Типовое значение предикативных единиц в текстах-описаниях фотопортрета // Филология и человек. – 2015. – №4. – С.162 – 168.
- 50.[Роговнева 2015д] Роговнева Ю.В. Типовые значения предложений и рематические доминанты в репродуктивных текстах-описаниях места // Вестник РУДН. Серия "Русский и иностранные языки и методика их преподавания". – № 3. – 2015. – С. 39 – 44.
- 51.[Роговнева 2015е] Роговнева Ю.В. Типы информативных включений в репродуктивных текстах, созданных при непосредственном наблюдении // Материалы Международного молодежного научного форума "Ломоносов-2015". – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова – 2015. [Электронный ресурс:ISBN 978-5-317-04946-1]. – 0.1 п.л.
- 52.[Роговнева 2015ж]Роговнева Ю.В. Коммуникативные регистры в описании человека // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – № 3 – 4. – М.: 2015. – С. 75 – 79.
- 53.[Сидорова] Сидорова М.Ю. Регистровая техника и «ожидания» читателя: к вопросу о взаимодействии лингвистических подходов при изучении художественного текста:[Электронный ресурс].[URL:http://sidorova.weebly.com/10611091107610861078107710891090107410771085108510991081-10901077108210891090.html](http://sidorova.weebly.com/10611091107610861078107710891090107410771085108510991081-10901077108210891090.html). (Дата обращения: 25.06. 2015).

- 54.[Сидорова 1994] Сидорова М.Ю. Семантико-грамматические свойства имен прилагательных как основание для их классификации // Русистика сегодня. — 1994. — № 2. — С. 69–79.
- 55.[Сидорова 1997] Сидорова М.Ю. Семантико-грамматические свойства имен прилагательных как основание для их классификации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 1997. — Т. 6. — С. 7– 19.
- 56.[Сидорова 2000] Сидорова М.Ю. Грамматическое единство художественного текста: дис. ... д-р.фил. наук: 10.02.01. — М., 2000. — 485 с.
- 57.[Сидорова 2001] Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. — М., Центр М, 2001 — 400 с.
- 58.[Сидорова 2002] Сидорова М.Ю. Регистровая техника и ее возможности // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. / Сборник статей, посвященный юбилею Галины Александровны Золотовой. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — С. 487 — 497.
- 59.[Сидорова 2005] Сидорова М.Ю. К проблеме определения художественного текста: усложнения постгутенберговской эпохи // Текст. Структура и семантика. / Доклады X Юбилейной международной конференции. — Т. 1. — М., 2005. — С. 132–143.
- 60.[Сидорова 2008] Сидорова М.Ю. Русский мир в слове и камне: как географы и филологи клад искали // Мир русского слова. — 2008. — №1. — С. 50 — 56.
- 61.[Сидорова 2011] Захраи С., Сидорова М.Ю. Русский падеж. Правила и употребление. — Тегеран САМТ, 2011. — 615 с.
- 62.[Сидорова 2012] Вид глагола: правила и употребление/ Чжан Х., Чжаньин Г., Чжоу Ш., Сидорова М.Ю., Захраи С.Х., — Пекин: 2012. — 336 с.
- 63.[Сидорова 2014] Сидорова М.Ю. К развитию четырехступенчатой модели анализа текста. // Gramatyka a tekst. — Katowice: Oficyna Wydawnicza WW, 2014 — S. 7 — 30.

- 64.[Сидорова 2015] Сидорова М.Ю. Система коммуникативных регистров и типология коммуникативных ситуаций. // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. / Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября – 1 октября 2015 года). – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 480 – 484.
- 65.[Сидорова, Гостев 2015] Гостев П., Сидорова М. Индексирование и именование изображений: проблемы вне русской грамматики или для русской грамматики? // Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics. Структуры и функции: исследования по русистике. — 2015. — Т. 2, № 1. — С. 94–139.
- 66.[Сидорова, Николенкова 2014] Сидорова М.Ю., Николенкова Н.В. Русский язык и культура речи. – Программа дисциплины. Учебно-методический комплекс. – М.: Доброе слово, 2014. – 128 с.
- 67.[Сидорова, Роговнева 2015] Сидорова М.Ю., Роговнева Ю.В. Грамматика ситуаций и лингвистический эксперимент – новое поле коммуникативной грамматики. – Gramatyka a tekst. – Katowice: Oficyna Wydawnicza WW (в печати).
- 68.[Современная американская лингвистика 2002] Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. Кибрик А.А., Кобозевой И.М., Секериной И.А. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 480 с.
- 69.[Степанов 1981] Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 361 с.
- 70.[Текст 2011] Текст в коммуникативном пространстве современной России: монография / Чувакин А.А., Качесова И.Ю., Панченко Н.В. и др. Науч. ред. Чернышова Т.В., Чувакин А.А. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. – 337 с.
- 71.[Тестелец 2001] Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 798 с.

- 72.[ТФГ 1987] Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
- 73.[Уржа 2009] Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. – М.: Спутник, 2009. – 293 с.
- 74.[Уржа 2014] Уржа А.В. Модусная семантика и ее вербализация в тексте. – М.: МАКС Пресс, 2014. – 36 с.
- 75.[Философский словарь 1986]. Философский словарь. / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.
- 76.[Хакинг 1998] Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук / Хакинг Я., – М.: Логос, 1998. – 296 с.
- 77.[Холлидей 1978] Холлидей М.А.К. Место «функциональной перспективы предложения» в системе лингвистического описания. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 8. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 138 – 148.
- 78.[Холлидей 1980] Холлидей М.А.К. Лингвистическая функция и литературный стиль. // Новое в зарубежной стилистике. Выпуск 9. Лингвостилистика. – М., Прогресс, 1980. – С. 116 –147.
- 79.[Эко 2002] Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. – СПб.: Симпозиум, 2002. – 285 с.
- 80.[Ю Джен-Хи 2001]Ю Джен-Хи Бытийные предложения с у-локализатором (логический тип): характеристические предикаты. // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб-к статей. / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 94 – 102.
- 81.[Якобсон 1975] Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193 – 230.
- 82.[Athanasopoulos, Bylund 2013] Athanasopoulos P., Bylund E. The ‘thinking’ in thinking-for-speaking: where is it? // Language, Interaction and Acquisition. – 2013. –№3(2). – PP. 91 – 100.

- 83.[Bock 1982] Bock J. Kathryn. Toward a Cognitive Psychology of Syntax: Information Processing Contributions to Sentence Formulation. // *Psychological Review*. – 1982. – №89. – PP. 1 – 47.
- 84.[Daneš 1964] Daneš Fr. Téma / základ / východisko výpovědi. // *Slovo a slovesnost*. – 1964. – №2. – S. 148—149.
- 85.[Daneš 1966] Daneš Fr. A Three-Level Approach to Syntax // *Travaux linguistiques de prague*. – Paris: Librairie C. Klincksieck, 1966. – PP. 225 – 241.
- 86.[Firbas 1982] Firbas J. “Aktuální členění větné” či “funkční perspektiva větná”? // *Slovo a slovesnost*. – №4. – 1982. – S. 282 – 293.
- 87.[Halliday 1964] Halliday M.A.K. Comparison and translation // Halliday M.A.K., McIntosh M., Stevens P. *The linguistic sciences and language teaching*. – London: Longman. – 1964. – 322 p.
- 88.[Halliday 1985] Halliday M.A.K. *An Introduction to Functional Grammar*. – London: Arnold, 1985. – 387 p.
- 89.[Halliday, Hasan 1976] Halliday M.A.K., Hasan R. *Cohesion in English*. – London: Longman, 1976. – 375 p.
- 90.[Hamburger 1957] Hamburger K. *Die Logik der Dichtung*. – Stuttgart, 1957. – 255 s.
- 91.[Lubocha-Kruglik 2009] Lubocha-Kruglik J. O kategorii perceptywności. – *Gramatyka a tekst*. – Katowice: Oficyna Wydawnicza WW, 2009. – S. 80 – 93.
- 92.[Lubocha-Kruglik 2011] Lubocha-Kruglik J. Obserwator w zdaniu a w tekście – *Gramatyka a tekst*. – Katowice: Oficyna Wydawnicza WW, 2011. – S. 80 – 99.
- 93.[Mathesius 1939] Mathesius V. O tak zvaném aktuálním členění věty // *Slovo a slovesnost*. – №4. – 1939. – S. 171 – 174.
- 94.[Mistrík 1966] Mistrík J. *Slovosled a vetosled v slovenčine*. – Bratislava: Vydateľ'stvo Slovenskej akademie vied, 1966 – 280 s.

- 95.[Slobin 1987]Slobin D.Thinking for speaking // J. Aske, N. Beery, L. Michaelis, & H. Filip (eds.) Papers from the 13th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society.– Berkeley, 1987. – PP. 156 – 185.
- 96.[Slobin 1996] Slobin D.From "Thought and Language" to "Thinking for Speaking" // JohnJoseph Gumperz und Stephen C. Levinson (Hgg.): Rethinking Linguistic Relativity. – Cambridge, 1996. – PP. 70 – 96.
- 97.[Slobin 2000]Slobin D. Verbalized Events: A Dynamic Approach to Linguistic Relativity and Determinism // R. Dirven und S.Niemeyer (Hgg.): Evidence for Linguistic Relativity.– Amsterdam; Philadelphia, 2000.– PP. 107 – 138.
- 98.[Stutterheim 2003]Stutterheim Ch. Linguistic Structure and Information Organisation: The Case of Very Advanced Learners // EUROS LA Yearbook. – №3 - 2003. – PP. 183–206.
- 99.[Stutterheim et. all. 2012]Stutterheim Ch., Carroll M., Flecken M., Schmiédtova B. How Grammaticized Concepts Shape Event Conceptualization in Language Production: Insights from Linguistic Analyses, Eye Tracking Data, and Memory Performance // Linguistics. – №5 (40). – 2012. – PP. 833–867.
100. [Treffers-Daller 2012] Treffers-Daller I. Thinking for speaking and linguistic relativity among bilinguals: towards a new research agenda. // Language, Interaction and Acquisition. – №3(2). – 2012. – PP. 288 – 300.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Тексты-описания, созданные говорящим на основе непосредственного наблюдения действительности.

Тексты-описания соседа по парте.

а) механико-математический факультет МГУ:

1. Моя соседка по парте одета в серые брюки и фиолетовую кофту. Ее русые волосы собраны сзади с помощью коричневого блестящего краба. На ее ушах висят сережки, представляющие из себя зеленый камень в золотой оправе. Из-под фиолетовой кофты видны зеленые рукава, ногти покрыты черным лаком. Фиолетовая кофта украшена блестящими стразами.

2. Это девушка. Она сидит. Ее коричневая сумка лежит у нее на коленях. Руки ее лежат на парте, она держит в руках четвертый айфон (белый в черном чехле) и смотрит в него, нахмутив лоб. Ее густые каштановые волосы заплетены в косу, видна длинная сережка, похожая на гроздь листиков. Из украшений на ней еще кольцо, на вид серебряное, на безымянном пальце левой руки. Когда она поднимает правую руку и нажимает на экран телефона, я вижу, что на безымянном пальце правой руки тоже кольцо с какой-то завитушкой, украшенной камушками или стразами. Одета она буднично: на ней белая кофточка (что-то вроде водолазки), джинсы, а на шее – мохнатый белый шарф. Девушка продолжает сосредоточенно смотреть в айфон, периодически что-то очень быстро нажимая на экране. Телефон занимает все ее внимание, она не отрывает от него глаз, лоб нахмурен, рот приоткрыт. В то же время лицо ее сохраняет наивно-удивленное выражение, так как глаза широко открыты и брови слегка приподняты.

3. Мой сосед по парте – девушка. У нее темные волосы, заплетенные в косу. Она одета в серую длинную юбку и в серую кофту. Она пишет правой рукой. На указательном пальце правой руки кольцо. На ногах у этой девушки

черные туфли. Когда она задумывается, то смотрит немного в сторону. Она очень стройная. Девушка не сутулится.

4. За соседней партой: молодой человек, примерно 20 лет, среднего роста. Волосы: светло-русые, средней длины. Лицо: овальное. Глаза: темно-голубые. Одет в черно-серый джемпер в полоску и черные брюки. На левой руке носит часы. Особых примет не имеет.

5. У моей соседки длинные темные распущенные волосы. Она в строгом сером платье, в белой блузке и черных сапогах. На правой руке у нее небольшой браслет, на левой руке – часы. Она сидит ногу на ногу, немного сгорбившись и наклонив голову к листочку. Около нее лежит яркая маленькая сумка, сделанная под замшевую кожу.

б) филологический факультет МГУ:

1. Рядом со мной сидит брюнетка с серыми глазами. Ее длинные волосы собраны в хвостик, а длина промеряет и все части тела моей соседки: она высокая, стройная. Черты лица формы овала правильные, они сочетаются с характером этого человека. На моей соседке шерстяное платье бордового цвета, в ушах – серьги в виде сердечек, а на пальце – кольцо. Все украшения на ней черного цвета, возможно, подобраны под цвет волос. На фоне темных тонов украшений и волос выделяется белизна кожи, и этот контраст цветовых оттенков оживляет весь облик человека, делает его запоминающимся.

2. Я вижу рядом с собой кареглазую девушку, брюнетку. У нее смуглая кожа и приятные черты лица: курносый нос, большие выразительные глаза, тонкие губы. Она красиво улыбается и заразительно смеется. Одета она в яркую полосатую футболку и джинсы. В ушах серьги-кольца. Украшение на шее подобрано по тон полосок на футболке. По ее виду можно сразу понять, что это жизнерадостный человек: яркость одежды, блеск глаз и легкая несходящая улыбка определенно внушают доверие. Я рада, что это мой друг.

3. Катя высокая и стройная. У нее светлые голубые глаза и темные волосы. Она говорит довольно быстро мягким, тонким голосом. Катя одета в

синюю блузку и джинсы, а на шее у нее разноцветный шарф с узорами. У нее приятный и доброжелательный вид. Ее одежда сочетается хорошо с ее черными волосами.

4. Саша сидит как всегда справа от меня. В левой руке она держит ручку. Правой рукой она пытается закрыть от меня то, что пишет. Она одета сегодня в фиолетовую кофту под горло с вырезами на рукавах и в черную юбку волнами. Когда Саша выводит буквы на письме, она наклоняет голову вправо и у нее чуть подрагивают кончики коротких, чуть завитых светлых волос. Когда локоны ей мешают, она заправляет их за ухо. Саша периодически поглядывает на меня и продолжает писать.

5. Ксюша – миниатюрная блондинка с прямыми длинными волосами. У нее правильные черты лица и серые глаза в обрамлении фиолетовых ресниц. На Ксюше сиреневое платье романтического стиля. На нее – подвеска из эмали, левая рука украшена браслетом золотистого цвета и двумя кольцами, в ушах – сережки. Ксюша обута в черные кожаные сапоги на каблучке. Волосы Ксюши убраны в изящный пучок, у нее маникюр серо-фиолетового цвета. Она смеется, сидя за партой, закинув ногу на ногу.

в) Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина:

1. Мою соседку зовут Даша. У нее светлая кожа, карие глаза. Каштановые волосы собраны в пучок. Одета она свободно: теплый свитер, джинсы и кеды. На руке классические часы с черным ремешком. Возможно, любит темные тона, на что указывает цвет одежды, аксессуары, холодный коричнево-бардовый лак, темная тетрадь, темно-синяя сумка.

2. Она среднего роста. У нее овальное лицо, темные прямые волосы. Ее глаза серо-голубые, а ресницы длинные. Ногти у нее длинные и красивые. Аккуратный маникюр. Она обычно носит брюки. Ходит она обычно с черной сумкой. Голос эмоциональный, часто шутит.

3. У моей соседки хорошие белые волосы. У нее голубые глаза, но, так как у нее плохое зрение, она вынуждена носить очки. Сегодня на ней был

черный кардиган и черный брюки, в то же время кофта ее с красными, зелеными и темно-синими полосками. По-моему, на этой кофте даже есть небольшие бантики с камушками. Она носит серьги-камушки, на шее – две подвески: ее знак зодиака и крестик. На руках у нее кольца. Кстати, все украшения золотые. Когда она пишет, на мой взгляд, очень низко склоняется над партой. Скорее всего сказывается плохое зрение. Моя соседка больше меня – это факт.

4. Ее зовут Альбина. Девушка невысокого роста. Волосы темно-русые, глаза зеленые, носит очки. Одета в джинсы, белый свитер, обута в бордовые балетки. Пишет правой рукой. Волосы распущены, челки не носит. Украшения отсутствуют. Голос ровный, негромкий, интонация сдержанная. Легкая и вежливая в общении.

5. Мою соседку по парте зовут Настя. У нее светлые волосы и голубые глаза. Она одета в темно-серый свитер и темно-синие джинсы. Она надевает очки на занятиях. Ногти покрыты бесцветным лаком. На ногах – сапоги. Она среднего роста. Рядом с ней лежит бежевая сумка с темными ручками.

Тексты-описания фотографии Марлен Дитрих.

а) механико-математический факультет:

1. Черно-белая фотография женщины в мужском костюме. Она сидит, положив левую ногу горизонтально на правую, наклонившись к зрителю.левой рукой опирается на ногу и держит в руке дымящуюся сигарету. Взгляд женщины направлен в объектив, правая бровь приподнята. Свет падает сверху с левой стороны.

2. На фотографии изображена девушка. Она в черном костюме: пиджак или смокинг и брюки. Под пиджаком на ней белая блуза. В кармане пиджака чуть видно белый платочек. Волосы у нее уложены локонами, на голове мужской цилиндр. Она ехидно улыбается. В одной руке у нее сигарета, а другая

находится на поясе. Она сидит, нога лежит на другой ноге перпендикулярно. На той ноге, которую видно, мужской ботинок.

3. На фото изображена девушка, сидящая на чем-то. Одна ее нога закинута на другую, правая рука упирается в бок, локоть левой – на колене. В левой же руке она держит тлеющую сигарету. На безымянный ее палец надето кольцо. Под черным пиджаком, в сочетании с черными брюками, составляющими смокинг, видна белая сорочка с белым галстуком-бабочкой. Из-под черного цилиндра выбиваются пряди светлых волнистых волос. На одной ноге девушки (другой не видно) надеты черные блестящие туфли-оксфорды.

4. На фотографии изображена женщина, одетая несколько по-мужски. На ней лаковые туфли, черный мужской костюм, а на голове цилиндр, в руках сигаретах. Но несмотря на столь неженский облик, выглядит она очень привлекательно: у нее кудрявые светлые волосы, кольцо на пальце, прямые брови. Ровная белая кожа, тонкие (но не слишком) губы и бабочка на шее особенно бросаются мне в глаза. Поза выбрана следующая: нога на ноге, высоко задрана, локоть опирается на колено. Взгляд прямой, прямо в камеру. Фон – серый, ничто не отвлекает внимание от изображенной женщины.

5. На картинке изображена красивая девушка. Она одета в черный мужской костюм. На голове у нее высокий цилиндр. Из-под него виднеются очень светлые вьющиеся волосы. В руке девушка держит сигарету, от которой исходит дым. Благодаря тому, что одна нога закинута на другую, мы видим обувь – черные лакированные ботинки. У нее тонкие брови, крупный прямой нос. На шее – белоснежная бабочка.

б) филологический факультет (МГУ имени М.В. Ломоносова и Гос.ИРЯ имени А.С. Пушкина):

1. С фотографии насмешливо, с вызовом смотрит ухоженная блондинка. Она в цилиндре и костюме, напоминающем мужской, с ретро-укладкой. Под костюмом у нее белая рубашка, а на шее – бабочка. Поза раскованная: нога закинута на ногу, рука вальяжно отставлена от туловища и лежит в кармане. В руке у нее дымится сигарета. Левый глаз чуть-чуть приподнят. Такой образ достаточно популярен в снимках в стиле ретро.

2. На фотографии Марлен Дитрих. У нее светлые волосы, а на голове – черный мужской цилиндр. Волосы уложены в популярную в начале века укладку. Она одета в черный костюм – мужской пиджак и брюки. Под пиджаком надета белоснежная рубашка. Из кармана-паше торчит платочек. Улыбка у девушки загадочная, она улыбается глазами. Губы тонкие и сжаты. Она сидит на чем-то, одна нога покоится на колене другой. Одна рука в кармане брюк, а другая отведена в сторону, и в ней зажата сигарета. Дым от сигареты идет вверх.

3. У женщины на фотографии небольшие миндалевидные, широко расставленные глаза, тонкие брови, правильной формы нос, тонкие губы. У нее мягкий взгляд и загадочная улыбка. Из-под блестящего цилиндра, слегка сдвинутого набок, видны короткие светлые вьющиеся волосы. Женщина одета в мужской костюм. На ней черный фрак и брюки, белая рубашка, блестящие черные мужские туфли. Женщина сидит в несколько вальяжной позе, закинув ногу на ногу. Одна рука у нее убрана в карман. В тонких пальцах другой руки она держит дымящуюся сигарету. На безымянном пальце у нее кольцо.

4. На фотографии Марлен Дитрих в черном костюме, невысоком цилиндре и начищенных до блеска туфлях. Она сидит в позе, выражающей уверенность и сильный характер, - положив одну ногу на другую. У нее приятное лицо, тонкие брови и немного прищуренный взгляд. Двумя пальцами женщина держит сигарету. На безымянном пальце у нее крупное кольцо.

Светлые волосы уложены в небрежную прическу. Вьющиеся локоны обрамляют лицо.

5. На картине я вижу женщину с кудрявыми короткими волосами. Она сидит, положив ногу в блестящей черной туфле на колено. В руке она держит дымящуюся сигарету, а цилиндр на голове игриво сдвинут набок. Женщина слегка улыбается. Выражение лица у нее веселое и немного хитрое. На женщине мужской костюм, но вполне женский маникюр, а также кольцо на безымянном пальце левой руки, которой она облокачивается на колено. Вторую руку женщина держит в кармане. Белая рубашка хорошо выглажена, и весь костюм сидит на женщине идеально. У женщины округлые черты лица и тонкие брови. Картина черно-белая.

Тексты-описания фотографии певицы Мадонны:

1. Передо мной фотография Мадонны, блондинки в костюме. На лице у нее довольно яркий макияж: подведены брови, накрашены глаза, ярко-красная помада. Костюм ее не классический: черные брюки и пиджак. На голове ее цилиндр. Под пиджаком белая рубашка, кремового цвета жилетка и бабочка. В кармане пиджака есть желтый цветок. Можно предположить, что фотография была сделана на премьере какого-то фильма, потому что сзади нее стоит полотно с надписью «THE CINEMA SOCIETY».

2. На этой фотографии запечатлена Мадонна в костюме стиля эпохи запрета. Черный цилиндр и смокинг с желтым цветком в петлице помогают создать образ танцовщицы в кабаре тридцатых годов, не хватает только тросточки. Настроение эпохи помогает передать ярко-розовая помада. Лицо Мадонны выглядит достаточно молодым, но состаренные руки со вздутыми венами выдают ее возраст. На пальце – огромный перстень.

3. На фотографии изображена женщина среднего телосложения. На ней фрак, белая рубашка, белый жилет, бабочка и черный цилиндр, слегка

сдвинутый набок. Даже в мужском костюме она выглядит изящно. На воротнике у нее – белый цветок, который придает ее виду торжественности. У нее короткие светлые вьющиеся волосы, белая кожа, красные губы и выразительные глаза. Руку она держит на поясе. У нее тонкие брови, и левая – слегка приподнята, а рот приоткрыт так, как будто она собирается что-то сказать.

4. На фотографии я вижу Мадонну, одетую в стиле Марлен Дитрих. На ней черный пиджак, черные брюки. Под пиджаком надета белая рубашка. На голове – сдвинутый набок цилиндр. На шее – бабочка. К пиджаку приколот цветок. Губы у нее вульгарно накрашены, а рот так же вульгарно открыт. Брови тонкие, лоб высокий. На руках кольцо и браслет. Можно предположить, что они серебряные. Она стоит возле стены с надписями.

5. На голове у Мадонны наклоненный черный цилиндр. На теле белая рубашка. Поверх нее серая жилетка. Стильный черный пиджак подчеркивает хорошую фигуру. Слева на него прикреплена элегантная заколка из живого цветка. Область от запястья до костяшек левой руки закрывает золотой манжет. На костлявой правой руке большой кольцо с драгоценным камнем. На шее у Мадонны скучная белая бабочка. Ботоксное лицо почти не выражает эмоций. Оно имеет ненатуральный цвет. Брови узкие и подведенные. Глаза накрашенные и прищуренные, взгляд загадочный. Алые губы приоткрыты, из-под цилиндра струятся рыжие локоны. Снизу надеты широкие черные брюки. Мадонна стоит перед фотокамерами в вальяжной позе.

Тексты-описания станции метро «Университет»:

1. Я спускаюсь по эскалатору в зал станции. Этот зал представляет собой прямоугольное помещение. По обеим сторонам его расположены платформы. Перед платформами по длине зала стоят колонны. Около колонн – деревянные лавочки. Задняя стена станции глухая. Слева находится лестница. Она ведет к другому выходу в город. С потока свисают таблички, которые указывают, где

191

какой выход. Освещение плохое. Стены вдоль путей желтые, выложены плиткой.

2. Станция метро «Университет» не отличается особой красотой. Это обычная станция, каких много за пределами Кольца. Вестибюль станции вытянут в длину. У задней стены стоит информационная стойка. По обеим сторонам вестибюля расположены лавки. Их основание мраморное, а сами сиденья деревянные. Рядом с лавками стоят колонны. Они тоже мраморные. Где-то в центре зала, с левой стороны, если спускаться по эскалатору от университета, находится второй выход в город. Освещение на станции всегда слабое, а людей всегда много.

3. Широкое и просторное помещение. Есть два выхода в город – один ведет к корпусам университета, а второй – к цирку. С потолка свисают указатели. Стены вдоль путей выложены желтой плиткой. Массивные колонны стоят по всей длине станции, с обеих сторон. Колонны из мрамора, рядом с ними – скамейки. Пол выложен мраморными квадратами, кажется, в виде какого-то узора. Лампа длинная и довольно грязная. Она тянется по всей длине станции. На станции шумно от поездов и гула людей.

4. На станции метро «Университет» есть два выхода с улицы. Эскалатор у первого входа ведет сразу к платформам, а если входить через другой вход, то после эскалатора нужно еще пройти и спуститься по ступенькам. Станция большая и светлая. Стены покрыты плиткой, а пол и колонны – мрамором. Потолок белый. По всей его длине друг за другом – обычные белые светильники, которые сливаются в одну линию. Если стоять в центре зала, то, глядя в один конец, можно увидеть эскалатор, а с другой – просто стену. Станция не украшена мозаиками, росписями или скульптурами, как некоторые другие. Зато у колонн есть лавочки, на которых можно посидеть.

5. Станция «Университет» большая и просторная. Здесь есть два выхода в город. К первому ведут эскалаторы, а ко второму сначала обычная лестница, а

потом и эскалаторы. Задняя стена глухая. Возле нее стоит информационный красно-синий стенд. Пол станции выложен серыми и красными квадратиками. Потолок станции по всей длине подпирают колонны. Они бело-желтого цвета. А рядом с ними стоят лавочки. Между колоннами – выход к путям, а с одной стороны – лестница к выходу в город. Стены вдоль путей выложены плиткой. На них висят таблички со станциями этой ветки и с пересадками. На пути из центра с потолка свешивается табличка «Посадки нет», которая загорается, когда поезд дальше не идет.

Тексты-описания входа в Первый корпус гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. На выходе из первого гума стоят кучки курящих студентов, они стряхивают пепел в урны, расположившиеся у колонн, массивных и каменных, на которых держится козырек корпуса. Слева тянется аллея, ведущая к главному корпусу МГУ. Верхушка сталинской высотки теряется в облаках. Справа пролегает асфальтированная дорожка, по которой беспрестанной вереницей тянутся студенты, спешащие на учебу или домой. Немного дальше располагается неработающий фонтан прямоугольной формы. За ним расположились голые деревья. На земле лежат островки уже почти сошедшего снега.

2. Я стою перед зданием первого гуманитарного корпуса. Передо мной – главный вход, за мной – фонтан. Справа видно главное здание Университета. Слева по дорожке ко входу идут студенты, спешащие на пару. Подходя к дверям, они начинают копаться в сумках, карманах верхней одежды. Найдя свои студенческие билеты, они заходят в здание. Под козырьком около колонн небольшими группами собираются студенты, которые вышли в перерыве из корпуса, чтобы покурить. Я слышу их смех, чувствую запах сигарет.

3. Из серого 11-этажного здания вперед выдается крытый вход. Фасад входа украшен рельефом в виде 4-х людей. На уровне 2 этаже вход окружен

193

открытым балконом. Массив входа опирается на черные прямоугольные колонны, расположенные по периметру. Пространство входа расположено на небольшом возвышении. К нему ведут 4 широкие некрутые ступеньки, охватывающие весь периметр входа. Под козырьком, на небольшом расстоянии от колонн, располагается холл входа. Он окружен по периметру стеклянными окнами во всю высоту и стеклянными дверями со стороны фасада.

4. Возле входа в корпус стоят колонны, которые подпирают крышу. Около колонн расположены мусорки, они грязные, и от них плохо пахнет. Тут же стоят студенты и курят. Пахнет плохим табаком и дорогими духами. В здание гума ведет несколько дверей, но открыта только одна. Там есть небольшой холл, он кончается другими дверями. Прямо перед этими дверями сидят охранники, слева – зеркало и бюро пропусков. Рядом еще много всяких стендов с рекламой факультетов.

5. Подходя к 1-му гуму, я вижу длинные серые стены. «Большой сачок» - небольшое пространство перед самым входом в здание. Здесь стоит несколько колонн, они массивные и поддерживают крышу-козырек. Я подхожу к ряду стеклянных дверей. На одной из них написано «вход». Я открываю ее и захожу в здание. Холл 1-го гума – достаточно большое и светлое помещение. По обеим сторонам расположены вешалки с одеждой, а перед ними стоят колонны. Вокруг этих колонн – лавочки, где можно спокойно переодеться. В глубине холла находится широкая лестница, которая ведет в длинный коридор с лифтами, аудиториями, буфетом.

Тексты-описания аудитории:

1. Большое, светлое помещение. Здесь есть два больших окна, одно из них приоткрыто. Из окон видно внутренний двор института. В аудитории стоят парты с лавками, за некоторыми сидят студенты и что-то пишут. Задняя и правая стены глухие, они обклеены желтыми обоями. На передней стене висит

доска, она зеленого цвета, а на ней лежит мел. Стол преподавателя стоит лицом к партам. Дверь в аудиторию открыта, воздух здесь свежий.

2. Сейчас я нахожусь в аудитории института. Она довольно просторная и светлая. На стенах висят картины известных русских писателей – Некрасова, Гоголя, Достоевского. Здесь уютно и тепло. За окном солнечно. Окно приоткрыто. В аудитории 20 человек.

3. Наша аудитория небольшая, но светлая. В ней находится 14 парт, учительский стол и меловая доска. Слева есть 4 окна. По стенам есть розетки. Возле учительского стола стоит стул. Стул зеленого цвета. Доска тоже зеленая. А стены темно-желтые.

4. Я нахожусь в 410 аудитории учебного корпуса нашего института. Здесь три ряда учебных столов со скамьями. Преподавательский стол стоит напротив первой парты среднего ряда. Стены оклеены обоями с древесным рисунком. На передней стене висит зеленая доска. На доске еще остались записи с предыдущего занятия. Окна большие и белые. Под ними – батареи. Преподаватель сидит за своим столом, иногда он встает и прохаживается по аудитории. Ребята пишут, иногда переговариваются шепотом.

5. Маленькая комната с коричневыми стенами. Слева два окна. Три ряда парт со скамейками. На стене, перед партами, висит зеленая доска. Включен свет. За партами сидят студенты и пишут. Стол преподавателя стоит посередине. Стула в аудитории нет, он стоит перед аудиторией.

Тексты-описания незнакомого места по фотографии:

1. На картинке я вижу станцию метро с тремя переходами и одним выходом в город. Мало людей, всего 6 человек. Вдалеке висит информационное табло. Тусклое освещение, кафельное половое покрытие. У переходов висят таблички с указателями. Вдоль станции стоят колонны, а возле них – лавочки.

2. На картинке изображена станция метро. На станции есть люди в легкой одежде. Скорее всего, фото сделано летом. Слева – лестницы, которые ведут к переходу на другие ветки. В конце станции виднеется яркий экран, справа от него – информационный стенд.

3. Фотография станции метро. Слева есть лестницы, наверное, это переход или выход в город. Вдоль коридора стоят лавочки, на которых сидят люди. В середине коридора висит вывеска, она указывает, до каких станций можно ехать. В конце коридора горит рекламный экран. На станции по бокам стоят колонны. Они большие и квадратные.

4. Вход в какое-то здание. Я вижу небольшое крыльцо. Большие колонны поддерживают крышу. К этому крыльцу ведут три ступеньки. Вокруг крыльца лежит снег.

5. Старое, советское здание, возможно, институт. В нем много этажей. Все окна одинаковые. Стены серые. Большие стеклянные окна и двери на входе. На фасаде изображены фигуры. На переднем плане – черные колонны.

Тексты-описания телефона/планшета:

1. Перед собой я вижу предмет прямоугольной формы. Одна сторона у него ярко-зеленого цвета, а другая – черного. На ощупь предмет гладкий и холодный со всех сторон. По периметру корпуса есть различные выпуклости и отверстия. А на передней панели – большой экран и 3 кнопки. Весит предмет не очень много. Зато на нем много сколов и царапин.

2. Телефон золотистого цвета. Вверху продолговатый динамик, слева от него – три черные точки. Внизу – одна выпуклая кнопка. Экран черный, в разводах. На нем есть несколько неглубоких царапин. По бокам – кнопки, которые регулируют громкость, слоты для сим-карты и карты памяти. На тыльной стороне – камера, вспышка, еще один динамик. Телефон гладкий на ощупь, тонкий и вытянутый в высоту.

3. Я вижу прямоугольный предмет. Он лежит передо мной. На ощупь он твердый, холодный. Его нельзя согнуть. Предмет белый с окантовкой серебряного цвета. Снизу у него множество углублений. Сбоку предмет имеет несколько выпуклых круглых элементов. На другой стороне предмета я вижу рисунок. Внизу задней части находятся какие-то символы и рисунки. Экран предмета черный, и в нем отражается мое лицо.

4. Передо мной лежит телефон. Он прямоугольной формы, плоский, тонкий и продолговатый. Края у него закругленные, неострые. На лицевой стороне – экран, а под ним – три кнопочки. Экран сейчас выключен. Задняя сторона сплошная, на ней посередине изображен логотип фирмы. Еще на задней стороне много царапин и повреждений, потому что телефон много раз падал. По бокам телефона множество отверстий и клавиш. Предмет холодный, приятно и удобно лежит в мужской руке. Еще добавлю, что лицевая сторона гладкая, а задняя – матовая.

5. Передо мной на столе лежит предмет. Он черный, плоский и продолговатый. По размеру он чуть меньше ладони. Он не абсолютно плоский, его ребра толщиной примерно с ноготь мизинца. Они гораздо светлее верхней плоскости предмета. Сама верхняя плоскость неоднородная: у верхнего края есть небольшое вытянутое отверстие, а внутри него – углубление с маленькими черными точками. Рядом с этим углублением есть рисунок – лицо с носом и одним глазом. Около рисунка два символа – LG.

Тексты-описания сумки:

1. Это сумка из коричневой кожи. У нее есть две короткие ручки один длинный ремень. Кроме того, у нее есть один замок, от собачки которого оторвано то, за что нужно держаться, когда им пользуешься. У сумки есть две металлические заклепки с двух сторон у основания ручек. У начала и конца замка есть металлические крючки, с помощью которых к сумке можно прикрепить длинный ремень. Внутри сумки – одно большое отделение и два

маленьких. Подкладка тканевая. Ткань внутри сумки светло-коричневая, она немного светлее внешнего материала.

2. Рядом со мной на полу лежит сумка. Она коричневая, замшевая, вместительная (около 6 литров). По форме сумка – «баул». У нее две ручки, одна из них наполовину надорвана. По краям ручек торчат нитки от распутившейся белой прострочки. Сумка пахнет замшей (если принюхаться к ней, а так вообще незаметный запах). Внутри сумки лежат бутерброды, поэтому пахнет еще и бутербродами. В сумке еще лежит белая шерстяная шапка, полосатый желто-зеленый кошелек, светло-зеленая косметичка, голубая зубная щетка, зубная паста и две белые тетради.

3. Передо мной коричневая дамская сумка. Из нее торчит уголок голубого легкого шарфа. Сумка с виду потертая, наверное, ее носили не один год. Она открыта и висит на крючке парты. Я вижу, что в ней лежит книга, белый пакет, черный кошелек и тот самый шарф. Вещи уложены достаточно неаккуратно. В сумке два отделения. На аксессуаре три молнии: одна основная и две по краям – от небольших кармашков. У сумки три цвета разных оттенков коричневого. Основной цвет теплый и два цвета для вставок вокруг молнии.

4. Справа от меня стоит рюкзак. Он рыжего цвета, а дно у него ярко-синее. Как у любого рюкзака, у него есть две лямки, они тоже рыжие. Спина его черная. У основания лямок есть петелька. На передней части рюкзака есть карман на молнии. Он глубокий, я могу поместить туда руку примерно до середины локтя. Кроме кармана, у рюкзака одно большое отделение. Внутри этого отделения есть еще один карман, в котором сейчас лежит ноутбук. Подкладка тканевая, черного цвета. На рюкзаке большими черными буквами написано «PUMA», а рядом нарисована сама пума.

5. Я вижу черную прямоугольную сумку с короткими ручками. На передней стороне сумки расположены композиции из трех золотистых кружочков с необычным узором. Фурнитура тоже золотистая. По бокам сумки

198

расположены крючки. Значит, к ней можно присоединить длинный ремень и носить ее через плечо. Судя по ощущениям, сумка из кожзама. Пахнет нейтрально. Одна из ручек надорвана. Сзади есть небольшой карман на молнии. Он выпуклый, и из него торчит носовой платок. В сумке одно отделение, оно застегивается на молнию.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Фотографии к экспериментам 2 и 6.

Фотография 1. Марлен Дитрих.

Фотография 2. Мадонна

Фотография 3. Станция метро «Университет»

Фотография 4. Вход в первый корпус гуманитарных факультетов
МГУ имени М.В. Ломоносова